

В. В. Вязунова

**Времена
не выбирают.
В них живут...**

(воспоминания о моей жизни)

**Жизнь – это всего лишь нескончаемый ряд
счастливых возможностей выжить**

Габриель Гарсия Маркес

*Светлой памяти моих родителей
Татьяны Копытман, Валериана Вязунова
и мужа Виктора Володина посвящается*

С любовью к сегодняшним и будущим потомкам

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большей пошлости на свете
Нет, чем кланчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.

Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; я в пять лет
Должен был от скарлатины
Умереть, живи в невинный
Век, в котором горя нет.

Ты себя в счастливицы прочишь,
А при Грозном жить не хочешь?
Не мечтаешь о чуме
Флорентийской и проказе?
Хочешь ехать в первом классе,
А не в трюме, в полутьме?

Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время - это испытанье.
Не завидуи никому.

Крепко тесное объятье.
Время - кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас - его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.

1978 год
Александр Кушнер

Содержание

	Предисловие.....	8
	Генеалогическое древо семьи.....	10
1	Счастливый Незаметный.....	11
2	Москва 1936-37 годы.....	15
3	Дети «врага народа».....	19
4	В рязанской деревне.....	24
5	«Хождения по мукам».....	28
6	Тайная жизнь в Мончегорске.....	32
7	Папа снова с нами!.....	39
8	Одесса. Начало войны.....	44
9	Жизнь в оккупации.....	51
10	Встреча с Марией Романовной.....	57
11	Школа Столярского.....	63

12	Румыния.....	68
	Швабская деревня.....	71
	Румынская провинция.....	72
	Бухарест.....	74
13	Возвращение.....	77
14	Жизнь семьи без меня.....	82
15	Догоняю и осваиваю.....	98
16	Пионерское лето.....	104
17	Новая школа.....	111
18	Путешествие в Сибирь.....	118
19	Девчонки 800-летней Москвы.....	123
20	Денежная реформа 1947 года.....	129
21	Окончание школы.....	134
22	Норильск. Техникум.....	138
23	Норильск конца сороковых.....	149
24	Новый 1949 год.....	155
25	Производство и поэзия.....	159
26	Лето.....	163
27	Жизнь и профсоюз.....	168
28	70-летие Сталина.1950-й год.....	173

29	Рабочая практика и первый отпуск.....	177
30	Мои поклонники.....	183
31	Большие перемены.....	188
32	Решающий год.....	193
33	Окончания и начала.....	202
34	Заключение.....	213
	<i>Семья отца – Вязуновы.....</i>	<i>217</i>
	<i>Семья матери – Копытман.....</i>	<i>243</i>
	Приложение.....	260
	Глоссарий советского новояза.....	260
	Содержание статьи 58 уголовного кодекса РСФСР.....	262

Предисловие

Почему я решила написать записки о детстве и юности? Не потому, что считаю себя какой-то особенно интересной, достойной внимания личностью, о жизни которой стоит рассказывать. Просто на мою долю выпала не совсем обычная жизнь. То, что я дожила до 83-х лет – заслуга моих родителей и многих людей, которые помогли избежать смерти в детстве и не сломаться в более поздние годы. О них хотелось рассказать. И ещё, я обещала написать эти воспоминания главному человеку моей жизни – другу и мужу Володину Виктору Андреевичу, покинувшему этот мир в 2011 году.

Описывая свою жизнь, я остро ощутила те невидимые и неформальные нити, которые связывают меня с родителями, бабушками, дедушками и поняла, почему в детстве мне так хотелось иметь бабушек и дедушек, которых у меня никогда не было.... Наверное, я не смогла бы многое преодолеть и сделать в прошедшей жизни без того, что в меня заложили родители и передали в генах предки. В последние годы мне стали особенно близки строчки Марины Цветаевой¹:

*Поколение, где краше
Был – кто жарче страдал!
Поколение! Я – ваша!
Продолжение зеркал.
Ваша – сутью и статью,
И почтеньем к уму,
И презрением к платью
Плоти – временному!*

Я пишу только о том, что помню и пережила сама, может быть, немного дополняя рассказами мамы Татьяны Иосифовны Копытман, и брата, Евгения Валериановича Вязунова. Описывая эпизоды жизни тридцатых-пятидесятых годов, я решила отказаться от ранее принятого и помогавшего в прошедшие времена барьера: «не вспоминать неприятное». Некоторые обстоятельства жизни с 1937 года по 1946 год могут показаться сегодняшнему читателю фантастическими. Поэтому в записках приведены подлинные письма и некоторые сохранившиеся документы тех лет. Думаю, они помогут понять «странности» нашей жизни и окунуться в то время.

Главы «Семья отца» и «Семья матери» написаны на основе записок моего брата, который собрал и обобщил сохранившиеся документы, фотографии, личные воспоминания сибирских родственников о наших предках и со свойственной ему тщательностью, описал истории этих семей.

Надеюсь мне удалось показать частичку того времени, в котором жили люди в первой половине XX века в СССР, как я её увидела. Рассказать немного об их переживаниях, отношениях, страхах, радостях... Жизнь эта была сложна и противоречива, включала в себя массу ограничений и табу, которые сейчас представить и понять трудно. Обо мне и моих сверстниках, переживших в детстве и юности события подобные описанным в этой книге, можно сказать словами А. Блока¹: «Мы дети страшных лет России, забыть не можем ничего».

Сегодня я счастливая бабушка двух внуков и прабабушка четырёх правнуков. Они живут совершенно иной жизнью в другой стране. Я писала для них и для близких мне по духу молодых людей моей страны, не состоящих со мной в кровном родстве. Во время написания этих записок я часто думала о них и писала в основном для них. Мне очень хотелось, чтобы о том времени они узнали что-то от человека, который жил в нём и не всё забыл. В наше время появилось немало «забывчивых», хорошо оплачиваемых «историков», публицистов и «простых» граждан, которые описывают какую-то совсем другую страну. Бог им судья. Надеюсь, что потомки доброжелательно прочтут эти воспоминания и попытаются понять, но не принять время, в котором прошли мои детство и юность.

Записки охватывают:

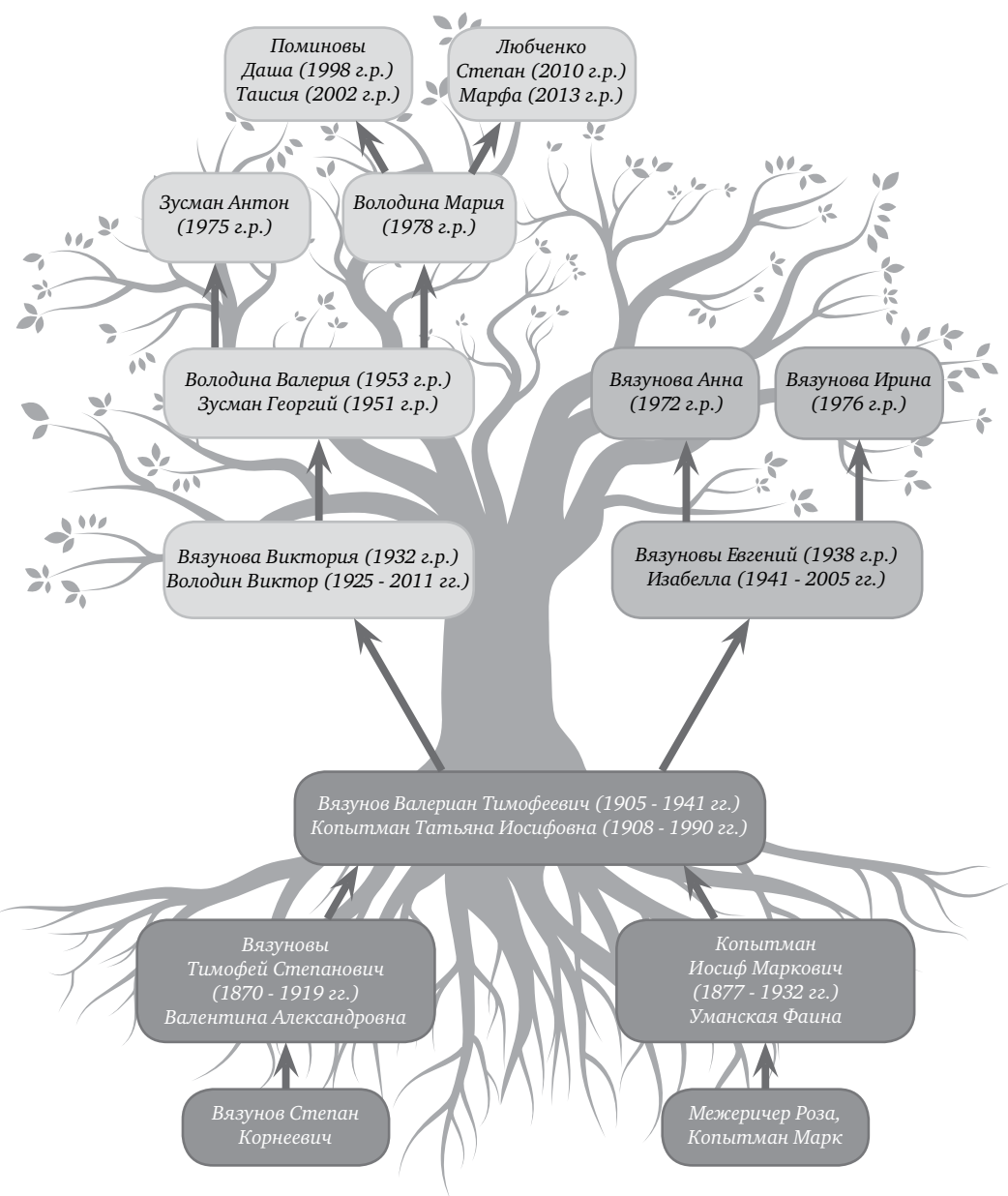
- довоенное время, включая страшные для семьи 1937 – 1939 годы;
  - войну 1941-1945 годов, оккупацию Одессы, пребывание в Румынии;
  - послевоенную школьную Москву;
  - жизнь в одном из центров исправительно-трудовых лагерей страны – Норильске.
- Огромная благодарность всем, кто помогал мне в написании воспоминаний:
- моим дорогим родным: дочери Валерии Володиной, брату Евгению Вязунову, внукам Марии Володиной и Антону Зусману;
  - другу семьи Татьяне Шпотовой, без постоянной душевной помощи и настойчивости которой, эти записки просто не получились бы. Её поддержка и работа на всех этапах создания рукописи неоценимы;
  - Аверьяновой Инессе помогавшей не только советами, но подбором и оформлением некоторых материалов приведённых в книге.

*В. Вязунова
июль 2015 года*

¹ Цветаева Марина Ивановна – крупнейший русский поэт XX века, 1892-1941 гг.

¹ Блок Александр Александрович – один из великих русских поэтов, классик XX века, 1880-1921 гг.

Генеалогическое древо семьи

Жизнь не те дни, что прошли, а те, что запомнились
Габриэль Гарсия Маркес

1

Счастливый Незаметный

Посёлок Незаметный, январь 1935 года, я сижу на руках папы.

Первые воспоминания – это ощущение необыкновенной радости, счастья. Очевидно, они относятся к 1936 году. Вокруг меня молодые счастливые лица мамы, папы, моих дядей и тетей, двоюродных сестер и братьев. Все меня любят и возятся со мной. Я – самая младшая...

¹ Посёлок Незаметный расположен в Восточной Сибири на Алданском нагорье, появился в 1923 году на месте прииска с тем же названием. Он был образован в месте слияния ручья Незаметный и реки Орто-Сала, где было обнаружено богатое месторождение золота. Посёлок рос и в 1935 году – это уже центр Алданского промышленного района в дальнейшем переименованный в город Алдан.

Посёлок Незаметный 1932 год.

Мы живем на берегу бурной реки в чистом симпатичном деревянном домике. А вокруг лес, который все называют красивым протяжным словом – «тайга», куда меня не пускают. Это – посёлок Незаметный¹, где работает папа, он строит электростанцию. Он редко бывает дома, но зато когда я дожидаюсь его прихода, мы затеваем с ним такие бурные игры с песнями и танцами, что маме иногда приходится их прекращать!

Мне очень хорошо и весело с папой, но в доме есть одно препятствие, нередко ограничивающее мои игры с родителями – это шкура медведя, лежащая на полу перед их кроватью в спальне. Она очень пугает, и я не рискую приближаться к папе с мамой, когда они в кровати, а так хочется побаловаться с ними. Поочередно – то мама, то папа – уговаривают меня, гладят эту шкуру моими руками, но я всё равно боюсь. Наконец мама не выдерживает этого безобразия и, следуя «новейшим педагогическим веяниям», бросает меня на эту страшную шкуру, я реву, что есть мочи. Прибегает папа и «спасает» меня, утешает. С этого дня я перестала бояться этого зверя, спокойно хожу по шкуре, и даже играю и балуюсь на ней, мне приятно ощущать руками жесткие щетинки совсем не страшного теперь медведя, я разговариваю с ним...

Во дворе нашего дома в большом сарае живет настоящая лошадь, за которой ухаживает дядя Человечкин. Когда меня выпускают во двор, я всё время верчусь возле них, впитывая «сочные» выражения дяди Человечкина, которыми он объясняется с лошадкой. Мне очень хочется с нею играть, но немного страшно, она такая большая, гладкая и красивая! Иногда кто-либо из взрослых сагает меня на неё, я крепко держусь за чёрные волосы гривы.

Однажды, когда мы обедали, я о чём-то попросила папу, он не выполнил мою просьбу, тогда я употребила одно из любимых выражений дяди Человечкина. В этот момент мама несла к столу какую-то кастрюльку и от неожиданности выронила её. Наверное, освободившиеся руки надрали бы мне уши, но папа

оказывается проворнее: он хватается за меня, и мы сбегаем подальше от маминого гнева. Вообще мы с папой большие друзья, но есть какая-то «работа», которая всегда забирает его у меня!

Вот еще одно яркое воспоминание: наша река вышла из берегов, вода плещется во дворе, мы с мамой сидим на крыше. По бурной речке проплывают бараки (одноэтажные дома, в которых живут много семей), на их крышах также сидят люди и даже собаки с кошками, всё это интересно и немного страшно... Я услышала новое слово – «наводнение».

Летом 1936 года мы отдыхаем в доме отдыха на реке Алдан, мне очень весело – там много детей, мы играем, купаемся. Часто приезжает папа. Кто-то из отдыхающих сочинил обо мне нехитрые стишки:

*Кудрявая головка носится везде.
Качалась на качелях, а глядь! – уже в воде.
А мама забывает, что дочь Торина есть
И только вспоминает, когда та хочет есть...*

Мама работает в начальной школе Незаметного, иногда ездит верхом на лошади в другие школы района, но меня с собой не берёт, а мне так хочется проехать с ней на лошади. Моя мама ШКРАБ – ШКольный РАБотник, так называли учителей в 30-ые годы XX века. Где-то в другом конце посёлка живут старшая любимая сестра папы - Вера и два брата – Кеша и Павел с семьями.

Мама, папа, Виктория Вязуновы, река Алдан, 1936 год.

У меня много двоюродных сестёр и братьев, все они старше, но с удовольствием балуются со мной, катают меня на санках – мы с наслаждением барахтаемся в снегу. Мне очень нравится зима, белый пушистый снег и нарядные деревья, покрытые блестящими снежинками. Мы дёргаем за ветки – и целые сугробы снега летят на нас с деревьев, а мы бурно радуемся! Дома радостное веселье продолжается. У нас появился удивительный синеватый ящик под названием «патефон». Стоит покрутить ручку этого волшебного ящика, положить пластинку на диск, опустить на неё поблескивающее серебром гладкое колёсико с иголкой и оттуда несутся звуки весёлых бодрых песен. И хоть все Вязуновы очень хорошо поют и танцуют, но мелодии, вылетающие из патефона, просто завораживают! Поэтому я часто засыпаю под песни 30-х годов. Нам всем вместе и детям, и взрослым уютно и радостно.

Я живу в атмосфере благожелательности и любви, все меня ласкают и балуют. И мне кажется, что я самый счастливый ребёнок на свете, живущий в самой замечательной стране...

Дальше в памяти выплывает другая картина: мы с мамой едем в кабине грузовой машины, тайга окружает нас с двух сторон огромными мохнатыми деревьями, запорошенными пушистым снегом. Я в красном пальто сижу на руках у мамы. Мне плохо, меня укачивает. Это мы в конце 1936-го года едем в Москву. Железная дорога тогда по этим местам не проходила, поэтому до неё нужно было добираться на машине по плохой таёжной дороге около шестисот километров в течение нескольких суток. Доехав до станции Невер, мы пересели в отличный поезд и в мягком вагоне ещё неделю едем до Москвы. Жизнь в этом поезде проходила весело и приятно. Большинство пассажиров – молодые красивые оживлённые и радостные военные с Дальнего Востока. Они проявляли большое внимание к нам с мамой, играли со мной, рассказывали разные забавные истории из своей пограничной жизни. Пытались угощать меня конфетами, шоколадом и очень удивлялись, когда я категорически отказывалась. Дело в том, что родители держали меня на строгой диете в виде рисового отвара – особенно во время поездок, опасаясь желудочных заболеваний. Первая их дочь – тоже Виктория – умерла от дизентерии в годовалом возрасте. Я привыкла к такой еде и не соблазнялась всякими вкусностями и сладостями. Потрясающее впечатление на меня произвело озеро Байкал, по берегу которого наш поезд продвигался так медленно, что я различала камешки под необыкновенно прозрачной водой. Казалось, что вода плещется возле колёс вагона. Озеро простиралось до горизонта. Мы ехали через всю страну, за окнами мелькали города, леса и горы, а вокруг меня были очень доброжелательные и жизнерадостные взрослые люди. Я знала, что мы едем в столицу нашей Родины – Москву, где меня ждут тётя и дядя, мамыны сестра и брат, а скоро туда приедет и папа.

2

Москва 1936-37 годы

Москва показалась огромным городом. Я впервые увидела трамваи и троллейбусы, и сразу полюбила путешествовать в них по Москве, сидя у окна, рассматривала улицы, большие красивые дома, машины, людей. Конечно, совершенно потрясло меня Московское метро со сказочными дворцами-станциями! Особенно завораживали металлические фигуры людей и животных на станции «Площадь Революции»: я замирала, рассматривая и фантазируя, так что взрослым приходилось буквально оттащить меня от них. В Москве я впервые попала в театр и безоговорочно растворилась в спектакле МХАТа¹ «Синяя птица» М. Метерлинка², сцены из которого еще долго после этого разыгрывала в своих играх.

Меня полностью подчинил себе двоюродный брат Лёня – сын маминой сестры, тётки Мани. Будучи старше на три года он стал для меня абсолютным авторитетом. Мамин брат, дядя Яша, работал тогда, очевидно, помощником по хозяйственным делам в Московском комитете партии, которым руководил Н. С. Хрущёв. Партия тогда была одна – «великая и могучая» Всесоюзная Коммунистическая Партия большевиков, ВКП(б). Дядя не был еще женат и очень привязался ко мне, старался брать с собой на интересные представления. Таким образом, я попала на встречу Нового 1937 года и на одну из первых после многолетних запретов официальную ёлку в большом красивом зале московского комитета (МК) партии. В зале стояла роскошная настоящая ель, детям дарили подарки, выступали взрослые артисты, вовлекая нас в разнообразные игры. Я была шустрым и общительным ребёнком,

¹ МХАТ – московский художественный академический театр.

² Метерлинк Морис – бельгийский писатель, драматург и философ, Нобелевский лауреат, писал на французском языке, 1862 – 1949 гг.

поэтому веселилась от души, да так, что даже сам Хрущёв, в то время главный начальник Московских партийцев, секретарь МК ВКП(б), обратил на меня внимание и взял на руки.

В те годы дядя занимался строительством квартир для сотрудников МК и подключил папу, как опытного инженера-строителя, к работе по проектированию. Это было не строительство новых домов, а наращивание одного или двух этажей на старые, очень крепкие многоэтажные здания. Как я понимаю, родители хотели остаться жить в Москве, и дядя Яша помог им получить жильё в одном из таких домов.

Летом 1937 года мы часто жили вместе с тётёй на даче под Москвой, часть которой была выделена дяде Яше на работе. Мне там очень нравилось – это напоминало вольную жизнь среди природы в посёлке Незаметном. Лёня беспрерывно вовлекал меня в свои шалости, в которых я с удовольствием принимала участие... Запомнился такой случай: лето, тепло, взрослые уезжают в город, мы остаёмся одни. Лёня немедленно организует меня в дальний поход к оврагу. Когда мы к нему подошли, выяснилось, что он довольно глубокий. Лёня каким-то образом спустился вниз, я же стою на краю оврага в нерешительности. Он снизу подаёт мне команду: «Садись на землю и спускайся на попе!». Не смея послушаться, сажусь в своём белом платице, белых трусиках и по размокшей глине лихо спускаюсь к нему. Когда я предстала перед моим «командиром», он меня не узнал – вместо белой девочки было что-то невероятно глиняное... Мы ещё побегали, поиграли, я немного обсохла. К обеду должна была вернуться его мама, и мы пошли домой. Мой братец понял, что меня надо привести в человекоподобное состояние, и поэтому скомандовал, чтобы я залезла в бочку с дождевой водой и отмылась. Что я немедленно выполнила. Залезть-то я залезла, но отмыться, конечно, не смогла. Когда появилась его мама, он моментально «испарился», а я предстала перед её взором мокрая, вся в глине, рядом с бочкой испорченной дождевой воды, которую собирали для мытья головы. Мне досталось за все эти безобразия, а Лёня пробежал до вечера, чтобы избежать наказания.

Остались в памяти некоторые городские эпизоды 1937 года.

С кем-то из взрослых я стою на улице Горького, которая вся запружена радостными людьми. С неба летят какие-то белые бумажки, а по мостовой едут в машинах незнакомые мужчины. Все кричат, ликуют, откуда-то слышна бодрая музыка. Это встречают знаменитого летчика Валерия Чкалова, совершившего беспосадочный перелёт Москва – США.

Мы с папой гуляем по Гоголевскому бульвару. У меня мячик, я бегаю, играю, а папа сидит на скамейке и читает газету. Он какой-то грустный и не хочет со мной играть...

Мы на Петровском бульваре, а там вышка, с которой можно спуститься на парашюте. Кругом много детей, и вот я уговорила папу, и он разрешает мне прыгать с парашютом! Я взбираюсь на вышку, на меня надевают парашют. Внизу все такие маленькие! Я замираю от страха и лечу вниз. После этого я мечтаю стать летчицей и парашютисткой, как та девушка, с которой меня познакомил дядя Яша на Тушинском аэродроме, где я была с ним на параде. Вскоре эта девушка стала его женой.

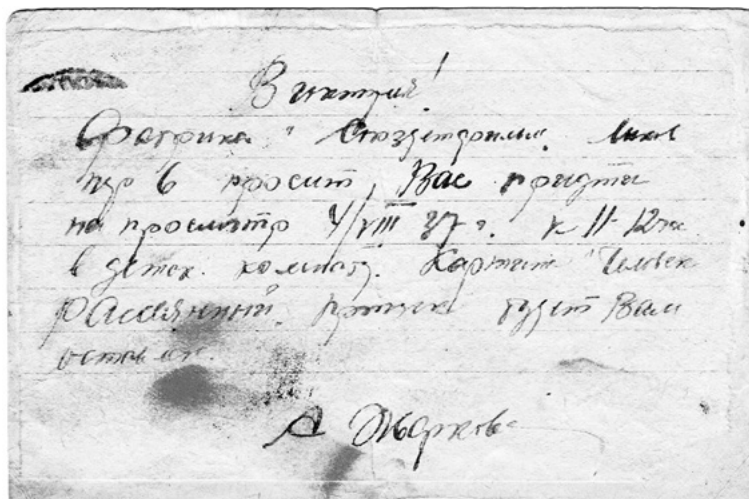
В один из летних дней 1937 года мы едем с мамой в метро. К нам подходит женщина и предлагает прийти на просмотр и пробы на киностудию «Союздетфильм». В назначенное время мы приехали на студию, где мне очень понравилось – море игрушек, разные декорации, весёлая суэта. Меня поснимали, и, кажется, хотели задействовать в фильме «Человек рассеянный», о чём свидетельствуют сохранившиеся открытки «Союздетфильма». А к моменту начала съёмок мы из Москвы уехали.

Взрослым было очень неудобно жить на даче – каждый день нужно ездить на работу в город медленным пригородным поездом. Поэтому тётя обменяла дачу на небольшую комнату в коммунальной квартире в полуподвальном помещении по адресу: улица Воровского, 6 – двор напротив ресторана «Прага». И вот я с папой на самом верху ресторана «Прага». Внизу шумит старый Арбат, дальше, на площади, снуют люди, несутся машины, гремят трамваи, искрят троллейбусы, и у каждого свои звуки... Я счастлива: мне разрешили есть мороженое!

У нас появилась своё жильё, по-моему, одна комната на улице Извозной, недалеко от Киевского вокзала. Родители обустривают её, но прежней радости и веселости я уже не чувствую.

Осенью тем же маршрутом мы возвращаемся в Сибирь.

Снова зима, санки, снег, тайга. Но куда-то исчезли наши родственники. Папины братья с семьями уехали в Тайшет, и стало не так радостно. Меня определили в детский сад. Я довольно быстро там освоилась, читала стихи, пела песни, которым нас учили воспитатели. Стихи и песни были очень воинственными – в них всё время боролись с какими-то врагами, которых нужно было уничтожать. Дома мне больше читали стихи Чуковского, Барто... Очевидно, детских книг и стихов тогда у нас было немного, и мама разучила со мной отрывки сна Татьяны из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Моё исполнение пользовалось успехом у взрослых.

Приглашение Виктории на съёмки фильма.

3

Дети «врага народа»

Настоящий страшный сон случился у нас дома незадолго до Нового 1938 года: среди ночи меня разбудили и вынули из кроватки. Какие-то чужие люди что-то поискали в ней. Я бросилась к папе, который стоял в стороне, но меня к нему не подпустили. Мама подскочила ко мне и взяла на руки, говоря что-то успокаивающее. Я начала даже плакать, хотя не очень любила этим заниматься. Вскоре все эти незнакомые люди уехали вместе с папой. Мама уложила меня в кровать, объяснив, что папа уехал в командировку. Я успокоилась и заснула. Проснувшись утром, я что-то вспомнила, да и окружающие люди показались непривычными, но мама снова подтвердила, что папу срочно направили в командировку, и отвела меня в детский сад. Воспитатели в детском саду почему-то начали расспрашивать о папе, я уверенно сообщила им, что он в командировке. Но они «открыли» мне глаза, сказав, что он в тюрьме. Ничего не поняв, вечером я начала мучить маму вопросами: где папа, что такое тюрьма, и еще много всяких «что такое» и «почему». Мама пыталась объяснить, а главное – подготовить меня к новой жизни – жизни семьи «врага народа». Так в нашей жизни впервые появились не только новые слова, но и понятия: «тюрьма», «враг народа». Понять, а главное принять эти слова я не могла! Как может мой любимый папа быть врагом, с которым мы так яростно боролись в детсадовских песнях!

Нас с мамой выселили из дома. Но нашлись хорошие и добрые люди, которые помогли маме устроиться преподавателем русского языка в Алданской школе, где обучали молодёжь рабочим профессиям. В общежитии этой школы выделили крохотную комнатку. Думаю, тогда сработала тщательно скрываемая помощь мужа тёти Веры – Левченко (он был одним из руководителей района и его посадили в тюрьму позже, в 1939 году). Маме приходилось очень тяжело: она много

работала, чтобы заработать на жизнь и на предполагаемую поездку в Москву. Её постоянно мучил страх, что и её «возьмут», т.е. отправят в тюрьму. Всё свободное от работы и походов в тюрьму с передачами время она проводила со мной. Мама старалась, как могла, объяснить весь этот абсурд и подготовить своего ребёнка к самому худшему – её возможному аресту. Кроме того, она сообщила, что скоро у меня появится братик или сестричка и я, как старшая, должна буду заботиться о малыше. Иногда мама брала меня с собой в тюрьму, где мы долго и безуспешно, вместе с другими женщинами и детьми, стояли в очередях. Но передачи у нас не принимали, никаких свиданий не разрешали. Я очень скучала без папы, да и мама стала какой-то неузнаваемой – грустной и не такой красивой, как раньше. К сожалению, я слишком рано окунулась в эту страшную жизнь членов семей «врагов народа» и, как написала Анна Ахматова¹:

*Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх.
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводят на щёках...*

В то время я очень приблизилась к маме, пыталась помогать ей во всём. Очевидно, от одиночества и страха за меня и будущего ребёнка она проникала в мой детский мир и становилась мне подругой. Мои родители были правдоверными комсомольцами двадцатых годов, типичными советскими людьми, верившими, что живут в самой свободной и справедливой стране. Когда начались повальные аресты 1937 года, мы были ещё в Москве. Папа засомневался, нужно ли возвращаться в Незаметный. Но мама была непреклонна, утверждая, что честным людям нечего бояться.

Никаких известий от папы мы не получали, хотя уже пришла весна. 4 мая 1938 года у меня появился брат. И снова нашлись бесстрашные милосердные люди, которые помогли нам с мамой пройти эти нелёгкие дни. Помню старушку, которая осталась со мной, пока мама была в роддоме. Она же помогла обустроить наш быт в крохотной комнатке общежития. Комнатка была всем – и спальней, и кухней, и ванной, и маминим кабинетом, ведь мама сразу после родов вышла на работу, и ей приходилось проверять много тетрадей. Тогда мама приучила меня бережно и аккуратно относиться к ученическим тетрадям, ведь это была её работа... Наша жизнь стала ещё более насыщенной и сложной. Маме удалось отдать братика в ясли к концу первого месяца его жизни. Иначе она не могла полноценно работать! Я по-прежнему ходила в детский сад, но теперь ещё ежедневно бывала в яслях. В первые дни после рождения брата мама обсуждала со мной, какое дать ему имя. Она объяснила, что папа хотел

назвать сына Евгением, в честь своего старшего и любимого брата, погибшего в двадцатые годы. У меня было желанным другое имя – Ерёмка. Почему оно? Я любила петь и в детском саду мы много пели, но песни, в основном, были революционные – «кровожадные», в них пелось о борьбе и обязательном уничтожении кого-то. А любимой моей песенкой стала такая:

*У Ерёмки лодка с дыркой,
У Фомы челнок без дна...*

Мама не стала разубеждать меня, и мы звали братика Ерёмкой. Но вскоре в яслях, куда мы его относили каждый день, между нянями возник спор: одна утверждала, что по документам этого ребёнка зовут Евгением; а вторая говорила, что и мать, и сестра называют его Ерёмкой. Вот тогда я поняла, что назван он всё-таки Евгением, и обиделась на маму. Но, тем не менее, мы обе долго ещё звали его Ерёмкой. Братик рос, мама всё больше доверяла его мне, ведь других помощников не было... Наступило лето, и я иногда гуляла с ним. Мама писала бесконечное количество писем, прошений, но всё было напрасно – свидания с папой не разрешали. Какими-то неведомыми путями прошли слухи, что всех арестованных по делу Якутзолота держат здесь, в городе, и над ними должен состояться показательный суд в июле 1938 года.

И вот наступил тёплый июльский день, который остался в памяти на всю жизнь. Я в большой толпе народа возле клуба НКВД, который расположен на холме. Мама с братишкой на руках. У меня в руках – кедровая просмолённая шишка; я вся в смоле от неё, но из рук это желанное лакомство не выпускаю. Бегаю между взрослыми, которые в напряжённом молчании ждут, когда выведут осуждённых. Мама не обращает на меня внимания, и я стараюсь пробиться в первые ряды людей ожидающих окончания суда в клубе. Осуждённые, по-моему, человек десять, сходят с крыльца. Наверное, что-то или кто-то заслоняли мне общий обзор, поэтому в памяти остались: выщербленные ступеньки деревянного крыльца; пыльная не асфальтированная хорошо утоптанная желтовато-коричневая дорога и по ней ступают большие сапоги, ботинки и какие-то парусиновые тапочки... Выведенных мужчин окружают красноармейцы с ружьями, и ведут по дороге, вдоль которой стоит очень тихая толпа, и я пробиваюсь в её первый ряд. Я вижу папу и узнаю его, хотя он на себя не похож: голова острижена, худой, с бородой, в какой-то странной одежде. Мне кажется, что он увидел меня и улыбнулся. Я рвусь к нему, но кто-то из взрослых крепко меня держит... Осуждённые медленно проходят вдоль толпы. Я вижу маму, поднявшую высоко над головой братика, чтобы папа его увидел – ведь он даже не знал, родился ли кто. Приговор суда стал известен: кого-то приговорили

¹ Ахматова Анна Андреевна – один из лучших русских поэтов XX века, литературовед, писатель, переводчик, литературный критик, 1889 – 1966 гг.

к расстрелу, как руководителей придуманной контрреволюционной организации; папа, как самый молодой, получил 15 лет исправительно-трудовых лагерей строгого режима.

И снова вспоминаю А. Ахматову:

*... Приговор. И сразу слёзы хлынут,
Ото всех уже отдалена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идёт.... Шатается.... Одна.*

Здание бывшего клуба НКВД, г. Алдан 50-ые годы XX века.

Но мама не была одна. Нас было двое на её руках. И, отплакав, она энергично взялась за дело, добиваясь свидания с папой. И ей это удалось. Самое удивительное, что во время свидания папа ухитрился передать ей написанные на папиросной бумаге содержание предъявленных ему обвинений и все обстоятельства сфабрикованного дела. Мама выучила всё это наизусть. Об этом она решилась нам рассказать только в шестидесятые годы. Можно только изумляться и преклоняться перед стойкостью и мужеством моих родителей в те годы! Трудно себе даже представить, где папа черпал силы, когда

после семи месяцев издевательств моральных и физических (его избивали следователи), он нашёл возможность активно действовать (описать всё дело) и проявить такую смелость (передать это маме). И как же он безоговорочно верил, что мама ни за что не предаст его! Ведь некоторые близкие пострадавших в те годы публично от них отказывались и о сопротивлении этому ужасу даже не помышляли...

Несмотря на груды прошедших лет, мне и сейчас очень трудно вспоминать всё это, я вновь лью не утешающие слёзы и явственно ощущаю, почему при жизни мамы мы никогда с нею не вспоминали то время... Наверное, берегли друг друга...

После свидания папу отправили по этапу¹ неведомо куда, а мама с нами решила ехать в Москву – искать пути пересмотра его дела. Местные юристы на эту тему даже разговаривать боялись. И вот мы снова едем по полыхающей осенними красками таёжной дороге в грузовой машине. Только теперь у мамы на руках мой четырёхмесячный братик. Я сижу рядом и мне снова плохо. Дорога в поезде до Москвы была уже совсем не радостной...

В Москве нас приютила мамина сестра, тётя Маня. Появляться нам в квартире на Извозной было весьма опасно: без папы соседи сразу бы всё поняли и могли донести нашим недремлющим органам, а это грозило тюрьмой не только маме, но и её брату и сестре... Ведь папа получил 58-ую статью – это, в терминах того времени, контрреволюционная деятельность. Тогда было принято привлекать ближайших родственников (жён, братьев, сестёр, родителей, детей) к уголовной ответственности за «недоносительство» – такая статья была в уголовном кодексе. По этой статье в лагеря было отправлено немало родственников и даже просто знакомых «врагов народа».

¹ Этап – путь следования партии заключённых под конвоем.

4

В рязанской деревне

Оставаться в Москве становилось крайне опасно, ведь могли донести и соседи тёти Мани, если бы догадались, где наш папа... Кроме того маме нужно было работать, чтобы нас кормить. Поэтому через несколько дней мы уехали в Рязанскую область и поселились в селе Агро-Пустынь. Маму без особых распросов и выяснений её семейного положения взяли учительницей 4-го класса начальной школы без предоставления жилья.

И вот мы в деревне. Сняли комнату рядом со школой у каких-то жителей. Никакого детского сада и яслей в деревне нет. Мама убегает на работу, а мы с братом остаёмся одни. Мама проводит несколько уроков и прибегает «домой» покормить Жеку (я уже начала его так звать). И снова несётся в школу. Пока её нет, я «работаю» нянькой, а лет-то мне всего шесть... Мама пытается договориться с хозяйкой, чтобы она присматривала за ребёнком, но ничего не выходит. Хозяйка оказалась очень несимпатичными людьми, а, может, они просто боялись нам хоть чем-то помогать – тогда страх объят почти всё население страны.

Руководство школы было довольно работой мамы, а ученики слушали её, как зачарованные. Маме помогли найти других хозяев – это была более бедная семья, состоящая из двух очень пожилых людей. Хозяйка взялась помогать – нянчить Жеку, я смогла выходить на улицу и бегать. Наша новая «квартира» – это отгороженная часть избы, без окна. В «комнатке» помещалась кровать, на которой мы спали втроём, маленький столик для самых разных занятий – еды, чтения, писания писем и проверки тетрадей. Да ещё пара табуреток и пара чемоданов. В том же закутке находилась печка-голландка, которую топили для тепла и иногда для того, чтобы что-то подогреть. Пока хозяйка была здорова, мама брала меня с собой в школу, я сидела у неё на уроках на последней

парте. Во время уроков я рисовала, рассматривала картинки, слушала мамины объяснения и очень гордилась ею. Она казалась мне самой красивой, умной – все дети в классе её слушались. Очевидно, тогда я и научилась читать. Дети были очень запущенные, плохо разговаривающие и не очень развитые, маме пришлось прикладывать огромные усилия, чтобы довести их до нормального, в её понимании, уровня. Поэтому, кроме обязательных уроков, ей приходилось с ними заниматься дополнительно ежедневно. Мама решила, что я отвлекаю её учеников от занятий и перестала брать с собой в школу. И я начала играть и бегать с деревенскими ребятами. Надо сказать, что село это было какое-то пыльное, с малым количеством зелени, с одним приличным зданием – школой. Конечно, наши игры не отличались ни выдумкой, ни интеллектом, мы просто бегали по всему селу и безобразничали. Удивительно, но эти дети приняли меня в свою «стаю» легко, без каких-либо испытаний... Однажды я была уличена в хулиганстве – бросала песок в окна какой-то избы, что считалось совершенно недопустимым для дочери уважаемой учительницы. Мама заставила извиниться перед хозяевами этого дома и наказала – перестала пускать на улицу. В это время заболела и слегла хозяйка. Пришлось снова стать нянькой Жеке – сидеть с ним, менять пелёнки, кормить. Вот кормить-то и было самым трудным! Он уже начал есть манную кашу и очень любил её. Съев всё, что приготовит мама, требовал ещё. И приходилось не только греть, но иногда и варить её в непригодной для приготовления пищи печке-голландке. Мама меня всему этому обучила, но до сих пор удивляюсь, как я в таком юном возрасте с этим справлялась! Удобств в этих избах, конечно, не было никаких. За водой приходилось ходить метров за пятьдесят от дома.

Думаю, что эта нелёгкая жизнь приучала меня к умению держать удар и никогда не хныкать, но приучала и к двойственности. Она выражалась в том, что с одной стороны, мы были уверены, что папа честный человек и ни в чём не виноват. А с другой стороны (для сохранения наших жизней) мама требовала, чтобы я ни с кем не разговаривала о папе, не рассказывала, что он арестован, а если спросят – отвечала, что у меня нет папы! Человек, очевидно, не может в точности помнить свои ощущения в прошлом, да и вряд ли 6 – 7-летняя девочка могла как-то сформулировать чувство нелепости происходящего... Поэтому сошлюсь на высказывание Н.Я. Мандельштам¹, которая, будучи взрослым разумным человеком, пережила те страшные времена: «...двойное бытие – абсолютный факт нашей эпохи, и никто его не избежал...». Не помню, кто сказал, что «двойственность – это удвоение сил». Думаю, что это так и есть.

Оставаясь всё же активным ребёнком, я рвалась на улицу. Когда мама меня выпускала, я по-прежнему часами носилась с деревенскими ребятами

¹ Мандельштам Н.Я. – жена поэта Осипа Мандельштама, русская писательница, мемуарист, лингвист, преподаватель, 1899 – 1980 гг.

по каким-то перелескам и заброшенным песчаным карьерам за деревней, играли почему-то в основном в войну...

Наступила весна 1939 года. Все чаще на улице становилось тепло, а мы с Жекой сидели в избе, я решила, что должна выходить на улицу для того, чтобы гулять с ним. Помочь мне в этом никто не мог – хозяйка лежала, мама была в школе, никакой коляски мы не имели. И вот я заворачиваю его, уже десяти-месячного, в какие-то одеяльца, беру на руки, вытаскиваю на улицу. У меня нет сил уйти от дома подальше, поэтому сажусь на завалинку и, очень довольная, наслаждаюсь солнышком. Жека тоже доволен, но сидеть спокойно он не может: возится на руках, стараясь вырваться. В таком единоборстве мы проводим время, наконец, идущая мимо женщина кричит: «Что же ты держишь ребёнка с голыми ногами?», я понимаю, что нужно тащить его домой. И всё же сижу ещё. В результате таких гуляний я его простудила – пришлось лечить и снова сидеть дома. Маме о наших прогулках, конечно, доложили. Она похвалила за желание гулять с братиком, но и объяснила, что без помощи взрослых я ещё не в состоянии с этим справиться.

Жека, Виктория, мама, апрель 1939 года.

Всю зиму, пока мы ночью спали, мама писала много писем, сидя за нашим маленьким столиком. Работа у мамы была просто каторжная! Она уже и физически очень плохо себя чувствовала. Наверное, если бы не ответственность за наши с Жекой жизни, она просто свалилась бы. В маминых бумагах я нашла ее характеристику о работе в Агро-Пустынской НСШ (начальная средняя школа). В ней было сказано, что маме не удалось добиться хороших результатов в успеваемости и поведении учащихся её класса, так как из 36 учеников было 11 второгодников и переростков!

Мамина зарплата составляла 240 рублей в месяц. Конечно, цен на продукты память не сохранила, но что добывать их было сложным для нас делом, помню хорошо, ведь мне приходилось в этом участвовать. В захудалом деревенском магазинчике продуктов и даже хлеба не было, мама договаривалась с жителями деревни о продаже нам необходимых для существования продуктов, цены они устанавливали выше государственных, да и найти таких продавцов было крайне непросто. Я бегала к ним за молоком, хлебом, яичками. Мне удалось найти в Интернете кое-какие цены 1940 года: молоко – 2 рубля литр; яйца – 6,5 рубля десяток; хлеб – от 1,7 до 3,2 рубля за булку. Я нашла и копии заявлений мамы, написанных весной 1939 года, с просьбой дать ей перевод в Московскую область, в связи с тем, что здесь «не было возможности сохранения жизни и здоровья собственных детей». И далее: «Прошу дать мне возможность устроить быт моей семьи». В результате районное педагогическое начальство её просьбу удовлетворило и ей дали открепление от этой школы. И вот весной, ещё до окончания учебного года, мы уезжаем из Агро-Пустыни. До железной дороги едем на подводе¹, кругом начинают зеленеть деревья и трава.

Мама рвётся в Москву, чтобы начать изнурительные, опасные и почти безнадежные в то время, хождения и хлопоты по делу отца. Кроме того, даже в этой забытой богом деревне нашлись «доброжелатели», которые стали допытываться, откуда она взялась и где её муж, но директор школы оказался очень приличным человеком: он предупредил и помог маме получить направление на работу в Московскую область.

¹ Подвода – конная повозка.

5

«Хождения по мукам»

И снова мы у тёти Мани в Москве, в крохотной комнате. Её мужа Марка Бирмана, Лёниного отца, тоже посадили в лагерь как «японского шпиона». Жека начинает ходить и с ним становится очень непросто. Маме приходится оставлять братика со мной, так как больше не с кем. Лёня старше меня, но на роль няньки никак не подходит – он всё время где-то бегает... Проводя много времени дома с Жекой, я окунулась в жизнь коммунальной квартиры с одной небольшой кухней, с одним краном холодной воды над раковиной, с одной газовой плитой на 18 человек жильцов. Чтобы набрать воды или подогреть еду для ребёнка нужно выбирать время, когда на кухне никого из соседей нет, а это днём бывает редко! Тётя Маня доходчиво объяснила, что мы все должны как можно реже попадаться на глаза соседям, чтобы не нажить новых неприятностей. Иногда, во время мытья стаканов на кухне меня подстерегают большие мальчишки Маркины и подсыпают в них песок. Стаканы, как мне кажется, от этого часто разбиваются, мальчишки ещё и дразнятся и не дают спокойно делать порученные кухонные дела. Во время этих стычек часто появляется большой мальчик (скорее юноша) Эйшинских, который прогоняет противных мальчишек и спасает меня! Оставаясь с Жекой одна, поскольку наша комната граничит с кухней, я часто слышу разговоры взрослых. Мне особенно интересны обсуждения строящегося недалеко от нас Дворца Советов и в скором времени открывающейся Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, но это где-то далеко за городом! Разговоры рождают в моём воображении фантастические картины. Я с подросшим братом хожу по сказочным дворцам, в которых не будет бьющихся стаканов, газовых плит и мальчишек Маркиных!

Мои главные удовольствия в эту весну – гуляние и игры во дворе.

Двор очень маленький, асфальтированный, со старыми сараями и злым дворником, который нас гоняет, когда мы лазим по крышам сараев или прячемся друг от друга во все мыслимые закоулки двора. Ещё одна большая неприятность – сохнувшее на верёвках во дворе бельё и жильцы, которые не дают нам спокойно бегать и играть. Я уже достаточно большая, и меня часто посылают на шумящую рядом Арбатскую площадь, где, перейдя трамвайную линию, я захожу в магазин и покупаю обыкновенно 100 грамм мягкой колбасы или сыра, которые нарезают очень тоненько, а возвращаясь в булочной, что возле наших ворот, покупаю ещё и хлеб. Дома нам делают такие вкусные бутерброды, каких я больше никогда не едала! Иногда меня кто-нибудь берёт на рынок, расположенный за станцией метро «Арбатская» и кинотеатром «Художественный». Там весело и интересно, продают продукты, ягоды, цветы, а главное – леденцовых сладких петушков на палочках!

Москва, Арбатская площадь 30-ых годов XX века.

Жека часто болеет. Когда он здоров и мама никуда не уезжает, мы гуляем на бульварах, но мне там скучновато: нельзя бегать. Если есть с кем оставить Жеку, мама берёт меня с собой в город, где у неё бесконечные хлопоты по пересмотру дела папы, но об этом по-прежнему никто не должен знать... Таким образом, я несколько раз была с мамой в приёмной Калинина (председателя Президиума Верховного Совета СССР – формально, главы государства). Приёмная находилась напротив Манежа, между Московским Государственным Университетом (МГУ) и библиотекой имени Ленина. Очередь к этому высокопоставленному

чиновнику (его называли «всесоюзный староста») занимали ещё ночью в прилегающих к месту приёма посетителей переулках и стояли целыми днями. Днём на Манежной площади, расположенной рядом с приёмной Председателя Президиума, жизнь кипела шумно и оживлённо, сновало много народа, машин, громыхал трамвай. Мы же, войдя в помещение, выйти оттуда уже не могли, поэтому приходилось стоять долгими часами в духоте, стараясь не привлекать внимания дежуривших там милиционеров. Мама, в конце концов, попала на приём к Председателю, у неё приняли заявление, но ничего не обещали.

Естественно, что мама не посвящала меня в детали своих походов по делу отца, но кое-куда я с ней ходила. Хорошо помню большие коммунальные квартиры на Мещанских улицах, где жили семьи пострадавших по тому же делу, что и папа. Там собирались женщины с детьми и о чем-то бесконечно говорили. При этом нас, детей, отправляли играть либо в коридоры, либо на улицу. Главным требованием было – «держат язык за зубами». За полтора года, прошедшие с момента ареста наших отцов, мы уже хорошо знали, что включает в себя это требование: нигде никогда никому ничего не говорить о своих отцах и не болтать, о чём говорят дома.

Чем же занималась мама в эти месяцы пребывания в Москве 1939 года?

Все адвокаты, к которым она обращалась, отказывались вести дело папы. С огромными усилиями ей удалось добиться встречи со знаменитым адвокатом И.Д. Брауде¹, которому она изложила все обстоятельства, выученного ею дела. Он сказал, что сам он за это дело не возьмётся, но порекомендовал свою помощницу – молодую, красивую, умную женщину. Она взялась помочь маме, очевидно, из сочувствия и человеколюбия. Кое-какую надежду внушало то, что было решение суда, а не постановление «тройки», по которым тогда упекали в лагеря и приговаривали к расстрелам большинство людей, пересмотру такие «постановления» не подлежали.

Основное «контрреволюционное» действие папы заключалось в том, что весной 1937 года растаял зимник², который был сделан в начале зимы по его распоряжению, как заместителя главного инженера стройки. Эта замечательная женщина-адвокат построила свою защиту на том, что на холодной Якутской земле и в Алданском районе (расположенном на 58-м градусе северной широты) наступает весна. Тогда тают льды даже на таких реках, как Лена, а вся тайга не только освобождается от снега, но и расцветает тысячами цветов! Цветут трава, кустарники, деревья! К сожалению, не сохранилось имени

этой женщины, но благодарность и восхищение её мужественной работой живёт в нас поныне.

Когда все бумаги были подготовлены и направлены по нужным адресам, мама начала готовиться к новому путешествию. К этому времени папе удалось передать ей довольно подробное сообщение о том, где он находится. Он был в Мончегорских лагерях и работал на строительстве металлургического комбината, где очень нуждались в грамотных инженерах-строителях. Работал он по специальности и даже начальником какого-то участка, хотя был конвоируемым заключённым с 58-й статьёй.

Итак, жить нам в Москве негде, и работы у мамы нет! Страх разоблачения здесь преследует ежедневно и ежечасно, об устройстве на работу и получении жилья и думать нечего... Экспериментировать вновь с отъездом в какую-нибудь деревню Московской области не менее страшно. Она решается на весьма опасный шаг: ехать в Мончегорск, причем ехать всем вместе, оставить-то нас не с кем. Мама тщательно готовит меня к новой жизни: я не должна никому при любых обстоятельствах говорить что-то о папе. На любые вопросы о нём отвечать по-прежнему: «У меня нет папы». Она объяснила, что, если станет известно, что наш папа рядом в лагере, то её тоже посадят в тюрьму за «связь с врагом народа», а нас с Жекой отправят в детский дом. Я представляла себе этот дом, как здание закрытое на большие замки, откуда детей никогда не выпускают гулять, кроме того придется остаться без мамы и Жеки! Такого я допустить не могла. Несмотря на мой малый возраст, – мне не исполнилось еще и семи лет – я твёрдо усваиваю эти уроки.

Подготовка к отъезду в Москве проходит очень скрытно, кроме тёти Мани никто не знает, куда мы едем. Не помню названия города, которое я должна была сообщать любопытствующим, но это было где-то в другом конце страны. Мы едем поездом через Ленинград в обстановке строгой секретности, ни с кем не общаясь и, естественно, никому не говоря о цели нашего путешествия.

¹ Брауде Илья Давыдович – русский и советский адвокат, участвовал в процессах над «Промпартией» и другими организациями, обвинявшимися во «вредительстве» в 30-ых годах XX века в СССР.

² Зимник – автодорога, эксплуатация которой возможна только в зимних условиях при минусовой температуре. Распространена в Сибири и на Крайнем Севере. Используется для доставки грузов и оборудования.

6

Тайная жизнь в Мончегорске

В Мончегорске нас встречает и размещает в служебной комнатке клуба Metallургов молодой человек, ставший нашим добрым и безотказным помощником – Костя Волков. Он вольнонаёмный и работает с папой. Наверное, наше пребывание в этой комнате не было разрешено начальством, так как мама запретила выходить из неё даже днём. Сделать это было крайне трудно! Я оставалась с братом, которому тогда было чуть больше года, и он беспрестанно рвался бегать. Моя ежедневная задача состояла в том, чтобы без шума и рёва удержать его в комнате. Вечерами мама выводила нас на улицу погулять. Мончегорск небольшой строящийся северный город на Кольском полуострове, расположенный на берегу озера Имандра, окружённый не очень высоким лесом. За елями, соснами и берёзами виднелись далёкие горы. После Москвы он показался мне холодным и неуютным, хотя по вечерам долго светило солнце.

Благодаря заботам и помощи Кости Волкова, мама смогла решить многие нахлынувшие на новом месте хозяйственные проблемы и быстро устроилась на работу в отдел подготовки кадров¹ Мончегорского горно-металлургического комбината (в её состоянии работать учителем она уже не могла). Пройти все проверки ей позволило то, что она всегда оставалась под своей девичьей фамилией, и в паспорте у неё не было штампа о браке.

Мы с ней на всю жизнь сохранили чувство глубокой благодарности к бесстрашному человеку – Косте Волкову. Помогая нам, он рисковал своей жизнью и свободой. Ведь связь с заключённым, отбывающим срок по 58-й статье, каралась

тогда жесточайшим образом. В дальнейшем мама встречалась с ним в Норильске, где он проработал всю жизнь руководителем разных уровней. Волков Константин Михайлович называл себя «прорабом сталинских пятилеток» (из воспоминаний В. Полищука «75 писем о любви», Москва, 2010). Его мужество, проявленное в те годы, было не меньше того, которое проявляли люди по другую сторону колючей проволоки. И пусть время и система тогда были абсолютно бесчеловечны, человечность среди обыкновенных людей существовала, наверное, скрытая и скупая, но необыкновенно ёмкая и бесстрашная... Публично выразить благодарность этому замечательному человеку до конца восьмидесятых годов было нельзя – это скомпрометировало бы его перед партийно-хозяйственными органами Норильска. Такие человеческие поступки Советской властью пресекались самым жестоким образом. Обнародование рассказа о его поступке в 1939 году могло обернуться для него (даже в 60-70 годы) разрушением довольно удачно сложившейся карьеры руководителя одного из подразделений Норильского комбината.

Несмотря на страхи, сковывающие даже очень смелых людей, в то время находилось немало «приличных», которые прекрасно понимали ситуацию и всё же помогали нашей семье. Я применяю выражение «приличный человек» не случайно, думаю, сегодняшнее формальное понимание этого словосочетания совершенно не соответствует тому, что вкладывали в него люди, столкнувшиеся с советской действительностью тридцатых – пятидесятых годов XX века. Главными чертами такого человека было: недоносительство и способность помогать людям, попавшим в эту страшную беду, выпавшую на долю почти половины населения страны. При этом «приличные» понимали, что за простое человеческое сочувствие могут сами оказаться за решёткой. Такое же толкование этого понятия я недавно нашла у знаменитого кинорежиссёра А.Германа-старшего в его высказываниях о шестидесятниках, они пытались: «...кусочек жизни прожить приличными людьми». Кроме Кости Волкова нас в Мончегорске всегда поддерживали Людмила Ефимовна и Владимир Иванович Полтава, Вера Александровна и Лев Ильич Бронштейн, Галина Владимировна и Николай Николаевич Зенгер, Леонид Иванович Анисимов. Все они помогли нам тогда выжить.

Мама довольно быстро получила комнату в коммунальной квартире, меня приняли в детский сад (в школу тогда принимали только с восьми лет), а Жеку – в ясли. Моё семилетие мы отметили в Мончегорске, где я вновь увидела папу. В конце лета 1939 года он днём тайно пробрался к нам и побыл со мной, наверное, целый час. В это время я была одна в квартире и когда открыла входную дверь, то в первый момент я папу не узнала, он очень изменился... Но когда он заговорил, я поняла – это мой повзрослевший папа. Он взял меня, как маленькую на руки, и я заплакала от радости и страха... О чём со мной тогда говорил папа,

¹ На крупных советских предприятиях с тридцатых годов существовали отделы «подготовки кадров». Они готовили рабочих и мастеров необходимых профессий из необученного персонала поступающего на предприятие. Обычно этой работой занимались специалисты имеющие педагогическое образование. Эти специалисты подбирали преподавателей и готовили программы курсов, следили за осуществлением учебного процесса, аттестовали рабочих после окончания учёбы.

не помню, но как мне казалось, о чём-то серьёзном и взрослом. Мама была на работе, Жека в яслях и о папином визите я не должна была говорить даже маме, ведь это её очень бы расстроило.

В Мончегорск мы приехали в июне, когда снег, в основном, уже растаял. И над негустым невысоким лесом, окружавшим город, господствовал полярный день. Ночи практически не было. Пока меня не приняли в детский сад, я много бегала по улицам, завела знакомства с местными ребятами. Началась новая, во многом необъяснимая, жизнь. Утром и вечером по улицам проходили колонны плохо одетых мрачных людей, которых охраняли красноармейцы с ружьями, а иногда и с собаками. Самым страшным было то, что среди этих, так тщательно охраняемых людей, можно было увидеть и папу. Все работы в городе выполняли эти несвободные люди: они строили новые кирпичные дома на улице Жданова¹, рыли какие-то канавы, убирали город, чистили выгребные ямы, пекли хлеб, работали на промплощадке, где разворачивалось большое металлургическое производство. Среди употребляемых мною слов появились новые: заключённые, зона, лаготделение, конвоиры, вольнонаёмные. Да, обыкновенную повседневную жизнь детей тогда заполняли такие противоестественные понятия.

Нас, детей, приучали, с одной стороны, не замечать этих людей, живущих в лаготделениях, не говорить об этом, ничего не спрашивать; с другой стороны – жалеть их. Вольнонаёмное население, в основном, относилось к заключённым с сочувствием и при возможности помогало им, и дети это чувствовали. Не помню случаев враждебного отношения к ним со стороны уличного детского сообщества.

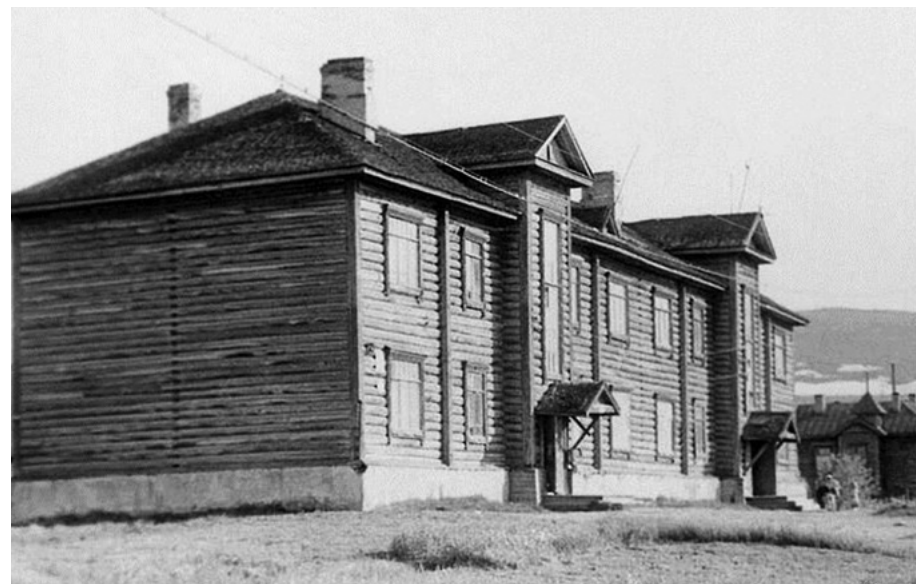
С нами в квартире жила симпатичная немолодая женщина, которая меня очень опекала. Мама целые дни, а иногда и вечера, проводила на работе, и мне приходилось нянчиться с Жекой по много часов. Эта замечательная бабушка не только помогала в заботах о брате, но часто и оставалась с ним, отпуская меня поиграть на улице. Я много бегала, играя во всевозможные подвижные игры. Однажды, несясь с немыслимой скоростью, упала с высокого крыльца. Сильно разбилась и, еле добравшись до нашей квартиры, свалилась без сознания. Бабушка привела меня в чувства, обработала все раны, и сделала все это до прихода мамы. А перед мамой защитила – мне ведь запрещалось оставлять Жеку и носиться по улицам!

Мама познакомилась с очень милым семейством Зенгеров. Николай Николаевич был гидротехником и сталкивался по работе с папой. В их семье росли две девочки: Сусанна – на год старше меня, и Милада – на два года младше. Они жили недалеко от нас в таком же двухэтажном деревянном доме. Их мама –

Галина Владимировна – не работала. Рядом с ними жили Анисимовы. Леонид Иванович Анисимов тоже строитель, знавший папу еще по работе на Украине в начале тридцатых годов. У них также росла дочь возраста Милады. Мы все подружились, часто и увлечённо играли вместе, бывало и ссорились. Девочки оказались более домашние, чем я, ведь их мамы не работали. Я к этому времени превратилась в достаточно «уличную» и независимую девчонку, но мне было интересно с ними: они много читали. Кроме того, я часто бывала у них с Жекой: ведь его не с кем было оставлять. У Зенгеров было пианино, Сусанна уже училась музыке. Мне тоже очень захотелось учиться играть на этом инструменте.

С мамой работала Вера Александровна Бронштейн, красивая и обаятельная женщина. Мы начали бывать у них в гостях. Вера Александровна и её муж, Лев Ильич, хотели, чтобы я увлекла своим весельем и необузданными играми их сына. Вова – симпатичный толстый мальчик – почти на три года младше меня. При нём была няня, и на улицу его одного не отпускали. Он очень ко мне привязался, и я обрела над ним необыкновенную власть, вовлекая во всякие неизвестные ему уличные игры. С Володей мы сохранили тёплые отношения на всю жизнь, и он с удовольствием вспоминает наши мончегорские игры.

Я быстро освоилась в новой для меня обстановке, научилась постоянно держать язык за зубами – нигде и никогда не говорить о папе, на вопросы

Город Мончегорск, в похожем доме мы жили в 1939-40 годах.

¹ Жданов А.А – государственный и партийный деятель СССР 1930-40-х годов.

о нём чётко отвечать: «У меня нет папы», твёрдо помня мамины уроки. К этому времени за плечами у меня накопился определённый опыт начатой, но совершенно ещё не понятой жизни...

В Мончегорске зима началась вместе с началом финской войны (Советский Союз начал «незаметную» войну с Финляндией, расположенной недалеко от нашего города). В городе ввели затемнение: с наступлением темноты, а зимой на Севере она наступает очень рано, все окна следовало затягивать тёмными шторами, чтобы на улицу свет не проникал. Сразу же стало плохо с продуктами, единственное, что было в достатке – это рыба треска. Ели её в разных видах. Особенно мне нравились котлеты из трески, которые отлично готовила Галина Владимировна. Помню, как её однажды поразил Жека своим не по возрасту отменным аппетитом. Когда мы с девочками увлеченно играли, Галина Владимировна предложила ему котлетку – он радостно и быстро её съел. Она предложила ещё – он с таким же воодушевлением съел ещё несколько штук. Галина Владимировна испугалась и привлекла моё внимание к такой прожорливости малыша. Ведь ребенку было всего немногим более полутора лет! Он и не говорил еще толком. Я несколько не удивилась, и сказала Галине Владимировне, что он может съесть много, и с ним всё будет в порядке.

Сусанна осенью 1939 года пошла в первый класс, стала очень важной, но продолжала изредка с нами играть, при этом мы были её учениками, она – нашей учительницей. Самое большое удовольствие зимой нам доставляли игры на улице, заваленной огромным количеством снега. Мы могли кататься с горок и куваться в снегу целыми днями!

Об окончании финской войны мы узнали потому, что в городе отменили затемнение, окна домов снова засветились, и стало как-то радостней.

В начале 1940 года мама узнала, что адвокат добилась пересмотра дела папы. По новому решению суда ему определили 109-ю статью уголовного кодекса – «Злоупотребление служебным положением». По этой статье полагалось «всего» три года, и он должен скоро освободиться из лагеря. Результатом пересмотра дела стало то, что его сразу же расконвоировали, дали «персональную» лошадь и назначили начальником строительства какого-то ответственного объекта. Ведь он перестал быть «врагом народа»!

По времени это совпало с некоторыми «ослаблениями» кампании борьбы центрального комитета ВКП(б) и её руководителя – Сталина с «врагами народа» в 1939-40 годах после назначения наркомом внутренних дел Берии. Небольшое количество оставшихся в живых «врагов» было выпущено на свободу, некоторое количество дел – пересмотрено с корректировкой статей и сроков.

Я, конечно, тогда ничего этого знать не могла... И вот однажды, когда я играла с ребятами на улице, возле нас остановились сани, запряженные лошадью. С них

сошёл какой-то мужчина. Когда он подошёл ко мне и протянул руки, я узнала папу и стремительно побежала прочь, спряталась между домами в известном только мне месте. Когда он уехал, я побрела домой. Все игры у меня сразу же вылетели из головы. Дома, ожидая маму, очень боялась, что она уже не вернётся и ревела. Вечером мама с Жекой пришли. Рассказав о папином «проступке», снова начала плакать и спрашивать маму, что же теперь будет? Мама, как могла, начала объяснять мне, что дело папы пересмотрели, и что он, наверное, скоро будет освобождён; что он был неправ, подойдя ко мне на улице, а я молодец, что не назвала его папой. Мы договорились о соблюдении прежнего режима осторожности, и мама пообещала мне, что папа не будет больше подходить ко мне на улице.

Как-то испытала меня на прочность и Галина Владимировна. Она знала нашу непростую ситуацию. И вот, выбрав момент, она начала со мной разговаривать о нашей прежней жизни, расспрашивая о Москве, о Сибири и плавно перешла к вопросам о папе. Тут я, дотоле очень разговорчивая девочка, моментально замкнулась, твёрдо утверждая, что у меня нет папы. Об этом эпизоде в пятидесятые годы она часто рассказывала.

Вот так «замечательная» воспитательная система ГУЛАГа НКВД СССР закаляла наши характеры! Очень верно и без излишнего драматизма сказал о тех страшных годах писатель и поэт Илья Эренбург¹:

*А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода,
Что даже не было печали,
Но только гордость и беда.*

1954 год

С изменением статьи, папа стал чаще заскакивать к нам домой, он теперь мог ходить и ездить по городу без охраны. Но я по-прежнему волновалась, да и мама тоже. Я думаю, что, несмотря на его осторожность и предусмотрительность, соседи иногда замечали его появления. Но они оказались очень порядочными людьми, и мы избежали дальнейших неприятностей. Наверное, многие уже тогда не верили бредням про «врагов народа».

Приближалось лето 1940 года. Мама получила отпуск на два месяца. Папа хотел, чтобы мы немного отдохнули от всех кошмаров, и мы снова, через Ленинград, отправились в отпуск. Папа остался отбывать свой срок. Я с удовольствием ехала в Москву: там был мой старший двоюродный брат Лёня, да и вообще много интересного! Но пребывание в Москве на этот раз оказалось для меня не таким радостным. Мама болела, у неё по-прежнему были дела в городе, и мне снова приходилось оставаться с Жекой. Он стал старше – ему пошёл третий год –

¹ Эренбург Илья Григорьевич – русский прозаик, поэт, публицист, переводчик, 1891-1967 гг.

и гораздо беспокойней. Однажды он при маме умудрился залезть в кипящий чайник и вылить его на себя! Вызвали скорую помощь и его с мамой увезли в детскую больницу. Я же весь день, пока не вернулась с работы тётя Маня, с удовольствием прыгала во дворе со скакалкой. Тем летом в Москве я ставила рекорды по прыганию со скакалкой и через веревочку, а также играя в «классики». В этом даже Лёня со мной не соревновался! У дяди Яши появилась дочка, он уже не мог уделять мне много внимания, но один раз свозил на уже открывшуюся Всесоюзную сельскохозяйственную выставку – это был настоящий праздник! Мы гуляли по красивому городу с дворцами-павильонами разных республик, с потрясающими фонтанами, нас обтекала радостная толпа, многие в незнакомых костюмах, много детей. Однажды тем летом дядя подарил мне на мороженое пятьдесят рублей, не сказав об этом ни маме, ни тётё Мане. Это были неправдоподобно большие деньги для того времени! Поскольку никого из взрослых дома не было, Лёня с соседом Володей Маркиным сразу же повели атаку, доказывая мне, что нужно немедленно ехать в самое замечательное место Москвы – Парк культуры и отдыха им. Горького. Будучи достаточно авантюрной девчонкой, я быстро «сдалась». Они взяли у меня деньги, чтобы не потеряла, и мы покатались на трамваях до парка. Весь день, до самого вечера, мы провели там, переходя от одного аттракциона к другому, поедая пирожки, наслаждаясь мороженым и газированной водой. Было очень весело! К вечеру я запросилась домой. И тут выяснилось, что денег не осталось. Мальчишки наскребли пять копеек, и посадили меня в трамвай, а сами пошли пешком. Дома меня встретили встревоженные и разгневанные взрослые. Мне, конечно, влетело, как следует. Но самым грустным было то, что я заболела после такой весёлой прогулки, очевидно, переела мороженого и неделю пролежала в постели. Это произошло сразу же после того, как Жеку вылечили от ожогов.

Вот так проходило лето. Но все-таки мама успела кое-что сделать, чтобы подготовить меня к школе, раздобыв какие-то школьные принадлежности и вещи, привести в порядок наши гардеробы для предстоящей зимы (тогда всё это связано было с большими трудностями – ведь в магазинах почти ничего не продавалось!). В эти летние дни я познакомилась с бабушкой Лёни (мама его отца). Она иногда приходила к нам, приносила конфеты, Лёня был ужасный сладкоежка. Она часами сидела и с обожанием смотрела на своего внука, а тот, съев конфеты – убегал во двор. Бабушка мне нравилась, я её жалела, поэтому сидела и разговаривала совершенно бескорыстно. Очень мне хотелось также иметь «свою» бабушку, и я мучила маму вопросами, почему у меня нет бабушек и дедушек. Мама коротко говорила, что они умерли, и никогда ничего о них не рассказывала, не желая вовлекать меня в большие неприятности от получения лишнего знания о прошлом семьи.

6

Папа снова с нами!

В Мончегорск мы вернулись в конце лета 1940 года, где меня ожидала очень насыщенная жизнь. Во-первых, я пошла в школу, в первый класс. Посещение школы казалось увлекательным не столько из-за занятий и получения новых знаний, сколько из-за впечатлений от встреч с незнакомыми ребятами и неведомыми ранее школьными порядками. Учёба не показалась особенно интересной, потому что, по-моему, я была хорошо подготовлена и уже умела читать и писать. Об учебных делах в памяти ничего не осталось. Зато хорошо запомнилась чернильница-непроливайка, которую нужно было ежедневно приносить на занятия в мешочке. Для меня это было самым сложным делом – донести её, не пролив чернил, ведь по дороге я успевала: и побегать, и попрыгать, и скакаться со всех горок на своём пути. Поэтому часто происходили катастрофы: чернила разливались со всеми вытекающими последствиями! Во-вторых, мама определила меня к очень хорошей учительнице музыки преподававшей в клубе, где я начала учиться игре на фортепиано и петь. Поскольку дома у нас пианино не было, я каждый день бегала в клуб: мне разрешили играть на клубном инструменте. Мончегорский клуб металлургов в то время был центром культурно-массовой жизни города. Там работали разные кружки, шли репетиции любительских спектаклей и концертов, почти ежедневно показывали фильмы. Всё это было необыкновенно интересно и захватывающе весело.

Но главное, что произошло в жизни – у меня снова появился папа. Он освободился из лагеря и жил с нами. Не нужно было больше от него отказываться; я могла, смело взяв его за руку, идти по улице. Радости и гордости моей, что он уже не враг, не было предела, меня просто переполняли эти чувства! Вскоре мы переехали в удобную двухкомнатную квартиру без соседей на берегу озера.

Сразу за нашим домом начинался лес. Недалеко располагалась очень хорошая столовая для вольнонаёмных инженерно-технических работников, куда меня брали родители, и где мне иногда выпадало мороженое.

С наступлением зимы лагерные умельцы по папиной просьбе сделали для меня настоящие лыжи, и я, собрав группу ребятшек, начала с удовольствием ходить в небольшие походы в лес. Детские лыжи тогда были большой редкостью, их в Мончегорской провинции не продавали, поэтому к валенкам крепили какие-то дощечки. В нашем воображении лес был необитаемым и огромным. Снег там был какой-то особой белизны и опушённые снегом ели казались высокими и мохнатыми. Всё это: и румяные щеки, и блестящие глаза ребят подталкивали меня к неудержимым фантазиям. Я придумывала разные истории, похожие на «Синюю птицу», «Снежную королеву», которые мы увлечённо разыгрывали. Наши лыжные прогулки превращались в увлекательные игры. Путешествия по зимнему лесу иногда так затягивались, что взрослые шли нас разыскивать.

Теперь меня реже оставляли с Жекой, только тогда, когда мама с папой уходили на какие-то мероприятия, куда нас нельзя было взять. И вот в один из таких вечеров я осталась с Жекой. Сделала всё, что полагалось: покормила, поиграла, почтала, а потом мы легли на родительскую кровать и уснули. Проснувшись, когда пришли родители. Они начали нас поднимать и обнаружили, что у Жеки обожжена одна ручонка, а рядом с электрической плиткой (уже отключённой) стоит его ведёрко, полное обгоревших деревянных кубиков. Пришедшие родители обнаружили запах гари, и нас, лежащих на их кровати. Я лежала вдоль и одной рукой как будто обнимала кого-то. Жека лежал у меня в ногах поперек кровати. Из этого нашего расположения они поняли, что я уложила его, обняла, он или заснул, или притворился спящим. Я спокойно уснула. А он вылез из-под моей руки и начал играть. Собрал деревянные кубики в ведёрко, поставил его на электрическую плитку и включил её. Самое удивительное, что он сам снял ведёрко с плитки, очевидно, когда появился дым. Дужка ведёрка раскалилась, и он обжег руку. Когда его разбудили, обработали ручонку, и начали расспрашивать, он объяснил на своём, ещё не очень отчётливом языке, что он варил «тюп» (так он тогда называл суп). После этого случая нас одних старались не оставлять. Вообще, после того, как папа вернулся из лагеря, он старался всё свободное от работы время проводить с нами, детьми. Он был очень добр и ласков, много играл и читал нам. Я помню, как мама уговаривала его пойти куда-то, а он не соглашался, предпочитал оставаться с нами. Очевидно, три года страшных тюрем и лагерей обострили в нём чувство привязанности к дому, к семье...

Я с удовольствием занималась музыкой, учительница считала меня способной и, кроме обучения игре на фортепиано, много рассказывала мне о композиторах, о музыкальных произведениях, учила меня слушать музыку. Она была

увлечённым и преданным музыке человеком. В Мончегорск должны были приехать оперные певцы и музыканты из Ленинграда – было анонсировано концертное исполнение оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского в нашем клубе. Мой добрейший педагог решила, что я должна послушать живое исполнение. На патефонных пластинках таких музыкальных произведений у нас тогда не было. Сложность заключалась в том, что на вечерний спектакль детей не пускали, меня же это обстоятельство ничуть не смутило. Я решила пробраться в зал заранее, спрятаться там и ждать вечера, когда придут родители. Их места я знала и спряталась под креслами. Никто не обнаружил такого «страшного» нарушения клубных правил... Этот вечер и прекрасная музыка остались в памяти на всю жизнь, как что-то очень светлое, чистое, близкое и родное.

Музыкальная строка из оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского.

Я сидела на руках у папы, и казалось, что мы с ним одно целое. И музыку эту тоже сочинили мы с ним. В дальнейшей своей жизни, много раз слушая классическую музыку в исполнении музыкантов мирового уровня, такого всепоглощающего восторга от неё я никогда больше не испытывала...

Новогодние праздники у меня в детстве всегда связывались с ёлкой и ощущением непередаваемого запаха свежих мандаринов, причём мандарины с их необыкновенной свежестью являлись главной радостью! Но встреча Нового 1941 года была освещена особой радостью: со мной был папа и не тайно, как в прошлом году... Папа установил красивую пушистую ёлку, пригласили детей, звучала музыка, крутили новые патефонные пластинки, папа танцевал с нами! Я была счастлива, казалось ничего грустного и тяжёлого уже никогда не случится...

Работая на металлургическом предприятии и занимаясь подготовкой кадров, мама часто бывала в производственных цехах комбината. Она решила, что меня нужно познакомить с этой стороной жизни, и однажды взяла с собой в цех, где плавил и разливали в формы никель. Я с удовольствием поехала с ней. В цехе, на доступном для моего возраста уровне, мне рассказали, что такое никель, и как его добывают из руды. Меня «придели» в какую-то большую специальную одежду и повели по производственным площадкам. Зрелище было феерическое! Расплавленный, как солнце, металл, его льющиеся ручьи, и множество рассыпающихся вокруг искр-звездочек. Всё это произвело на меня огромное впечатление! Я несколько дней пыталась преобразовать эти впечатления в свои игры, но у меня ничего не получалось. И я надолго забыла обо всём этом.

Мончегорск, январь 1941 года,
с Володиёй Бронштейн.

Я не была спокойным ребёнком и иногда заставляла родителей поволноваться. Почти ежедневно, бывая в клубе для занятий музыкой, частенько там задерживалась, увлекаясь каким-либо зрелищем. Мне это не разрешалось, и за «задержками» следовали наказания. Но удержаться от этих «творческих заходов» я не могла! Однажды в выходной день я пошла утром в клуб, по дороге к инструменту заглянула в зрительный зал, где демонстрировался новый фильм, по-моему, «Девушка с характером». Сначала я попыталась сосредоточиться на занятиях музыкой, но моего «характера» не хватило – все мысли были в кинозале. Не выдержав, я юркнула туда через сцену так, что никто не заметил. Картина настолько увлекла, что я просидела в зале до вечера, просмотрев ее четыре раза! В это время родители разыскивали меня по всему городу, так как в клубе им сказали, что я ушла. В зрительный зал никто не догадался заглянуть. Когда кто-то из работников клуба увидел меня, выходящую из зала и совершенно одуревшую от этого марафонского кинопросмотра, они сообщили родителям. По дороге домой меня встретил папа и защитил от справедливого маминого гнева.

После тяжелого для семьи периода, родители решили, что мне и маме необходимо отдохнуть и подлечиться. Комбинат «Североникель», где они работали, относился к наркомату внутренних дел (НКВД) – одной из самых мощных и прекрасно обеспеченных всеми советскими «льготами» организаций в системе государства. Поэтому вольнонаёмные инженерно-технические работники комбината, могли приобретать недорогие путёвки в лучшие места отдыха СССР. После медицинских обследований и родительских хлопот, нам с мамой приобрели путёвки на отдых и лечение на лето 1941 года. У папы, очевидно, отпуска не было, да и материально, думаю, родители не вытянули бы такой нагрузки. Мне сказали, что я поеду в «Украинский Артек» – пионерский лагерь санаторного типа. Сначала я обрадовалась новому путешествию, но, подумав, загрустила: как же папа и Жека останутся без нас? Меня успокоили, что Жека

будет ходить в ясли, а папа на работу. Когда папа будет занят, за Жекой присмотрит домработница Шура, которую родители недавно наняли. Несмотря на то, что Жека мне часто мешал гулять и заниматься своими делами, я была очень к нему привязана. Поэтому появление Шуры в нашем доме восприняла без удовольствия и с некоторой ревностью.

Как-то очень незаметно подкралась весна 1941 года. К концу мая растаял почти весь снег, полярный день прогнал темноту... Прекратились лыжные прогулки. Озеро Имандра, находившееся недалеко от нашего дома, начало освобождаться ото льда. Учебный год в школе заканчивался. Училась я хорошо, учёба и общение с ребятами в школе не доставляли мне неудобств или трудностей. Может быть, то, что запомнилось – не самое важное, но из первого класса не помню ничего и никого.

Музыкой я занималась до самого отъезда, по-прежнему ежедневно бегая в клуб. Учительница была мною довольна и, провожая на каникулы, дала задание, чтобы я летом находила возможность для разучивания новых пьес и повторения старых. В своём воображении я уже была где-то далеко у берегов неведомого Черного моря.

Путешествия на поезде до Ленинграда я не помню. В памяти остался вечер, даже скорее ночь, какая-то невзрачная и плохо освещённая железнодорожная станция, подходит поезд, папа сажает нас с мамой в вагон, целует меня и быстро выходит из вагона, поезд трогается. Становится очень грустно, хочется плакать, но я креплюсь, ведь я большая, мне скоро 9 лет!

8

Одесса. Начало войны

По дороге в Одессу мы ненадолго остановились в Ленинграде. Здесь в отличие от Мончегорска была уже настоящая весна. Показывая город, мама навсегда поселила во мне интерес и восхищение его дворцами, проспектами, рекой и каналами. Заезжали ли мы в Москву, не помню. Мама должна была отвезти меня в Украинский Артек, а сама из Одессы морем на корабле уплыть в Сочи.

В Одессу приехали 18 июня 1941 года, с вокзала мама повела меня по городу, рассказывая и показывая его улицы. В этом красивом южном городе она училась в педагогическом техникуме в 20-ые годы. Это был город её юности. Здесь они встретились с папой. Мама как-то по-взрослому начала рассказывать о своей учёбе, о знакомстве с папой. Мы шли пешком, было радостно идти по старым, живописным, зелёным, летним улицам с красивой и оживлённой мамой. Я с интересом рассматривала огромные, неведомые мне деревья: шелковицы, платаны, буки, каштаны, акации.

Особенно поразили одесситы – шумные, весёлые, непредсказуемые. Меня страшно изумило, когда из какого-то двора выбежала женщина и закричала маме: «А что поезд из Москвы уже пришёл?». Пытаюсь узнать у мамы, откуда эта женщина знает, что мы приехали на Московском поезде, она коротко объясняет: «Это – Одесса».

Мы пришли к маминой тётё, Полине Соболю, с которой она не виделась и не общалась много лет. Они договорились, что тётя будет навещать меня, пока я нахожусь в Артеке. На следующий день мне исполнилось 9 лет, мама «сдала» меня в пионерский лагерь, который находился в пригороде Одессы – Лузановке, и на пароходе отплыла по Чёрному морю в Сочи. Первые дни в этом санаторном пионерском лагере Артеке показались нерадостными и неинтересными.

Одесса. Санаторий Артек.

С нами не занимались, к морю не подпускали. Издали оно мне показалось серым и некрасивым, было скучно, играть и бегать не разрешали, я сильно загрустила... 22 июня утром нас разбудил какой-то грохот с моря, нам детям сказали, что это проходят военные ученья. Но в последующие дни дети из Артека начали стремительно исчезать, их забирали родители или другие родственники, жившие недалеко от Одессы.

Нас, остающихся в лагере, тщательно оберегали от общения с отъезжающими. Через несколько дней детей осталось совсем немного, но о том, что идёт война нам так и не говорили. Мы чувствовали, что вокруг творится что-то неладное: никто с нами не занимается, на море не пускают и держат взаперти в палатах, взрослые какие-то странные. Мне было грустно и тоскливо. Недели через две приехала тётя Полина и забрала меня к себе в город, где они жили на улице Спиридоновской. Так я узнала, что началась война! Это известие меня не испугало, я помнила финскую войну, и в ней не было ничего страшного для нас. Из песен и кинофильмов всем хорошо было известно, что наша страна самая сильная, и мы очень быстро победим. О том, что в Европе уже давно идёт война, я почему-то не знала.

Соболи жили в небольшой квартире, расположенной в одноэтажном здании. Во дворе, кроме одноэтажных строений, были старые деревянные двухэтажные дома с подвалами. Удобства (уборные) и вода располагались на улице. Семья тётки была довольно большой, её муж работал квалифицированным рабочим на каком-то Одесском заводе, она не работала. В то время с ними ещё жили двое

взрослых детей: девушка-студентка, по-моему, медик, и парень лет семнадцати, еще не закончивший школу, остальные дети разъехались по другим городам. Я была девочкой довольно общительной и приспособленной, поэтому быстро освоилась в новой обстановке. Обрадовавшись свободе, самозабвенно играла и бегала с другими ребятами во дворе, плохо понимая, что происходит вокруг, и, ожидая, что кто-то за мной приедет.

Одесса уже была окружена вражескими войсками...

Война чувствовалась во всём: вечером – затемнение, днём – добывание продуктов. Рядом с нашим двором проходила улица, по которой проезжали и проходили красноармейцы на фронт. Ребята дежурили, чтобы передать им папиросы, махорку, мыло, носовые платки, которые нам давали взрослые. Выглядели солдаты очень плохо: худые, в каком-то старом обмундировании, без оружия, они совсем не были похожи на военных, которых мы видели в кинофильмах. Нам их было очень жаль. Но по-настоящему я почувствовала войну через месяц после её начала. Вечером, когда мы весело и беззаботно бегали по двору, тёмное южное небо неожиданно расцвело массой симпатичных разноцветных огоньков. Мы замерли, с восторгом глядя на эту красоту. Неожиданно для меня всё вокруг вдруг наполнилось ужасными звуками: душераздирающим свистом, завыванием и оглушительным грохотом. Таких звуков я никогда раньше не слышала. Это началась страшная бомбардировка города, и особенно нашего района. От ужаса, царящего в небе и вокруг, я металась по двору и кричала: «Я жить хочу!».

После бомбёжки, Одесса 1941 год.

Меня поймали и затащили в подвал под домом во дворе, где мы и просидели всю ночь, под грохот и сотрясения стен подвала. Утром, когда мы вышли во двор, перед нами предстала жуткая картина разрушений: рядом в большой кирпичный четырехэтажный дом, граничащий с нашим двором, попала бомба. Не только на нашей улице, но и на соседних оказалось много разбомблённых домов. Я к этому времени успокоилась и вместе с другими ребятами начала бегать по ещё дымящимся и пыльным развалинам, собирая какие-то игрушки, книги и осколки. Вот тогда я впервые увидела трупы людей... Думаю, ощущение войны и смерти появились после этой первой незабываемой Одесской бомбардировки 1941 года...

Началась настоящая военная жизнь в прифронтовом осаждённом городе с ежедневными бомбёжками. Наши игры во дворе стали военными, по звукам пролетающих самолётов мы узнавали их марки – Юнкерс, Мессер, Фокке-Вульф. Среди ребят развернулось соревнование: кто больше соберет осколков бомб и снарядов, у кого коллекция разнообразнее. Кольцо осады города сжималось, Одессу начали обстреливать снарядами из орудий.

Тётя Полина решила, что мы укроемся от обстрелов в катакомбах. Катакомбы – это довольно высокие подземные галереи, расположенные под городом. Они образовались, когда там добывали ракушечник – камень, из которого в Одессе построено множество зданий. Добираться до этого катакомбного убежища пришлось пешком довольно долго, прожили мы там несколько дней. Народу в убежище набралось много: дети, старики все спали на полу, еда – очень скудная, за водой нужно выходить на улицу. В один из дней я вышла из катакомб на улицу, и начался обстрел, но мы, дети войны, уже не боялись канонады. Снаряд пролетел над моей головой и взорвался на другой стороне неширокой улицы, осколки разлетелись во все стороны, я бросилась хватать еще горячие кусочки металла. Ко мне подскочила незнакомая женщина, схватила меня и потащила прочь от места падения снаряда, приговаривая: «Наверное, за тебя сейчас молилась мама, поэтому ты осталась жива!». Думаю о сохранении моей жизни в годы войны можно сказать словами Александра Володина¹:

*А жизнь моя - это подарок.
Война подарила её или Бог подарил, неизвестно.
Не быть благодарным грешно...*

Осада Одессы продолжалась, дети Соболей ушли из дома: сначала дочь-студентка попыталась выбраться из осаждённого города, потом – парень. Обсуждался вопрос возможности отправки меня с кем-то из них, но это была не организованная эвакуация, а просто бегство... Нужно было идти пешком в неизвестность и пытаться «пробиться» на пароход, конечно, ребёнок моего воз-

¹ Володин Александр Моисеевич – русский драматург, сценарист и поэт, 1919 – 2001 гг.

Оперный театр, осень 1941 года, Одесса.

раста был бы помехой. О дальнейшей судьбе этих молодых людей ничего неизвестно, очевидно, они погибли. Город остался без воды, в длинейших очередях довольно далеко от дома мы получали по бидончику воды и тащили её домой. Но были дни, когда воды не было совсем. Через много лет я узнала, что частичное прекращение водоснабжения города произошло из-за того, что водонасосную станцию, находившуюся далеко от города в Беляевке, захватили вражеские войска. Чтобы дать воду городу, на короткое время её отбили наши разведчики-моряки. Почти все эти разведчики погибли, среди них был чудом выживший будущий поэт Григорий Поженян. Его рассказ об этом событии я услышала на вечере поэзии в семидесятые годы. Он прочёл отрывки из своей поэмы «Вперёдсмотрящий», посвящённой необыкновенному подвигу небольшой группы моряков-разведчиков. Тогда я вспомнила осенние одесские бесконечные водяные очереди с позвякиванием пустых бидончиков, с тревожными разговорами женщин... Вот несколько строчек, написанных Г. Поженианом, посвящённых этим дням:

*Нас в разведке тринадцать было,
Нас в Одессе война крестила!*

и ещё:

Одесса, октябрь 1941 года.

Лишь здесь, у моря, понял я, что значит, нет воды...

Взрослые, озабоченные своими нелёгкими делами, не ограничивали меня в передвижениях, и я с другими ребятами бегала по развалинам, собирала красивые осколки, научилась с большим проворством лазить по деревьям шелковицы, с удовольствием поедая её ягоды. Собрала большую коллекцию осколков совершенно фантастических форм и очень ею гордилась. Перед приходом вражеских войск город на пару дней остался без «присмотра», так как наши войска и органы управления город покинули. В эти дни началось невиданное разграбление складов, магазинов, учреждений. Меня тётя и её муж от дома никуда не отпускали, боясь очевидно за мою жизнь и не желая, чтобы я видела этот кошмар, они были очень честные люди. Но выглядывая во двор и на улицу, я наблюдала дикое столпотворение, люди тащили на тележках и на себе ящики продуктов, напитков и различных вещей. Один из обитателей нашего двора нёс огромную стопку галош и по-одесски громко негодовал, что ему ничего другого не досталось.

Никакого огорчения в связи с оставлением советскими войсками города на нашей улице я не заметила. Врага тоже не очень ждали, но какой-либо ожесточённой ненависти не ощущалось, кругом воцарилось нервное безразличное

ожидание, измученных предыдущей жизнью людей. Старики во дворе говорили: «Немцы – культурные люди, хуже не будет...» .

За время вынужденного пребывания в этом южном ярком городе я привыкла к шумным, экзотичным обитателям нашего двора. Традиционно вся жизнь не только детей, но и взрослых, проходит на виду у всех, во дворе. Здесь едят, стирают и сушат бельё, нянчат малышей и лупят детей постарше, громко обсуждают любые проблемы, выясняют отношения. Двор меня принял, естественно, зная и обсуждая историю моего появления в нём во всех подробностях. Основное население двора относилось ко мне сочувственно и доброжелательно. Тётю Полину двор считал «тронутой», но ко мне она относилась заботливо и ровно. Находясь, весь день на улице и во дворе, я ощущала себя в нём своей, привыкла изворачиваться от затрещин и подзатыльников взрослых и детей. Часто становилась невольным слушателем взрослых разговоров, которые я не всегда понимала, но хорошо улавливала их общий смысл и направленность.

9

Жизнь в оккупации

Без боёв на улицах 16 октября 1941 года в город вошли румынские части, наступила другая жизнь – оккупация. Город перестали бомбить и обстреливать. По домам начали ходить с проверками румынские солдаты, без стеснения, забиравшие себе разные ценные вещи и державшие в страхе население. Когда румыны пришли к нам и нашли мои «залежи» осколков, гильз и других отходов войны, они стали грозить взрослым арестом, но тем удалось откупиться, отдав им что-то из вещей. После этого случая я уже не держала дома свою «коллекцию» осколков, а перетасила её в развалины одноэтажного дома в нашем дворе и хорошенько замаскировала там. Мы, дети, по-прежнему носились по улицам, играли в разрушенных бомбами домах, где оставалось много всякой утвари, и осторожно издали наблюдали за румынскими солдатами.

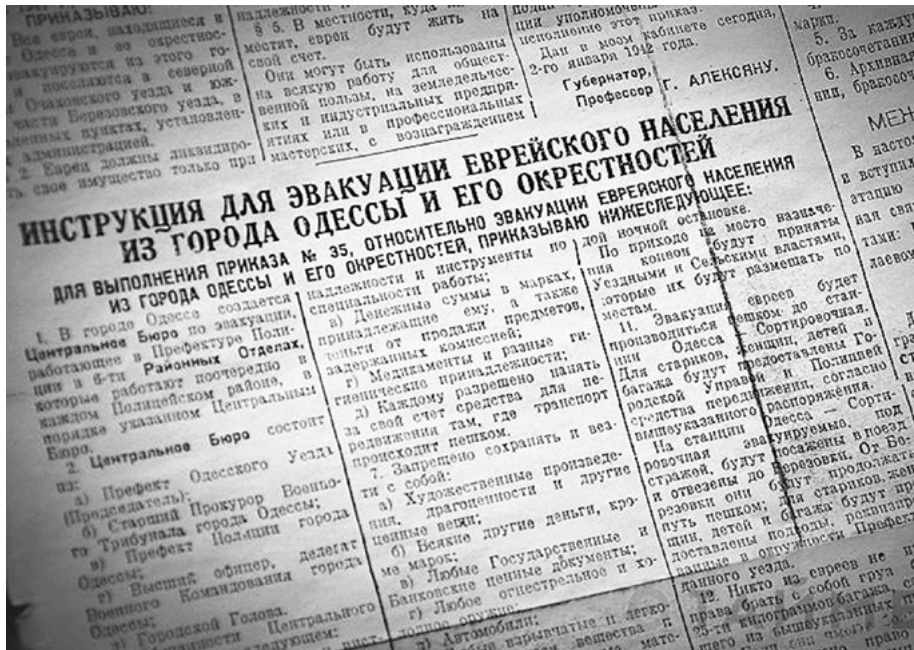
Неожиданно в нашей оккупационной жизни начали происходить совершенно непонятные изменения. Поползли ужасные слухи, что каких-то евреев выселят, и Соболи начали к чему-то готовиться. Слово «евреи» было мне неизвестно, и почему их относят к этой категории людей, я не понимала. Соболи в доступной мне форме объяснили, что я русская и не должна никуда с ними идти. Почему я – русская, а они – евреи, я ещё не понимала. Объяснять мне всё это было некому, да и не до того тогда было. Мой малый жизненный опыт в достаточно непростых обстоятельствах не давал мне ответа по «национальному вопросу». Я не представляла, что такое национальность и почему евреев нужно куда-то изгонять... Среди моих родных и близких нашей семье людей этот вопрос никогда при мне не обсуждался. Когда мы бывали в Москве, я иногда слышала, как мама с тётей Маней разговаривали на непонятном языке. Мы с братом Лёней считали, что они специально придумали этот язык,

чтобы мы не понимали, о чём они говорят. Ведь мы уже с 1937 года хорошо знали, что скрывать было что, так как наши отцы были «врагами народа». Разговоров о том, кто какой национальности, очевидно, не велось, поэтому я ничего об этом не слышала.

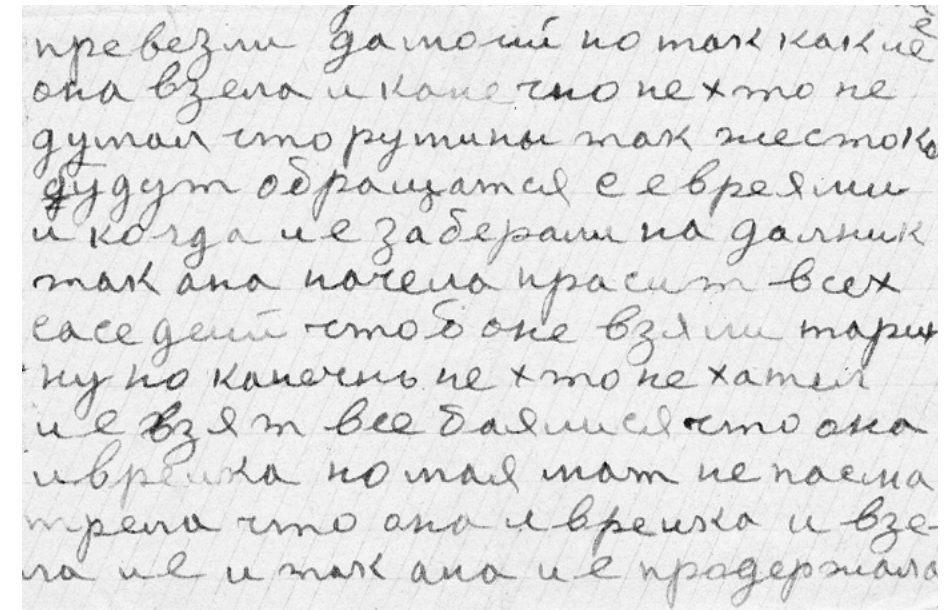
В один из осенних не очень светлых дней по приказу властей Соболи с вещами вышли на улицу, где уже стояли люди, в основном пожилые, инвалиды, женщины и дети, все с каким-то скарбом в руках, их окружили солдаты и куда-то повели. Перед тем, как уйти со двора, тётя Полина начала громко причитать и просить соседей: «Заберите девочку – она русская! За это возьмите, всё, что у нас осталось в квартире!» Я стояла рядом с нею, и никто сразу не откликнулся на этот призыв. Она плакала и уговаривала забрать меня, говорила, что, когда за мной приедет мама, она отблагодарит. Я, обыкновенно прыгающая или куда-то бегущая, окаменела, наверное, не очень понимая, что происходит, впервые ощутив неведомые мне ранее чувства своей ненужности людям и сиротства...

Наконец, вышла дворничиха тётя Маша, самая бедная и незаметная из всех соседей, и сказала, что возьмёт меня. Когда тётя Полина с мужем пошли со двора, я побежала за ними, но они очень строго велели мне вернуться и не

выходить никуда, очевидно, понимая или предчувствуя свою трагическую участь. Слова тёти Полины были столь серьёзны и категоричны, что я безоговорочно вернулась во двор. Они же ушли...

Уже в наши дни стало известно, что тогда осенью 1941 года в Одессе и области по официальным данным фашистами были уничтожены триста пятьдесят тысяч евреев, но, по мнению некоторых исследователей, на самом деле погибло более шестисот тысяч. В основном это были женщины, дети, пожилые мужчины, инвалиды, ведь молодые и здоровые были на фронте. Все евреи, которые остались в городе, по приказу румынских властей должны были пройти «регистрацию» в селе Дальник под Одессой, но до этого места доходили не все. Многих убивали по дороге или в местах сбора, остальных добывали в местах «регистрации». До освобождения дожили едва ли полпроцента этих мучеников второй мировой войны. Я хочу, чтобы мои потомки знали об этом страшном варварстве двадцатого века, в том числе и из моих записок. Я осталась жить благодаря доброте и мужеству простых людей разных национальностей, в первую очередь благодаря смелости скромной немолодой русской женщины Марии Игнатьевны Пастушковой и мудрости Соболей, запретивших мне идти с ними...

Отрывок из письма дочери М. И. Пастушковой, отправленного маме из Одессы в начале 1945 г.

Я перебралась к тётё Маше, они с мужем жили на втором этаже деревянного флигеля в глубине двора, жили очень скудно в двух небольших комнатах, где и соорудили мне какую-то лежанку. Тетя Маша относилась ко мне неплохо. Муж её работал сторожем в ботаническом саду и часто пил, в таком состоянии иногда бил её, меня не трогал, наверное, жалел. У них была дочь, которая жила отдельно. Через несколько дней после ухода Соболей сердобольные соседи решили, что они нуждаются в помощи, что там, куда их согнали, нечего есть. Во дворе собрали еду, и кто-то из соседей вызвался меня проводить, чтобы я нашла родственников и передала еду. Наверное, это была Слободка, где устроили гетто для евреев. Сопровождающий показал куда идти и дальше пустил одну. На подходе к гетто меня, очевидно, увидела охрана, начали стрелять. Я уже была «опытным» военным ребёнком и знала, как себя вести, упала в высокую траву и уползла, бросив все, что несла. Больше попыток разыскать моих родственников и что-то передать им соседи не делали. Распространились слухи, что обитателей этого гетто угнали куда-то подальше от Одессы.

Первая зима 1941-42 года в оккупированной Одессе была холодной и для меня страшной. Я не имела никакой тёплой одежды: ведь меня привезли на летние месяцы, поэтому бегать и играть с ребятами, что я очень любила, не могла. Пока не потеплело, почти не выходила из дома, с едой было трудно. Время от времени тётя Маша уезжала в деревню и привозила кое-что из продуктов, меняя вещи, оставленные Соболями. Она старалась, чтобы я была накормлена и чисто одета. Я читала книги, которые натащила из развалин разбомблённых домов ещё летом и осенью. Читала, очевидно, неплохо и всё подряд, помню, попались мне какие-то медицинские непонятные книги. Я без каких-либо сомнений начала их читать пока мне ни стало физически плохо – я потеряла сознание. С тех пор я никогда не могла заставить себя читать медицинскую литературу! Весной 1942 года, когда потеплело, я снова много времени проводила на улице. Пастушковые, люди малограмотные, заниматься со мной не могли, поэтому я была предоставлена улице и без особых затруднений вошла в мир одесского двора. Ребята приняли меня в свою компанию, никак не выделяя и не обижая, относились ко мне, как к своей. К довоенным играм добавились новые, военные, но жестокости или какого-то хулиганства в этих играх не было. Местом наших игр в основном являлись развалины разбомблённых домов и улица с её деревьями. Я часто грустила, вспоминая свою семью, но старалась, чтобы никто этого не заметил, забиралась одна в развалины и тихонько плакала. Выйти из этого состояния мне помогали воспоминания о тех редких минутах необыкновенной радости, когда мы бывали все вместе: я, Жека, мама, папа. Я страстно желала, чтобы быстрее пришло время, когда мы снова будем обласканы родителями и жизнью. Но уже появлялось понимание, что война быстро не закончится.

Бывали и очень радостные моменты: несколько раз муж тётё Маши брал меня на целый день в ботанический сад. Я с удовольствием придумывала игры с растущими там, в изобилии красивыми разнообразными цветами, кустами и деревьями, воображая себя маленькой волшебной феей, летающей в этом безлюдном неземном царстве красоты. В этом мире не было войны с бомбами и снарядами, со мной был мой маленький братик...

Румынские оккупационные власти поощряли частное предпринимательство, и летом 1942 года тётя Маша нашла способ зарабатывать деньги: дома мы лепили вареники с картошкой и несли их продавать на базар. Муку и картофель она время от времени привозила из деревни, расположенной вблизи Одессы. Базар, а вернее, «толкучка», размещалась на Молдаванке, сравнительно недалеко от нашего жилья. Там одесситы продавали разные вещи, новые и старые, а румынские солдаты следили за порядком и что-то покупали. Рынок был большой, народу много, там я наслушалась одесских шуток и разговоров... На оккупированных территориях денежной единицей стала оккупационная марка.

Сначала я помогала и дома, и на рынке, но вскоре тётя Маша доверила мне самостоятельно продавать вареники, к тому времени мне уже исполнилось десять лет! Я бойко, громко по-одесски нараспев кричала: «Кому вареники — двадцать на марку!» и успешно торговала, пока тётя Маша ходила домой и приносила новую порцию горячего товара. Оказавшись сноровистой торговкой, я с удовольствием этим занималась. Действительно, как сказал кто-то из старых одесситов: «В Одессе нужно громко кричать, чтобы тебя услышали». Удивительно, что никто меня не обидел и не обманул за всё время «коммерческой деятельности»! Кроме меня на рынке работало ещё немало ребят, в основном мальчишек, многие продавали холодную воду со льдом, вот они-то кричали точно по-одесски!

С приближением осени вновь встал тяжёлый для нас с тётей Машей вопрос приобретения для меня одежды и, главное, обуви. Лето я пробегала босиком, ведь обувь, в которой меня привезла мама, стала мала и сносились. Летние платья можно было ещё надевать, но они стали очень короткими! Одежда и обувь в то время покупались только на толкучке и для нас были недоступно дороги! И всё же тётя Маша из наших «доходов» приобрела мне «на вырост» удивительные тёплые тапочки ярко-кирпичного цвета и галоши. Всю зиму 1942-43 года я проходила в этой необыкновенной обуви, дома я её не надевала – берегла, бегала босиком. Верхнюю одежду тетя Маша соорудила мне из своей старой кофты, перешив и утеплив её. Нижнее бельё и пару каких-то более или менее тёплых платьев она выменяла для меня на оставшиеся вещи Соболей. Внешний вид тогда меня мало волновал, я была вполне довольна тем, что могу выходить на улицу.

В свободное время мы по-прежнему рыскали по развалинам, и, однажды, в разбомблённом одноэтажном доме нашего двора нашли выброшенный кем-то орден Ленина (наивысшая награда в Советском Союзе). Старшие ребята, которые жили в этом дворе ещё до войны, считали, что этот орден принадлежал заслуженной учительнице из нашего двора. Решили его спрятать, а когда вернутся наши, отдать властям и разоблачить эту «предательницу». Она была довольно противной тёткой, всегда подчёркивавшей своё истинное «украинство», ребята её не любили. Что произошло после возвращения Красной Армии, я не знаю.

10

Встреча с Марией Романовной

Осенью 1942 года тётя Маша решила отправить меня в одну из открывшихся при новой власти народных школ. Я начала ходить во второй класс школы, расположенной на нашей улице недалеко от дома, что было очень важно, так как моя тёплая одежда и обувь не располагали к дальним прогулкам. С приходом румын в Одессе открылись сохранившиеся православные храмы, тётя Маша и ещё кто-то из соседей начали брать меня в церковь. Мне там всё нравилось: иконы, красивые песнопения, свечи, запах ладана. В церкви мне становилось грустно и светло, там я почему-то сразу вспоминала маму, папу, Жеку и как-то по-своему молилась. Большой восторг у детей вызвал весенний православный праздник, когда мы из церкви несли вечером домой огонь в специальных цветных фонариках. Это было захватывающее зрелище, несли из дальнего собора, что на Преображенской улице, и вся улица переливалась разноцветными волшебными огоньками.

Я с радостью начала учиться. Среди других предметов в школе нам преподавали Закон Божий. Вскоре нас крестили в православном храме на Соборной площади. Крещение проходило очень торжественно. Крестил нас батюшка, который в школе преподавал Закон Божий, он подготовил нас к этому событию, рассказал об обряде крещения, мы выучили некоторые молитвы. Я попала в группу довольно больших детей девяти - десяти лет, чьи родители дали согласие на крещение. Каждого крестили отдельно, окропляя святой водой, говорили какие-то особые слова, которые мы, росшие в безбожной стране, начинали понимать. Настоящего крестика у меня не было, поэтому мне кто-то сделал деревянный. Удивительно, но во время крещения никто не баловался, все были серьёзные и одухотворённые. Мне церемония очень понравилась, после неё я искренне начала молиться.

Преподаватели в школе оказались неплохими, я с удовольствием занималась пением, чтением, арифметикой, и вообще в школу ходила, как на праздник. Здесь я начала узнавать совершенно неведомые для советского ребёнка стихи, песни, сказки и рассказы. Нас учили добрым христианским песням и стихам без всяких революционных призывов к борьбе и уничтожению врагов: «По небу в полночи Ангел летел», «Огонёчки теплятся, прохожие крестятся, и пахнет весной», «Спи, моя радость, усни, в доме погасли огни». Кто-то из учителей принёс дореволюционное издание книги Лидии Алексеевны Чарской¹, кажется, «Волшебные сказки», меня захватило чтение её произведений, наверное, сентиментальность, доброта, сиротство в книгах этой писательницы стали тогда очень близки и понятны. Кроме основных предметов нам начали преподавать румынский язык, объяснив, что Одесса теперь столица румынского губернаторства Транснистрии.

Директриса нашей школы знала, что у меня нет родителей, и я живу сиротой у бедных людей. К празднованию православной Пасхи 1943 года мы с преподавателем пения подготовили большую пасхальную программу, с которой выступили в школе, а затем пришли домой к директрисе, чтобы поздравить ее гостей. Мы с успехом исполнили подготовленный репертуар, я много солировала, говорили, что я очень трогательно пропела песню «Сунок» (Бетховен, Гёте). Нас похвалили, угостили, и дети разошлись по домам. Среди гостей была Мария Романовна Гонсиаровская, которая обратила на меня внимание, поговорила со мной. Очевидно, изящное довоенное платье на мне никак не соче-

Мария Романовна Гонсиаровская, Одесса, фото 1920-х годов.

¹ Чарская Л.А. – русская детская писательница, актриса, после октябрьского переворота 1917 года её перестали печатать. Изданные книги изъяли из библиотек из-за дворянского происхождения и буржуазно-мещанских взглядов автора, 1875-1937 гг.

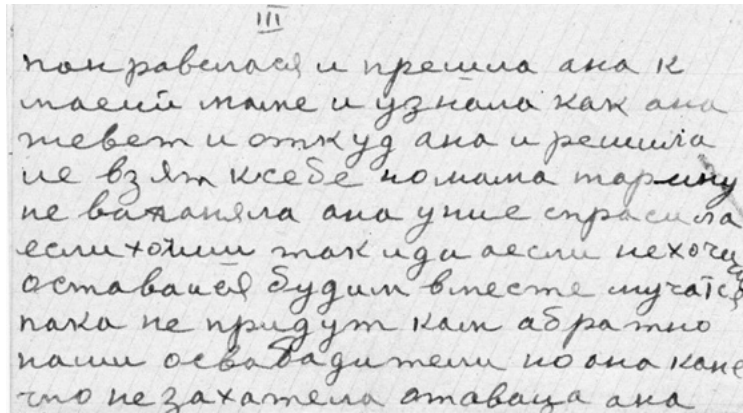
талось с ужасными домашними тапочками. Она начала расспрашивать нашу директрису, та рассказала обо мне, дала адрес. На следующий день Мария Романовна появилась у нас на Спиридоновской и начала вести переговоры с тётей Машей о том, чтобы взять меня к себе на воспитание. Спросили, хочу ли я перейти жить к Марии Романовне, предварительно сводив на Коблевскую улицу, где она жила с мужем Иосифом Людвиговичем и своей мамой.

В письме 1956 года, Мария Романовна, вспоминая это время, писала: «Я вспоминаю тебя, беспомощного, измученного, перепуганного, ни в чём не повинного ребёнка и твои ручонки, цепко сдавившие протянутую мною руку, когда мы отправились к тёте Маше...». Тётя Маша согласилась с предложением незнакомой женщины, очевидно, поняв, что мне там будет лучше. Я же сразу прониклась доверием к Марии Романовне и с радостью приняла её предложение, она мне сразу очень понравилась.

Через несколько дней я уже жила у Гонсиаровских. Меня приняли в семью образованные и интеллигентные люди: он архитектор, она бухгалтер в возрасте около сорока лет, потомственные одесситы. Мария Романовна окончила гимназию в Одессе, и там ещё жили ее подруги по учёбе, с которыми она

Отрывок из письма дочери М. И. Пастушковой, Одесса, 1945 год.

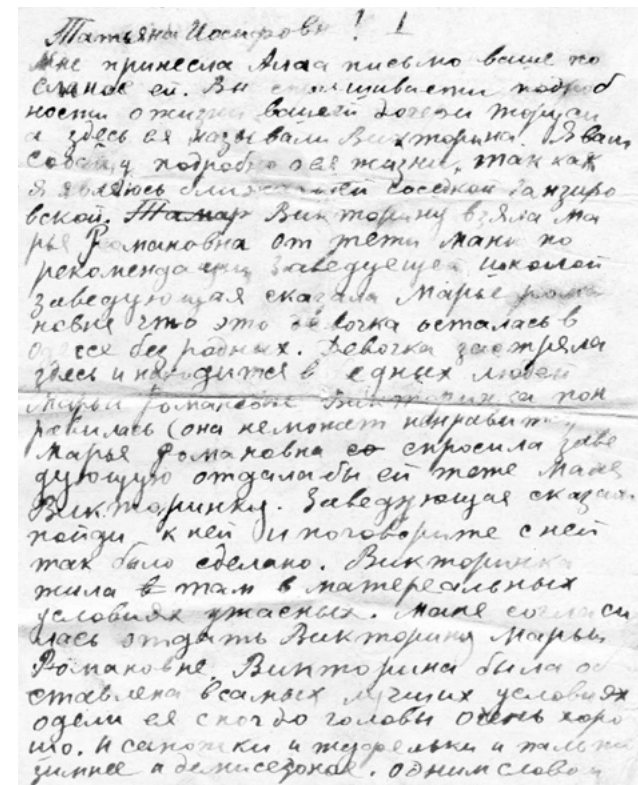

Отрывок из письма дочери М. И. Пастушковой, Одесса, 1945 год.

встречалась и помогала им. Иосиф Людвигович работал в городской управе, а Мария Романовна, женщина умная, деловая и энергичная, открыла комиссионный магазин¹, чем и зарабатывала на жизнь. У них была хорошая большая квартира с сохранившейся старинной мебелью, библиотекой, роялем и антикварными вещами, принадлежавшими ещё родителям Иосифа Людвиговича. Любимой у меня стала ослепительно белая фигура льва, стоящего на рояле. Мне сразу разрешили с ним играть, и, несмотря на свою величественность и красивую холодность, он стал понятным и близким. Лев помогал вспоминать кое-что из моего довоенного мончегорского музыкального багажа, когда я садилась за инструмент...

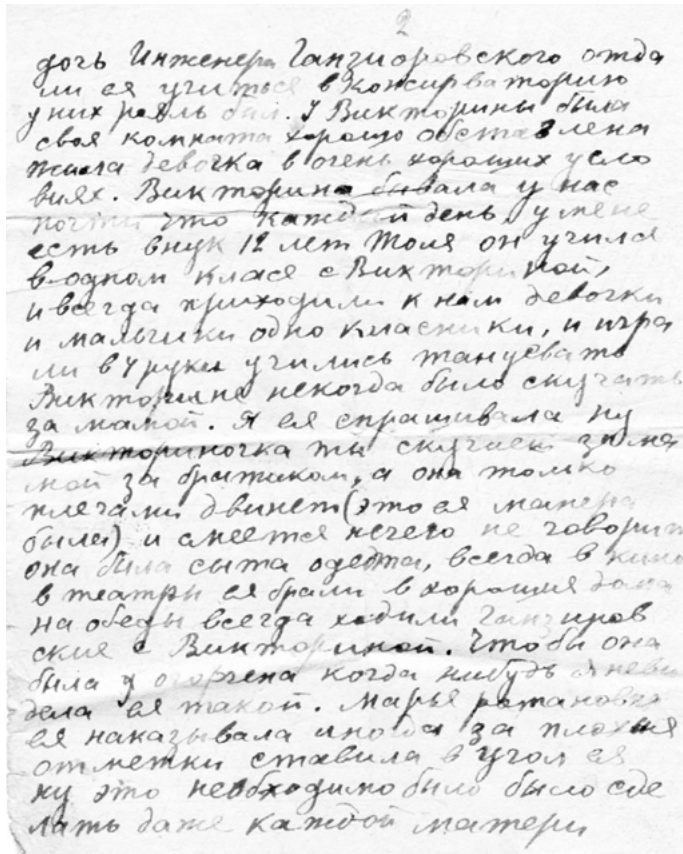
Мама Марии Романовны была очень серьёзно больна и, вскоре после моего появления в семье, умерла. Меня поместили в её комнату, приспособив в ней всё для учёбы. Вот выдержка из письма соседки Гонсиаровских А. Павловой, направленного моей маме в 1944 году: «...У Викторины была своя комната, хорошо обставлена, жила девочка в очень хороших условиях». Условия действительно оказались прекрасными не только в материальном плане, но, в большей степени, в моральном. Я попала в хорошую семью, в которой были установлены определённые правила поведения. Привыкшей к «свободной», бесконтрольной жизни девочке вначале трудно было привыкать к новым порядкам, я даже пыталась сбежать. Ежедневные взрослые задушевные разговоры Марии Романовны быстро привели меня в чувство. Она установила основную мою обязанность – учиться. Мне запретили без разрешения взрослых гулять, велели непременно рассказывать, с кем я общаюсь. Обязательно ложиться спать, вста-

вать и кушать в определённое время. Немного погрузив о прежней «вольной» жизни, я благодаря доброжелательной настойчивости Гонсиаровских очень быстро привыкла к новой действительности. И ещё из письма соседки - цитата, обращение Марии Романовны ко мне: «Учись, будь умницей, хорошей хозяйкой, а когда встретишь маму, чтобы она не сказала, что могла бы воспитать тебя лучше...». Действительно, она начала брать меня с собой на продуктовый рынок, расположенный недалеко от нашего дома, где я уже выступала в качестве покупателя, а не продавца! Объясняя мне, как выбирать свежие качественные продукты (мясо, овощи, фрукты), предоставляла возможность самостоятельно их отбирать. И вновь свидетельство соседки обо мне: «...Она очень умная девочка, хозяйка хорошая. Ей удовольствие было ходить на базар и только сама. Смотришь идёт Викторинка с корзиночкой на базар и представьте всё купит даже курицу грудинку покупала. Мы всегда удивлялись её способности...» (пунктуация и построение предложений сохранены авторские).

¹ Комиссионный магазин – магазин, где принимают от населения вещи, бывшие и не бывшие в употреблении, за проданные вещи хозяин берёт определённый процент в свою пользу.

дочь Инженера Ганзиоровского отда
ли ее учиться в консерваторию
у них рабы даи. Викторина была
своей комнатой в доме отца вlena
такая девочка в очень хороших усло
виях. Викторина бывала у нас
почти каждый день. У нее
есть брат 12 лет. Моей он учился
в одном классе с Викторинкой,
и всегда приходили к нам девочки
и мальчики одноклассники, и игра
ли в игрушки учились танцевать.
Викторина некогда была сиротой
за мамой. Я ее спрашивала ну
Викторинка ты сиротка, а она только
мне давала. Викторина (это ее манера
была) и смеется нечего не говорит
она была сама одетая, всегда в кино
в театры ее брали в хорошие дома
на обеды всегда ходили Ганзиоров
ские с Викторинкой. Этой она
была у отца когда никто не знал
даже ее такой. Марья Романовна
ее наказывала много за то что
отметки ставила в угол ее
ну это необходимо было было се
мать даже каждой матери.

Письмо соседки Гонсиаровских – А. Павловой, Одесса, 1945 год.

Выбор продуктов на рынке был огромен, раньше я ничего подобного даже в Москве не видела, можно было найти любую часть курицы или гуся, а от различных видов мяса разбегались глаза. Тогда казалось удивительным, что после прихода румын в Одессу так быстро появились в продаже все продукты без всяких карточек и распределителей. Сейчас я понимаю, что никакого чуда в этом не было: просто новая власть разрешила частное предпринимательство, и люди из ближайших деревень сразу же повезли в город плоды своего труда. В Одессе появились частные магазины, открылись великолепные кондитерские, где можно было заказать любые сладости. В городе сохранилось достаточно людей, обладающих деловой инициативой и умеющих работать, которые быстро раскрутили механизм продажи различных продуктов населению.

11

Школа Столярского

Мария Романовна активно и настойчиво взялась за работу, чтобы ликвидировать «пробелы» в моем воспитании. Меня не только одели в приличную одежду, но и начали обучать музыке, хорошим манерам. Иосиф Людвигович гулял со мной в одесских парках, рассказывая о природе, книгах, пытался учить французскому и польскому языкам (он был из старинной польской дворянской семьи), много читал мне. Мария Романовна постоянно и увлекательно со мной разговаривала, учила не только выбирать продукты и хозяйничать, но и пыталась приобщить меня к элементарному пониманию живописи и антиквариата для чего иногда брала в свой магазин. Магазин располагался в небольшом помещении на первом этаже многоэтажного дома, дверь и маленькая витрина, выходили на оживлённую улицу. Внутри всегда находилось что-либо интересное: картина, небольшая скульптура, женские украшения и очень много разнообразнейшей старинной посуды.

Летом мои приёмные родители сняли дачу в Аркадии¹, откуда я всё лето ездила в город на трамвае к учительницам музыки и общеобразовательных предметов. Ведь осенью я непременно должна поступить в 4-ый общеобразовательный класс при музыкальной школе, которую все одесситы по-прежнему называли школой имени Столярского²! Дача – это небольшой домик с верандой в каком-то, по-моему, бывшем поместье на холме, недалеко от конечной остановки трамвая в Аркадии. Территория вокруг очень живописная: огромные старые деревья и цветники, полные разнообразных цветов, до моря не более пятнадцати минут. И хотя я уже 2 года жила у моря, окунуться в морскую воду

¹ Аркадия – курортный район города Одессы, названный в честь региона древней Греции, где по представлениям греков царили счастье, покой, мир и простота нравов.

² Столярский Пётр Соломонович – скрипач, педагог, основал в 1933 году Одесскую среднюю специальную музыкальную школу, которая подготовила немало музыкантов мирового уровня, 1871-1944 гг. Конечно, во время оккупации школа не называлась имени Столярского.

смогла впервые! Иосиф Людвигович очень любил купаться, и каждый день брал меня с собой, учил плавать. Я, конечно, готова была плескаться в море целый день, но моё время уходило в основном на занятия. Иногда удавалось поплавать два раза в день: утром с Марией Романовной, вечером с Иосифом Людвиговичем. Вокруг нашей дачи располагалось много участков, на которых хозяева выращивали овощи и фрукты на продажу. Запомнился сад, владельцем которого был настоящий грек, где нам с Марией Романовной разрешалось самим собирать с деревьев ароматные и нежнейшие персики. Большой радостью было своими руками срывать с ветки эти чудесные плоды и наполнять ими корзинку. В сезон персиков мы ежедневно бывали в саду грека. На дачу привезли пианино, на котором я каждый день упражнялась, кроме того выполняла задания по общеобразовательным предметам.

Здесь же в Аркадии летом жили на собственных или съёмных дачах некоторые приятели Гонсиаровских. В выходные дни они устраивали вечеринки с обильными одесскими угощениями и обязательной игрой в карты. У них не

было детей моего возраста, поэтому я всегда находилась среди взрослых. Постоянными карточными играми были преферанс, винт и покер. Из трёх игр я быстро освоила покер, как наиболее простую игру, и меня иногда допускали до взрослой игры. Но чаще всего на этих «собраниях» я, забившись в уголок, читала или слушала разговоры взрослых. Молодость этих людей пришлась на двадцатые годы XX века, поэтому в разговорах часто звучали фамилии знаменитых одесситов, с которыми они ранее общались. Тогда меня больше всего заинтересовала необыкновенная фамилия Суок. Мария Романовна училась в гимназии с тремя сестрами Суок, с одной из них, не помню какой именно, в одном классе. Обсуждались разные произведения Олеши¹, Багрицкого², но тогда я об этих писателях ничего не знала. Через десятилетие я прочла «Три толстяка» Ю. Олеши, стихи Багрицкого и вспомнила эти одесские разговоры взрослых...

Новый учебный год я начала в новой школе. Перед первым сентября мои знания по музыке и основным предметам проверяли учителя

Виктория Вязунова,
Одесса, август 1943 года.

школы, экзамен я выдержала. В этой школе учились совсем другие дети, было много музыкально одарённых. Вокруг всё время звучала музыка, а в нашем (общеобразовательном) классе кроме детей, обучающихся игре на различных инструментах, были две девочки из балетного класса. Они мне очень нравились, и я с ними сдружилась. Разговоры на переменах велись в основном о музыке, спектаклях, прочитанных книгах. Нам нравились наши учителя, позже я поняла, что они были педагогами высокого класса. Мне было очень хорошо в этой школе, и я училась с удовольствием. Нас часто водили в Одесский оперный театр, где мы не только слушали оперы, но и смотрели балетные спектакли. Перед Рождеством мы репетировали в театре, а затем принимали участие в массовых сценах «Щелкунчика»¹, изображая детей, пришедших на ёлку к Маше, пели рождественские песни...

Необыкновенная атмосфера замечательного оперного театра, принимавшего нас в свои объятия, звуки настраиваемых инструментов оркестра очень напоминали мирную жизнь и мы забывали о том, что где-то идёт война.

И вновь строчки из письма соседки Гонсиаровских «Викторина бывала у нас почти что каждый день, у меня есть внук 12 лет Толя он учился в одном классе с Викториной, и всегда приходили к нам девочки и мальчики одноклассники, и играли в 4 руки учились танцевать...». Наша школа располагалась возле Сабанеева моста, дорога в школу пролегла по живописным одесским улицам и пробегала я её всегда с большим интересом.

Гонсиаровские часто брали меня с собой в театры и в гости. В оперном театре пел их знакомый Н. Топчий, в Русской драме мне поручили вручить торт на юбилейном вечере их приятелю по карточной игре в покер, на торте располагались искусно сделанное кондитером каре из четырех тузов. С ними я бывала в семье Сосюра, глава семьи был доктором и братом знаменитого украинского поэта. Мне нравилось у них бывать и слушать увлекательнейшие разговоры о поэтах начала XX века, воспоминания о гимназических годах, и о многом другом, неведомом... Гонсиаровские были дружны со многими старыми интеллигентными одесскими семьями из профессорской, художественной и театральной среды. Все приятели Гонсиаровских относились ко мне очень тепло.

Мои приёмные родители, заметив мой интерес, старались многое объяснить, рассказать, если я чего-то не знала. Они не пытались сделать из меня Манкурта², наоборот, всегда мне повторяли, что как только закончится война, разыщут моих родителей. Я им часто рассказывала о нашей жизни до войны, вспоминала брата, маму, папу. Очень странно, но я почему-то отчётливо помнила лица папы и брата, а вот лица мамы вспомнить не могла.

¹ Олеша Юрий Карлович – русский советский писатель, поэт, драматург, 1899 – 1960 гг.

² Багрицкий Эдуард Георгиевич – русский поэт, переводчик, драматург, 1895 – 1934 гг.

¹ Щелкунчик – балет П.И. Чайковского по мотивам сказки Гофмана.

² Манкурт – человек, забывший о своём прошлом и о прошлом своих предков.

Наряду с добрым и благожелательным отношением ко мне со стороны всех знакомых Гонсиаровских, мы столкнулись и с человеческой подлостью. Иосиф Львович работал в городском управлении по недвижимому имуществу (учёт зданий и сооружений). Однажды я зашла к нему, мы должны были идти куда-то после окончания рабочего дня. Меня увидели его сотрудники, и через пару дней к нему подошла молодая женщина-коллега и сказала: «Вы знаете, кого Вы взяли, ведь эта девочка – еврейка!». Оказывается, она работала вожатой в Украинском Артеке – Лузановка, куда перед началом войны меня оформляла мама и, очевидно, видела её паспорт. Гонсиаровские вели с ней переговоры, не втягивая меня в это. Наверное, они хорошо заплатили, чтобы она не заявила в комендатуру. Больше на работу к Иосифу Львовичу я никогда не заходила. Кроме того, Мария Романовна предупредила, чтобы я перестала ходить к тётё Маше, так как там, среди соседей, появились желающие заявить о моём происхождении, куда следует. Очевидно, это было спровоцировано моим новым «зажиточным» положением.

Дома по хозяйству Гонсиаровским помогала домработница Вера, спокойная добрая немолодая женщина, которая очень хорошо ко мне относилась. Воспитательные методы Марии Романовны, как я теперь понимаю, были довольно мудрыми: каких-то особых наказаний и бесконечных нудных нравоучений она не применяла. Если меня «заносило» она садилась и объясняла простыми, но доходчивыми словами, как я должна поступать в разных ситуациях, какое наказание следует за плохим поступком. Так она сначала обучила меня, как вести себя за обеденным столом, какими приборами и как пользоваться. Когда же я, зная уже эту науку, продолжала нарушать все установленные правила, она пару раз при гостях, удалила меня из-за стола, после чего моё поведение за столом стало безупречным. С раннего детства я сохранила ужасную привычку – сосать большой палец, мама все годы безуспешно боролась с нею. Если днём я следила и не толкала палец в рот, то ночью он оказывался там. Мария Романовна несколько раз серьёзно говорила об этом со мной, объясняя все отрицательные стороны этой склонности и убеждая, что только я сама своей силой воли могу её побороть. И она добилась результата, я ложилась спать, положив руку под себя и просыпалась, если рука устремлялась ко рту. И, наконец, в двенадцать лет я избавилась от этой привычки, Мария Романовна меня хвалила и уверяла, что я могу добиться многого, если захочу.

Как-то я оставалась дома, когда Вера привела своего внука (немного старше меня), мы с ним начали общаться. Он написал мне скабрёзную записку, а я, не очень ещё всё это понимая, что-то ответила. Эту «переписку» где-то бросила, не придав особого значения «пустякам». Мария Романовна обнаружила «переписку» и отнеслась к ней очень серьёзно: оставила меня дома, не пустив в школу, долго

со мной беседовала, очень чётко и доходчиво объяснила, как должна вести себя девушка с людьми другого пола. Этот разговор я запомнила.

В январе 1944 года Мария Романовна заказала мой портрет известному портретисту и живописцу Буковецкому Е. И., который в начале XX века часто встречался с писателем Буниным (есть портрет Ивана Бунина¹ его кисти, написанный в 1903 году). Я ходила на сеансы к художнику, который писал мой акварельный портрет, и, по-моему, не закончил его. Часами сидеть перед казавшимся мне тогда очень старым художником оказалось нудным и неувлекательным делом. Да и о замечательном русском писателе Бунине в то время я понятия не имела.

Портрет Виктории Вязуновой,
Буковецкий Е.И., 1944 год.

¹ Бунин Иван Алексеевич – русский писатель, поэт, первый русский лауреат Нобелевской премии по литературе, 1870 – 1953 гг.

12

Румыния

Наши войска приближались к Одессе, все были очень встревожены, ходили слухи, что немцы для истребления мирного населения запустят в город власовцев¹. Иосиф Людвигович давно хотел уехать в Польшу, но проехать туда было невозможно, и они решили эвакуироваться в Румынию с надеждой в дальнейшем пробраться в Польшу. Призвали меня, всё объяснили и просили, чтобы я подумала, ехать ли мне с ними или остаться в Одессе у тёти Маши. Я подумала, всё себе представила, вновь бомбёжки, обстрелы и мне стало очень страшно. Кроме того, я очень привязалась к Марии Романовне и решила ехать с ними. Мы начали собираться в дорогу, Мария Романовна заставила меня написать письмо родителям, где я всё изложила. Это письмо и моё фото оставили в Одессе у знакомых на случай, если родители будут меня разыскивать после освобождения города.

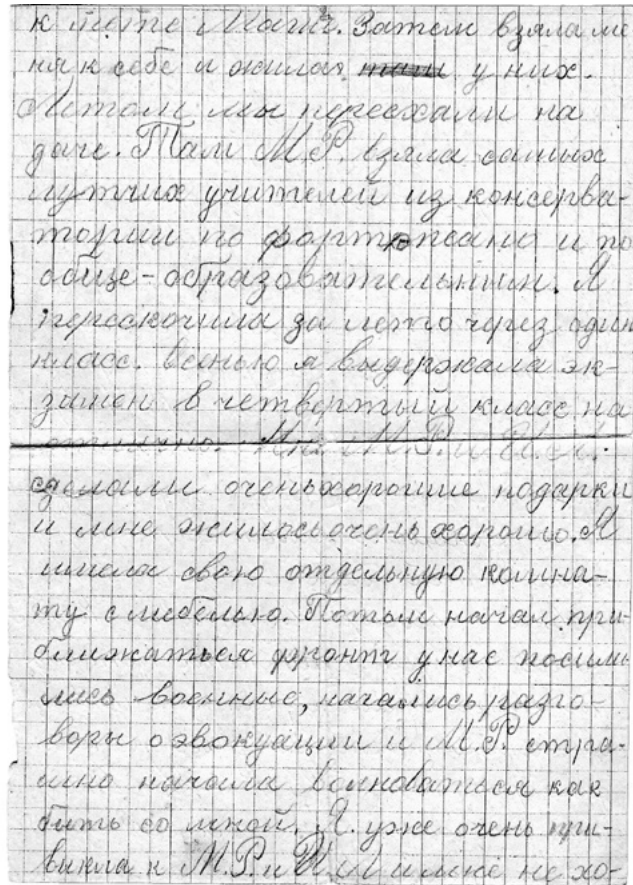
Копия моего письма родителям, орфография и пунктуация сохранены:

«Милые дорогие мамочка, папочка и Женичка!!! Хочу вам очень написать но даже не знаю с чего и как начать Вам расскажет тетя Маша: как мы пережили бомбежку, как зарабатывали на жизнь, а когда же тете Маше стало легче меня тетя Маша отдала в народную школу. На Пасху 1943 года мы дети нашей школы пошли поздравить нашу директрису, у нее было несколько человек гостей среди этих гостей была Мария Романовна и Иосиф Людвигович. Когда я их увидела то меня потянуло к ним сама не знаю почему. Когда мы кончили петь совершенно неожиданно для меня М.Р. и И.Л. подошли ко мне, узнав о моей судьбе у директрисы М.Р. пошла со мной к тете Маше. Затем взяла меня к себе и жила у них. Летом мы переехали на даче. Там М.Р. взяла самых лучших учителей из консерватории по фортепиано и по обще-образовательным. Я перескочила за лето через один класс. Осенью я выдержала экзамен в четвертый класс на отлично. Мне М.Р. и И.Л. сде-

лали очень хорошие подарки и мне жилось очень хорошо. Я имела свою отдельную комнату с мебелью. Потом начал приближаться фронт у нас усилились военные, начались разговоры о эвакуации и М.Р. страшно начала волноваться, как быть со мной. Я уже очень привыкла к М.Р. и И.Л. и мне не хотелось расставаться, тем более они имели случай выехать в Румынию то они решили взять меня с собой, а по окончанию войны, если не удастся нам всем переехать в Россию тогда М.Р. через полпредство передаст меня вам при первой возможности. Вы же в случаи их возвращения окажите им помощь и гостепреимство. И я вместе с вами построюсь хотя-бы частично отблагодарить за все то хорошее что они сделали для меня. Мне очень хотелось бы знать как вы пережили тяжелое время как живет Женичка он наверно стал уже большой. Как выгляжу я вы увидите на карточке в моем виде когда я шла в первые в консерваторию и еще есть мой портрет у художника (Княжеская №27 художник Букаветский)

Крепко целую вас всех Викторина»

¹ Часть советских военнопленных, которые начали служить немцам под командованием генерала Власова.

Две страницы письма Виктории Вязуновой родителям, март 1944 года.

В конце февраля или в начале марта 1944 года мы поездом выехали в Румынию. Я понимала, что в моей жизни вновь предстоят серьёзные изменения, но какие? Конечно, я волновалась, как и окружающие меня взрослые. В дороге вновь ощутила где-то рядом войну: поезд двигался в полной темноте, останавливался не на станциях, а в поле, иногда был слышен грохот, как во время бомбёжек. Проезжая уже по Румынии, во время одной из таких остановок, кроме грохота мы увидели вдалеке море огня. Мне вновь стало очень страшно. Ехавшие с нами румыны сказали, что в этот день американцы бомбили Плоешти! Мы проехали почти через всю страну до города Тимишоара. В этой неведомой нам стране мы начали жизнь эмигрантов, много переезжали из города в город, из дома в дом. Побывали в городах: Бухаресте, Тимишоаре, Деве, Орэште.

Швабская деревня

Первые месяцы в Румынии мы провели в швабской деревне, кажется, она называлась Люблинг, где было очень необычно. Люди в этой деревне – немцы, называвшие себя швабами, жили, как в XVIII-XIX веках, сохраняя обычаи, образ жизни, одежду, веру своих предков. Это было большое очень чистое с зелеными удобными улицами селение, с большими кирпичными домами, с крепким и богатым хозяйством в каждом дворе. Румын в деревне практически не было. Мы снимали часть дома у семьи, состоящей из трёх человек: родителей и мальчика, моего ровесника. Питались мы в чистеньком деревенском трактире, где нас очень вкусно и обильно кормили за небольшую плату. Поражали аккуратность и благоустроенность во всём, в памяти ещё сохранялся облик раздолбанной и неустроенной рязанской деревни... Казалось бы, эти немцы должны нас русских ненавидеть (ведь шла ещё жесточайшая война и победа СССР над Германией уже просматривалась), но они относились к нам доброжелательно. Я подружилась с сыном наших хозяев, и они меня часто брали в поле, где я пыталась им чем-то помогать. В деревне не принято было, чтобы дети бегали по улице и, когда мальчику разрешали «бездельничать», мы с ним играли в ухоженном внутреннем дворе с множеством цветов. Он показывал мне свои учебники, разные книги, среди которых были очень старинные, учил старонемецкому языку, на котором они разговаривали. Я в ответ учила его русскому и нашим играм. Здесь я впервые так близко увидела и начала общаться с домашними животными: коровами, телятами, лошадьми. У одной из лошадей был жеребёнок, с которым мы очень любили играть, когда выезжали в поле. Играли самозабвенно часами, как со своим ровесником, отрывали нас от этих игр взрослые насильно.

Эти люди жили своим трудом очень зажиточно, имели лошадей, коров, всякую живность и принадлежащую им землю. Работали они от зари до зари, чтобы содержать в хорошем состоянии своё собственное немалое хозяйство. В воскресенье все обязательно шли в кирху¹, старинное величественное красивое здание, построенное их предками и расположенное в центре деревни. Меня несколько раз брали туда

Кирха подобная той, что была в швабской деревне весной 1944 г.

¹ Кирха – лютеранское церковное здание

с собой наши хозяева, я слушала их богослужения, с удовольствием наблюдала за женщинами в удивительных старинных нарядах: длинных юбках, красивых кофтах, белоснежных чепчиках. Эти женщины были похожи на женщин из сказок Андерсена. В кирхе на богослужениях мне было очень покойно и хорошо, я вглядывалась в лица окружающих, они все казались знакомыми и приятными, никуда не хотелось бежать или шуметь.

Румынская провинция

Через несколько месяцев из замечательного селения мы переехали в небольшой зелёный, очень симпатичный городок Орэштие, расположенный недалеко от города Дева¹. Через город протекала неширокая чистая речка, обрамлённая берегами с плакучими ивами. Водой этой речки наполнялся открытый бассейн, расположенный рядом с домом, где мы жили. Иногда я ныряла, проплывала под водой несколько метров и оказывалась в бассейне, но часто там плавать не могла, так как меня могли разоблачить, ведь проникала я туда «зайцем», без оплаты.

Я очень любила купаться, к чему меня при страстил Иосиф Людвигович еще в Одессе, тогда он научил меня неплохо плавать. В Орэштие я целыми днями плескалась в воде, цепляясь и раскачиваясь на ветвях ив, растущих по берегам реки, благо было очень тепло. Те ощущения речной воды, глядящей тело, сохранилось во мне поныне. Мы часто бродили по окрестностям, где вдоль дорог росли фруктовые и ореховые деревья, и можно было собирать их плоды. Возле городка размещались старинные действующие мельницы. Однажды, я с румынскими ребятами купалась возле одной из таких мельниц и бросилась с разбега в кипящую воду мельничного сброса. Бурлящая с огромной силой стихия затянула, завертела меня, не сумев с этим справиться, я начала тонуть. Ребята заметили это и успели подзвать какого-то взрослого румына, который вытащил меня из воды и откачал. Так я еще раз была спасена – теперь неизвестным мне румыном!

Среди этого летнего раздолья Гонсиаровские и их знакомые понемногу занимались со мной русским языком. Кроме того, я начала систематически заниматься румынским языком и уже неплохо читала на нём. Поскольку я ежедневно общалась с румынскими ребятами, болтать по-румынски начала довольно быстро.

У Марии Романовны были слабые легкие, ещё до войны она серьёзно лечилась (поддувалась). Здесь в Румынии Мария Романовна снова неважно

¹ Дева – дочь одного из богов древних даков, населявших в древности Дакию – область, занимавшую территорию части нынешней Румынии – Трансильванию.

себя почувствовала, и мы поехали в горы, Южные Карпаты. Там располагался лёгочный санаторий. Это небольшое путешествие запомнилось окружающей нас красотой лесов, гор и рек, говорили, что всё это напоминает Швейцарию. Добирались мы туда на меняющихся повозках, которые по-румынски назывались «каруцы». По дороге попадались румынские деревни, в которых поражали нищета и при этом необыкновенная весёлость народа, играющего на скрипках, танцующего и поющего. В санатории Марию Романовну осмотрели, полечили, после чего мы вернулись в Орэштие.

В этом городке я встречала советские войска, они несколько дней проходили по главной улице, шли разрозненные части на повозках, машинах, лошадях, пешком, иногда везли орудия. Солдаты выглядели совсем не героически: измученные, грязные, они страшно ругались матом. Целые дни я простаивала на этой улице и смотрела во все глаза, надеясь увидеть папу, но к солдатам не подходила и не заговаривала – боялась!

После Орэштие мы оказались в городе Дева, где пробыли неделю и жили недалеко от дома очень известного человека в Румынии – доктора Петру Гроза. Этот образованный помещик в двадцатых годах был министром румынского правительства. При фашистском режиме Антонеску¹ преследовался и сидел в тюрьме как руководитель демократической организации земледельцев. В это время его уже выпустили из тюрьмы, и он стал очень популярен среди народа, Иосиф Людвигович консультировался с ним по вопросам возможности переезда в Польшу.

В августе 1944 года мы выехали на поезде из Девы в Бухарест.

Солдаты Красной Армии в Румынии, сентябрь 1944 года.

¹ Антонеску Ион – румынский государственный и военный деятель, премьер-министр Румынии 1940 – 1944 годы.

Бухарест

Началась наша жизнь в столице Румынии – Бухаресте, мы снова снимаем комнаты. Гонсиаровские, пытаясь зарабатывать на жизнь, приспособились делать свечи для православных храмов. Почти год мы снимали комнату у русских эмигрантов, бежавших из России после революции. Мне разрешили пользоваться их прекрасной библиотекой на русском языке (по старой орфографии), и я начала читать запойно, меня никто не ограничивал. Читала все подряд от Тургенева до Шекспира. Кроме собраний сочинений отдельных писателей они сохранили подшивки дореволюционного журнала «Нива», которые я также прочитывала. Семья, у которой мы жили, состояла из пожилой пары и их дочери лет тридцати – театральной художницы. Она была очень добра ко мне: много рассказывала о театре, показывала свои макеты декораций к спектаклям, иногда брала в театр. Мне было очень хорошо у них жить.

Кроме комнаты в нашем распоряжении находился большой балкон, где я ранней весной 1945 года начала свои «ботанические эксперименты». Натаскав земли, ящиков и банок, я с большим энтузиазмом принялась выращивать растения из разных случайных семян. Погода стояла отличная, и я ухаживала за растениями самозабвенно, поэтому весь балкон вскоре превратился в заросли цветущих и плодоносящих растений! Летом хозяева попросили очистить балкон, в их квартале не разрешалось иметь такие заросшие балконы. Я вынуждена была уничтожить всё выращенное своими руками, чувства же обиды и боли не покидали меня долго. Научившись неплохо писать и читать по-румынски, в школу я всё же ходить не могла, так как мы жили в Румынии не совсем законно, ведь с августа 1944 года страна была оккупирована советскими войсками и за эмигрантами из СССР охотились, отправляя их в лагеря репатриантов...

Здесь, в Бухаресте, мне довелось услышать выступление знаменитого, очень популярного в те годы русского певца Петра Лещенко. В июне 1945 года мне исполнилось 13 лет, и Мария Романовна, вопреки всевозможным трудностям, постаралась сделать это праздником. Мне сшили очень красивое платье в сиреневых тонах, такого же цвета преподнесли букет тюльпанов и золотой кулончик с цифрой 13. Вечером повели в настоящий европейский ресторан, где танцевали полуголые женщины.

В дальнейшем из благоустроенного центрального района мы переехали на окраину Бухареста и поселились в небольшом одноэтажном домике. Здесь у меня появились румынские подружки (я уже достаточно бегло говорила по-румынски), с которыми я с удовольствием общалась. Девочки учились в женской гимназии и рассказывали мне о своих гимназических делах, это было очень интересно, ведь других контактов со сверстниками у меня тогда не было!

Они учили меня вязать, вышивать, плести различные изделия из всевозможных подручных материалов, которых тогда во время войны и сразу после неё было совсем немного. Я научилась плести косички из гофрированной цветной бумаги и делать из них симпатичные дамские сумочки. Эти «изделия» мы сдавали на продажу и их тогда покупали. Девчонкам нравилось, как я пою, и я без стеснения пела им много русских песен и романсов, особенно часто они просили петь «Очи чёрные». Мария Романовна и Иосиф Людвигович занимались со мной, но нанимать русских учителей уже не было материальных возможностей.

Получилось так, что я лучше всех в семье знала румынский язык и бегло на нём читала. После 23 августа 1944 года, когда Румыния вступила в войну на стороне союзных держав, и король Михай Первый арестовал главу военно-фашистского правительства Антонеску, в стране развернулась бурная политическая борьба различных партий за власть. Выпускалось огромное количество газет различных направлений. Гонсиаровские пытались следить за событиями, покупали много газет, и в мои обязанности входило чтение и перевод интересных статей. В результате я тоже была в курсе внутривнутриполитической борьбы Румынии 1944-1945 годов. Хорошо помню название газет, которые читала: «Романия либерэ», «Плугарий», «Скынтейя», «Универсул». После 23 августа 1944 года было подписано соглашение с СССР, по которому Румыния должна: выплатить 300 миллионов американских долларов товарами за ущерб причинённый военными действиями и оккупацией советских территорий, вернуть советских военнопленных и интернированных. Советский Союз, безусловно, поддерживал компартию Румынии, которая не являлась тогда там основной. В это время заметно возрастает влияние руководителя «Фронта земледельцев» симпатизирующего коммунистам и СССР доктора Петру Гроза. Король назначает его сначала заместителем премьер-министра, а с 6 марта 1945 года руководителем правительства. Думаю, что такое назначение беспартийного опытного популярного и грамотного политика помогло стране избежать гражданской войны.

Портрет короля Румынии
Михая Первого, 40-ые годы XX века.

Кроме политических баталий меня привлекали сообщения о жизни короля, он мне очень нравился – молодой красивый высокий человек (ему было 24 года), получивший от СССР редкий орден Победы, весь усыпанный бриллиантами. В газетах часто появлялись фотографии короля с матерью - королевой Еленой. Однажды мне довелось увидеть эту королевскую пару на улице, когда они садились в машину (было какое-то торжество). Их появление казалось сказкой: после такой страшной войны и вдруг – королевские особы в красивых одеждах проходят рядом с тобой! Такого СССР, конечно, долго терпеть не мог, и в конце 1947 года король Михай Первый отрёкся от престола и благополучно эмигрировал в Швейцарию, где спокойно дожил до преклонных лет...

13

Возвращение

Жизнь в Румынии становилась всё более напряжённой, материально сложной, работы у эмигрантов не было. Наши вездесущие карательные органы по всей стране разыскивали эмигрантов из СССР и увозили прямым ходом в лагерь, о чём, конечно, многие догадывались и старались им не попадаться. Положение Гонсиаровских становилось всё более опасным: с одной стороны нужно скрываться от советских властей, чтобы не угодить всем в лагерь, с другой стороны — нужно как-то разыскивать моих родителей, чтобы передать меня им в руки, а не в лагерь для репатриантов. Мария Романовна нашла выход. У неё в Бухаресте появился знакомый, бывший одессит – Хаймович. Он уже много лет жил в Румынии и давно получил гражданство этой страны. Он был евреем, но, несмотря на то, что до августа 1944 года страна оставалась сателлитом фашистской Германии, его не уничтожили и в Германию не отправили. Хаймович владел комиссионным магазином, и Мария Романовна через него продавала свои драгоценности, чтобы нам было на что жить. Он и его жена показались ей достаточно надёжными людьми, она не только рассказала обо мне, но и познакомила нас. Ей удалось договориться с ними, чтобы они помогли через советские органы по репатриации в Бухаресте найти моих родителей. Хаймовичи не побоялись и взялись за это нелёгкое дело, связались с представителями органов, заявив, что у них на воспитании находится девочка из СССР, и они хотят найти её родителей. Война уже закончилась, и мама через подобные московские органы встречно разыскивала меня в Румынии. Она уже побывала в Одессе, и знала, куда мы эвакуировались. Эти взаимные усилия в конце 1945 года привели к тому, что я «нашлась» и меня должны были отправить на родину. Чтобы не вывести на Гонсиаровских органы госбезопасности СССР, охотившиеся за каждым эмигрантом, решили, что я буду жить у Хаймовичей.

Поэтому последние недели перед отъездом на родину я провела у них. Они жили в центральном районе Бухареста в гарсоньере – так назывались в Румынии однокомнатные квартиры в многоэтажных домах, очень удобные и комфортабельные. В квартире Хаймовичей я в основном только ночевала, а днём бродила по Бухаресту, подгоняемая нетерпением и неизвестностью...

Хорошо помню эти тревожные дни, наполненные страхом и непониманием происходящего: никакой связи с Москвой, с родителями установить не удавалось, а с Гонсиаровскими я уже открыто видаться не могла. Мы даже подозревали, что меня хотят выманить в СССР, а родителей уже нет. Но вот Хаймовичу каким-то чудом удалось узнать служебный адрес мамы. Он сразу же повёл «атаку» на представителей Бухарестского отдела по репатриации, чтобы ему разрешили отправить частным порядком ей телеграмму. Не помню было ли получено разрешение, но хорошо помню, как обсуждалось каждое слово отправляемой телеграммы, чтобы передать нашу тревогу по поводу моей дальнейшей судьбы и дать понять, что Гонсиаровские рядом. Мы (Мария Романовна, Хаймович и я), как заговорщики, сидели в задней комнате комиссионного магазина, подбирая главные нужные слова, на столе для конспирации разложили какие-то драгоценные украшения. Поскольку телеграмма отправлялась с румынской почты в Бухаресте, её нужно было писать латинскими буквами, а для почты сделать перевод с русского на румынский язык. Все это мы благополучно проделали, и после Нового 1946 года мама получила эту телеграмму, которая переполошила весь наркомат, где она в то время работала.

«Наркомцветмет ГУУЗ Копытман

Татьяне Иосифовне Москва

Неблагоприятная погода лететь невозможно сделайте всё возможное прилетайте лично или чтобы я смог привезти Викторю к вам тчк. Хотелось бы объяснить и рассказать взяли ребёнка а отдаем барышню Викторя целует всех Хаймович».

1.1530	ВОЛКОВА	БУЗ	Пор. №	Пер. №	Сл. №
В БУЗ 731 37/36 30 1945	НАРКОМЦВЕТМЕТ ГУУЗ КОПЫТМАН ТАТИАНА ИОСИФОВНА МОСКВА				
<p>NEBLAGOPRIATNAIA POGODA LETETI NEVOZMOYNO SVEDELAITE VSEGO VOZMOYNOE. PRIBNAITE LICHNO ILI ONTOV IA SMOG PRIVEZTI VIKTORIU KVAM STOP OCHOTELASBI OBIASNIT I RASKAZATI VZIALI REBIONKA A OTDAIOM BARISHNIU VIKTORIA CELUET VSECH - ONAIMOVIH +</p>					

Телеграмма
Хаймовича
из Бухареста
от 30.12.1945 года.

Представители по делам репатриации южной группы войск в Бухаресте, конечно, не допустили, чтобы меня кто-то сопровождал и сообщили, что сами переправят самолётом с нарочным. Никакой гражданской авиации между Румынией и СССР тогда не было, летали только военные самолёты. С Гонсиаровскими я виделась в эти дни тайком, мы боялись слежки. Я много гуляла по Бухаресту, и мы каждый день назначали разные места встреч, чтобы нас не засекли. Когда будет отправка в Союз, мы не знали, и каждый раз прощались. Все находились в нервно-тревожном ожидании, взрослые боялись, что меня отправят в фильтрационный лагерь репатриантов, откуда многие попадали в лагеря ГУЛАГа НКВД. Я тоже боялась, ведь я с малых лет хорошо знала, что такое наши «замечательные» лагеря и как легко туда попасть. Мне было грустно и страшно расставаться с Гонсиаровскими, казалось, что мы уже никогда не увидимся. Но мы встретились через десять лет.

Вид Крещатика, Киев, 1943 год.

После ожидания погоды и самолёта меня отправили из Бухареста 10 января 1946 года с сопровождающим офицером. Летели мы на военном самолёте «Дуглас», который не отапливался. Холодные железные скамейки тянулись вдоль самолёта, на них сидели несколько хмурых неприветливых офицеров. Мне было холодно, неуютно, тревожно, но я старалась держаться и не показывать своего страха. Долетели до Киева, там была остановка и, хотя в Одессе я насмотрелась на руины домов, но совершенно разбитый Крещ-

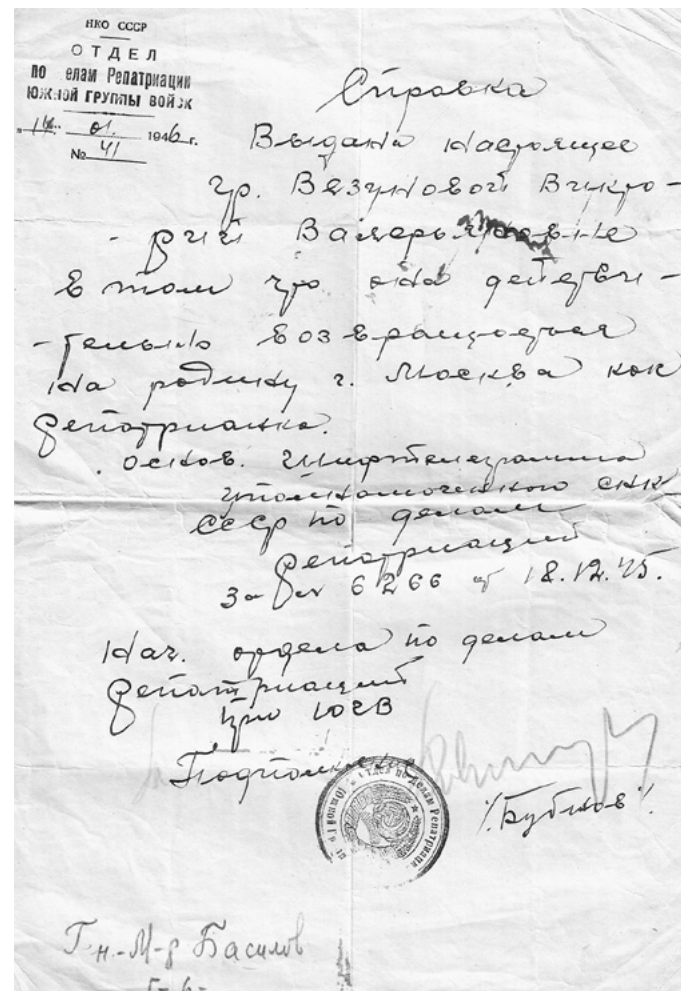

тик (главная улица города) потряс. Мы ночевали в каком-то частном доме, офицер вечером напился, угрожая хозяевам пистолетом уверял, что он меня охраняет. Я дрожала от страха всю ночь, не зная, что меня ждёт и чем это всё закончится! На следующий день офицер протрезвел, но я все равно очень волновалась, пока мы ждали вылета.

В Москву прилетели на аэродром «Внуково» морозным солнечным днём. Из самолёта пешком с сопровождавшим меня офицером прошли до аэровокзала, внутри которого почти не было людей. Встретил нас уже другой офицер, который меня «принял», но где мои родители, ответить не мог. При этом сообщил, что необходимо кого-то ждать, и началось мучительное ожидание, которое продолжалось более трёх часов. За это время я чего только не передумала: «почему меня не встречают родители?», «кого мы ждём?», «куда меня отправят с аэродрома и что будет дальше?». Эти первые часы гнетущей неизвестности, ничего хорошего не предвещавшие на родине, были самыми жуткими в моей жизни. Я металась по тогда ещё очень небольшому помещению аэровокзала, встретивший офицер бегал за мной и не мог толково объяснить, что происходит. Как потом выяснилось, ждали подполковника Бубнова и генерала Басилова, которые занимались моим делом и хотели лично меня встретить, но их задержало более высокое начальство. Закончилось это мучительное ожидание тем, что меня без каких-либо объяснений посадили в легковую машину и повезли. Мы продвигались по уже тёмным вечерним неизвестным мне дорогам и улицам, но когда въехали на достаточно освещённую улицу – я поняла, что это улица Горького и начала что-то узнавать вокруг. Машина остановилась возле тёмного подъезда высокого дома, офицер открыл дверь, я вошла внутрь и сразу, по запаху, вспомнила и поняла, что мы идем в квартиру моего дяди. Возле подъезда стоял какой-то большой мальчик, он молча поднимался по лестнице вместе с нами. Я шла уверенно до шестого этажа и нажала нужный звонок. Сразу выскочила мама, бросилась ко мне, мы зашли в квартиру, мальчик, сопровождавший нас от входа в подъезд, оказался моим выросшим братом Жеккой. «Где же папа?», – закричала я, и тут мама сказала, что он погиб ещё в 1941 году, мы рыдали долго, ни я, ни мама не могли прийти в себя. Офицер, который меня привёз, сказал какие-то слова и сразу исчез. Мы допоздна сидели и говорили, говорили и плакали, и смеялись. Так прошёл мой первый день на родине и радостный, и скорбный...

Мама очень боялась, что меня посадят в лагерь и попросила у подполковника Бубнова справку, подтверждающую, что я действительно репатриантка. Этот единственный документ, разъяснявший, откуда я взялась. По представлениям мамы он был способен защитить нас от вероятного преследования органами НКВД за пребывание за границей и на оккупированной территории.

Никаких других документов, подтверждавших моё существование с июня 1941 года по январь 1946 года, у нас не было. Мы с мамой на всю жизнь сохранили чувство благодарности офицерам из южной группы войск, наркомата обороны СССР, подполковнику Бубнову и генералу Басилову, которые помогли без лишних хлопот переправить меня из Румынии, доставить к маме, а не в лагерь репатриантов.

Справка, выданная отделом по делам репатриаций В. Вязуновой.

14

Жизнь семьи без меня

В предыдущих главах я рассказала о своей жизни с момента расставания с мамой 19 июня 1941 года в Одессе до возвращения в Москву в январе 1946 года. А как жила семья эти годы? Как разыскивали меня?

Маму известие о начале войны застало в море на подходе к городу Сочи, пассажиров какое-то время продержали на корабле, но потом всё же выпустили на берег. Ни о каком отдыхе уже и речи не могло быть. Она направляла все свои усилия на то, чтобы выехать в Москву и чтобы меня переправили из Одессы туда же, ежедневно отправляя телеграммы-распоряжения в Артек и Соболям. Через какое-то время ей удалось выбраться из Сочи и с большими трудностями доехать до Москвы. Здесь ещё находились её брат и сестра, но связаться с Одессой и Мончегорском уже не удавалось. Проезд в эти города, по условиям военного времени, естественно был запрещён. Ответов на свои телеграммы она не получала. Тогда она, со свойственной ей настойчивостью, начала розыск по Москве, через знакомых, родных, наркоматы. Эвакуирован ли Украинский Артек, никто не знал. Между тем из правительственных сообщений и неофициальных слухов становилось ясно, что Одессе грозит окружение вражескими войсками. На фронтах положение было ужасным – кругом катастрофические отступления наших войск. Добыть какие-либо официальные сведения о судьбах детей из Украинского Артека и работниках Мончегорского комбината в те времена страшной подозрительности и шпиономании было практически невозможно. Маме через знакомых и от кого-то в наркомате удалось неосуществимое: она узнала, в каком направлении эвакуировался Мончегорский комбинат – в Красноярск! Но эвакуированы ли туда папа с Жекой, где я, по-прежнему оставалось неизвестно.

Сохранившиеся квитанции телеграмм отправленных Копытман Т.И. в 1941-42 годах.

Брат мамы еще с довоенного времени работал в московском комитете партии ВКП(б). Он помог маме выехать из Москвы и продвигаться в сторону Красноярска, что тогда было невозможно без особых разрешений и пропусков. Дядя с семьёй эвакуировался в город Молотов (он был инвалид, без одной ноги, которую потерял ещё мальчишкой в двадцатые годы во время гражданской войны, поэтому призвать на фронт его не могли).

Началось непростое путешествие мамы из Москвы в сторону Красноярска, которое длилось более двадцати дней, с бесконечными пересадками, остановками, с полным отсутствием какой-либо достоверной информации и еды. Трудно представить, что пережила молодая женщина, потерявшая в одночасье детей, мужа, пересекая полстраны в условиях страшной войны и полной неизвестности. Наверное, закалка и горький опыт 1938-39 годов помогли ей ни на минуту не прекращать поиск. На каждой остановке, где только при-

нимали телеграммы, мама отправляла их в Одессу и в Москву, надеясь найти какой-то след своих детей. Помог «его величество случай». В Перми (тогда – г. Молотов) она, обходя детские комнаты вокзала и просматривая записи в журналах, нашла запись какой-то добросовестной служащей о том, что там купали Евгения Вязунова трёх лет, купал отец – Вязунов В.Т.! Это уже был указующий перст судьбы – она двигается в правильном направлении!

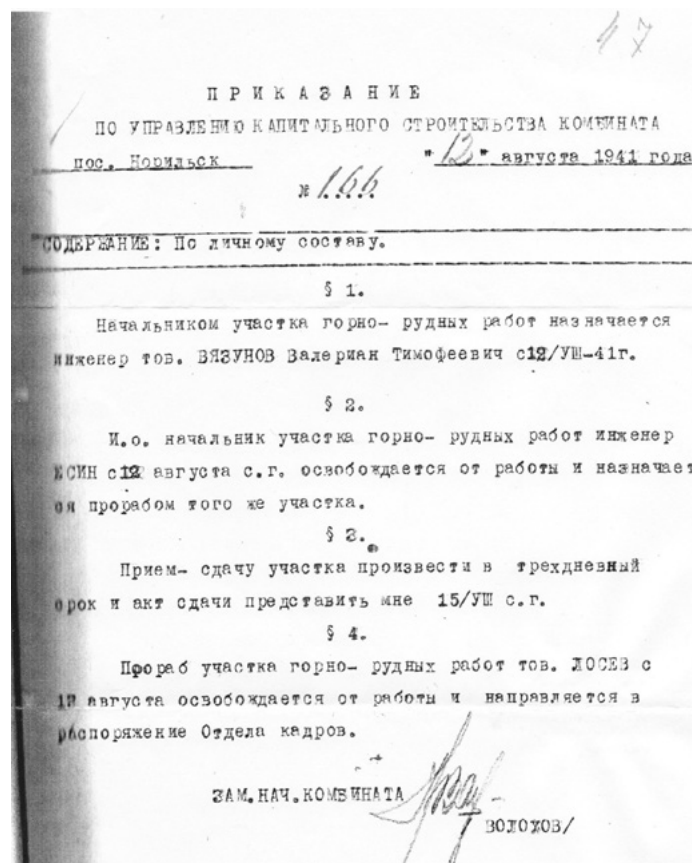
События в Мончегорске после начала войны развивались следующим образом: всех инженерно-технических работников сразу привлекли к подготовке эвакуации – ведь город находился рядом с финской границей. Дома с Жекой оставалась домработница Шура, папа уже находился на военном положении. Он появился за несколько часов до отъезда из Мончегорска в эвакуацию, сказал, чтобы Шура собрала необходимые вещи. Времени на сборы не оставалось, она побросала в чемоданы, что попало под руку, с тем и уехали... (Шура у нас была к этому времени совсем недолго – несколько месяцев). Практически ничего ценного и нужного для дальнейшей жизни они не взяли. Всех погрузили в теплушки (закрытые товарные вагоны), и они поехали. Папу назначили заместителем руководителя эшелона, а руководителем был В.И. Полтава. К счастью, в одной с ними теплушке ехала семья Зенгер, которую Жека хорошо знал. Когда я в Мончегорске играла с их девочками, он почти всегда был с нами, хорошо знал Сусанну и называл её «тётя Сузя», хотя она была всего на год старше меня. С Жекой неотлучно находилась Шура и, несмотря на это, малыш гонялся за папой. Когда папа покидал вагон, Жека устраивал страшный рёв, что, конечно, естественно: ведь ему было всего три года, да и обстановка не располагала к спокойствию! Нужно отметить, что эвакуация Мончегорского комбината проходила удивительно организованно, что было редкостью для того страшного времени, об этом толково написал Важнов М.Я. в своей книге «Эвакуация» (издано в 2006 году, Москва, студия «Полярная звезда»).

Когда железнодорожный состав с эвакуированными людьми прибыл в Красноярск, часть из них, в том числе папу с Жекой и Шурой, разместили в какой-то школе в ожидании погрузки на пароход. Стало очевидно, что всех отправят в Норильск, где силами того же ГУЛАГа строился комбинат цветной металлургии подобный мончегорскому.

Между тем мама также добралась до Красноярска, и здесь снова начались интенсивные поиски семьи. Город заполнило огромное количество эвакуированных людей, и кто, где расположился, официально выяснить было нереально. Мама обходила рынки, магазины, разные учреждения, и, наконец, где-то услышала, что эвакуированных размещают в школах города. Начались обходы красноярских школ, и в одной из них она увидела Жеку, папу и Шуру. Папа предполагал, что я с мамой, а мама надеялась, что меня отправили к папе.

Встретившись, они окончательно поняли, что я потерялась, и это страшно омрачило радость встречи. Жека за время отсутствия мамы и непростого путешествия забыл её и первые дни совершенно не «признавал».

В начале августа они поплыли на пароходе «Спартак» по Енисею в сторону Дудинки. Всё в этом путешествии было хорошо: война где-то далеко, могучая река с великолепными берегами, никаких затемнений, бомбардировок, вокруг знакомые приятные люди. Наслаждаться этим мои родители не могли, так как по-прежнему было неизвестно, где находится их ребёнок, да и жив ли? Думаю, у папы уже здесь появились мысли об уходе на фронт, да и мама (по словам Г.В. Зенгер) его к этому подталкивала.

Приказ по управлению капитального строительства Норильского комбината от 13 августа 1941 года о назначении Вязунова Валериана Тимофеевича начальником стройучастка горнорудных предприятий с12/VIII-41 г.

В Норильске их сразу разместили в какой-то комнате в новой части посёлка (Соцгороде) вдалеке от промплощадки и управления комбината. По законам военного времени, они сразу приступили к работе: мама в отделе подготовки кадров (как и в Мончегорске), папа был назначен начальником стройучастка горнорудных предприятий. Все инженерно-технические работники комбината имели «бронь», т.е. освобождение от мобилизации в действующую армию, так как строящийся Норильский комбинат считался крайне важным объектом для военного комплекса страны. Он должен был в сжатые сроки начать выпуск никеля необходимого для производства танков, самолётов и оружия.

Через несколько дней после назначения папа получил повестку, в которой ему предписывалось немедленно явиться в Дудинку для отправки на фронт. Причём прибыть нужно было на нулевой пикет Норильска в течение ближайших часов, откуда всех мобилизованных безотлагательно переправляли в Дудинку. Папа никому из начальства не доложил об этом, а сразу побежал «домой», где быстро собрал необходимые вещи и поспешил к месту отправки. Мама в это время находилась на работе и ничего об этом не знала, ведь нормальной связи между подразделениями комбината тогда не было, а тем более телефона дома. Жека сидел дома с Шурой (в детский сад его ещё не приняли) и по-прежнему гонялся за папой и, когда папа в последний раз уходил из дома, Жека устроил большой рёв, бежал за ним, не отпускал. Уход отца на фронт остался в его памяти на всю жизнь, хотя ему было всего 3 года и неполных 4 месяца!

Мама узнала обо всем только в конце дня, когда поезд с мобилизованными уже ушёл в Дудинку. В это страшное военное время просто отпроситься у начальства и поехать в Дудинку не представлялось возможным. Тогда все находились на военном положении, а опоздание или уход с работы грозили судом и отправкой в лагерь на годы.

К маме на работе относились хорошо, и на следующий день ей помогли: официально оформили командировку в Дудинку, куда она и помчалась с первым попутным поездом. Там маме удалось провести пару часов с папой на берегу Енисея. Они сидели на бревне, папа заплакал и сказал, что, наверное, не вернётся (а ведь он был очень мужественным и закалённым человеком после пережитых ужасов 37-39 годов).

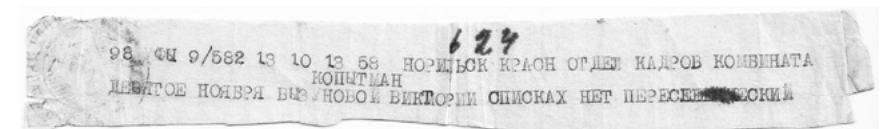
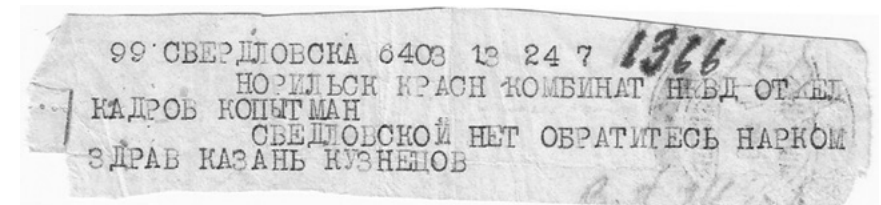
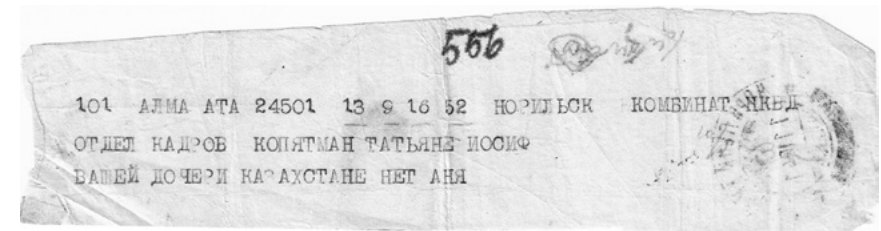
К сожалению, о последнем месяце жизни папы мы ничего не знаем, кроме нескольких грустных открыток, отправленных по пути к Москве, последняя была из Муромы... Ещё есть письмо из Канска, привезённое незнакомым человеком, где их якобы «обучали» военному делу дней десять. Думаю, что он даже не успел прикоснуться к оружию, в это горькое время наступления немцев под Москвой в сентябре-октябре 1941 года, время неразберихи и гигантских потерь Красной армии. Возможно, их уничтожили ещё в эшелоне во время жутких непрерывных бомбёжек.

Всю жизнь меня мучает вопрос: «Почему папа даже не пытался воспользоваться своим правом на бронь?». Думаю, что было несколько причин толкнувших его на этот сознательный шаг:

1. Несмотря на все страшные испытания, которые ему пришлось перенести, он любил Родину и считал своим долгом защитить её.
2. Хотел доказать, что все обвинения, предъявленные ему в 1937 году - ложь.
3. Не мог оставаться в тылу, когда из-за войны пропал его ребёнок.

Как потом узнала мама, почти все мончегорские инженерно-технические работники (ИТР), прибывшие с ним вместе в Норильск, получили такие повестки, но никто не пошёл на пункт сбора, а все сразу обратились к начальству: «Что делать?». Руководство комбината отрегулировало эту ситуацию: до конца войны никто из ИТР комбината не был мобилизован в армию!

Для мамы наступили дни полные тоски и мучительных раздумий. Она ни на день не прекращает разыскивать меня, направляя запросы во все известные ей адреса. Даже по сохранившейся небольшой части этой переписки видно, что география её – весь Советский Союз. К поиску привлекались все знакомые и их родственники, разбросанные войной по всей стране, копии части сохранившихся ответов на запросы мамы приведены ниже.

225 3/8 3084
77 КРАСНОДАРА 22302 19 23 20 14 = НЕПОЛУЧ ВТОР
КРАСН КРАИ НОРИЛЬСК КРАСН КОМБИНАТ НКВД
КОПЫТМАН ТАТЬЯНЕ
ВСЕ САНАТОРИИ ОДЕССЫ ЭВАКУИРОВАНЫ КАРАЧЕВСКАЯ
ОБЛАСТЬ КУРОРТ ТЕБЕРДА КУДА ОБРАТИТЕСЬ
НИКОЛЬСКИЙ

Гор. Красноярск.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПОРИЛЬСТРОЯ
ПОРИЛЬСКИИ КОМБИНАТ НКВД КОПЫТМАН Т.И.
Розыскиваемая Вами дочь ВЯЗУНОВА-КОПЫТМАН
Виктория Валерьяновна, 1922 г. рождения, ровненском по
Хизмат са отайберак СССР не обнаружена.
Объявлен всеосенний розыск, результат которо-
ого я по сообщим немедленно.
Службы и Б/Податей
1943.
№ 21248
Ш. Комитет-С. Ташкент

08 АЛМАТА 6542 21 10 13 17 588
НОРИЛЬСК КРАСН ОТДЕЛ КАДРОВ КОМБИНАТА НКВД КОПЫТ-
МАН ТАТЬЯНА ОДЕССА УКРАИНА АЛМАТА АЛМАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ
НЕТ РОЗНОК ПРОДОЛЖАЕМ РЕЗУЛЬТАТАХ СООБЩИМ ДОПОЛНИТЕЛЬНО
РОМАНОВ

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАЗ ССР
УПРАВЛЕНИЕ МИЛИЦИИ
" 15 " декабря 1942 года № 1561929 г.р. Алма-Ата
ГОР. НОРИЛЬСК, КРАСНОЯРСКИЙ КРАИ КОМБИНАТ НКВД -
КОПЫТМАН ТАТЬЯНЕ.
На Ваше заявление сообщаем, что по адресно-справочному
детскому столу КОСР, разыскиваемая Вами девочка ВЯЗУНОВА -КОПЫТ-
МАН Виктория, не числится.
Местонахождение Одесского санатория Укр. Артека "ЛУЗАНОВКА"
не установлено.
Дальнейший розыск Виктории предлажастся.
Н.О. НАЧАЛЬНИКА ОЗВ УПРАВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ
НКВД КАЗ ССР-ЛЕИТЕНАНТ МИЛИЦИИ
(ПАРЕНОВ)
ИНСПЕКТОР ОЗВ УПРАВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ НКВД
КАЗ ССР - СЕРГАНТ МИЛИЦИИ
(МАЛИКОВА)

247
ТАРИФИКАЦИЯ ТЕЛЕГРАММА
руб. коп. из 55 НАСАНИ 12996
Приним. 14 с. 1 до 5 ч. м. Перелаз
СЛУЖЕБНЫЕ ОТМЕТКИ
НОРИЛЬСК КРАСН КОМБИНАТ НКВД ОТДЕЛ КАДРОВ КОПЫТМАН
МЕСТО УКРАИНСКОГО АРТЕКА НЕИЗВЕСТНО ОПРАВЬТЕСЬ НАРКОМЗДРАВ
УКРАИНА САРАТОВ РАБОЧАЯ 22 № 6 ШКОЛЬНИКОВ

448
09 КИРОВА ОБИ 73 13 17 10 15 = НОРИЛЬСК КРАСН КОПЫТМАН ВОСТРЕБОВА
МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ УКРАИНСКОГО АРТЕКА НАМ НЕИЗВЕСТНО БУДЕТ ОБЪЯВЛЕН РОЗЫСК
РЕЗУЛЬТАТАХ СООБЩИМ КАРМАНОВ

Украинский РСР Украинская ССР
Министерство Внутренних Дел Министерство Внутренних Дел
ОСВ И ОСВ И
" 1942 " " 1942 г.
№ 117 № 117
Уважаемая тов.
Копытман!
Розыск вашей
девочки, пока не
успешен. Успешно
займусь. Думаю что
общими силами найдём
ваши. Крайне в это
верю. Буду вас
в списке. Размещу ваших детей.
Крайне не могу вам
начальник управлений
детскими делами НКВД ЧССР
(Ш. Горюнов)

Удивительно душевный ответ чиновника Наркомата
просвещения Украины, 1944 год.

После последней открытки из Муромы никаких известий о папе мама не получала. С 1942 года она пытается выяснить его судьбу, и только в 1944 году уже в Москве ей присылают чисто формальную бумажку, в которой сказано, что Вязунов Валериан Тимофеевич пропал без вести в декабре 1941 года, конечно, без указания, где и при каких обстоятельствах...

Мама продолжает работать в отделе подготовки кадров управления комбината, работы много и она интересная: по заданию руководства она организует курсы подготовки рабочих и мастеров различных специальностей. Комбинат бурно строится, появляются новые заводы, шахты, рудники, объекты энергетики, где требуются высококвалифицированные рабочие и мастера, овладевшие новыми профессиями. Учащихся и преподавателей для этих курсов отбирают среди заключённых. Основные работники комбината в то время, и до самой смерти Сталина – это заключённые, состав которых пополняется даже во время войны. Так у мамы появляется возможность помочь заключённым – «вытащить» грамотных людей с общих работ на морозе, где совершенно варварские условия труда. У мамы образуется обширный круг знакомств с наиболее просвещённой частью заключённых и вольнонаёмных инженеров, работающих в комбинате.

Чтобы жить поближе к работе и детскому садику, куда был определён Жека, маме удается получить небольшую комнату в бараке. Барак – это одноэтажный дом, поднятый над землей из-за вечной мерзлоты. Внутри, когда заходишь с улицы – попадаешь в длинный коридор, по обе стороны которого располагаются небольшие комнаты. Удобств, естественно, никаких нет, в комнате жили одна, а иногда и две семьи, пищу готовили каждый в своей комнате. В то время в этом бараке разместили многих вольнонаёмных специалистов, в дальнейшем ставших успешными руководителями подразделений комбината.

Военные годы в Норильске для большинства вольнонаёмных людей оказались сносными: снабжение продуктами и одеждой вполне достаточное, фронт далеко, в лагеря сажали редко. Но для мамы наступили мучительные годы: тягостные мысли обо мне и о папе ни на минуту не оставляли её. Будучи человеком необыкновенно добрым и общительным, она обрела новых друзей, кроме тех, которые приехали из Мончегорска. Центром общения и развлечений тогда стал Дом инженерно-технических работников (ДИТР), мама от жесточайшей тоски и безысходности часто после работы спасалась там вместе с Жекой. В ДИТРе бывали концерты, демонстрировались фильмы, работали библиотека и столовая. В библиотеке тогда «царил» заключённый Алексей Николаевич Гарри писатель, журналист, полиглот, остроумный и интересный человек. Мама иногда проводила время в библиотеке, слушая «байки» о разных его авантюрных приключениях, случалось, оставляла с ним Жеку. Вот что писали после 1956 года о писателе Алексее Николаевиче Гарри:

Книга А.Н. Гарри
1903-1960 гг.,
которую я подарила маме
в 1969 году.

НОРИЛЬСК В ТВОРЧЕСТВЕ А. ГАРРИ

Три темы являются ведущими в творчестве Алексея Николаевича Гарри: гражданская война, участником которой он был в юности, советская наука и промышленное строительство на крайнем севере. Все эти темы в той или иной мере связаны с жизненным путем Алексея Гарри.

Жека и мама,
Норильск 1942 год.

Жека рос, ходил в садик, абсолютно не терпел обид ни от кого, сразу расправлялся, невзирая на ранги. Однажды он серьёзно поколотил сына крупного энергетического начальника Бизяева. На вид же был просто ангельский ребенок – кудри, ясные светящиеся глаза. Мамины приятельницы и приятели все его любили и при случае баловали, как могли. Михаил Фёдорович Ерёмченко катал верхом на своей рабочей лошади, которая возила его на работу и по объектам энергетики.

Насколько безоглядно добрым человеком была мама, подтверждает такое событие. Однажды в коридорах управления комбината она увидела рыдающую молодую женщину, подошла к ней стала успокаивать, расспрашивать. Выяснилось, что она как-то незаконно пробралась в Норильск, кажется, из Игарки, муж её погиб на фронте, у неё на руках сын (такого же возраста как Жека) и няня – «бабинька», ни денег, ни жилья, нет, а в отделе кадров в предоставлении жилья ей отказывают. Няня с сыном остались в Дудинке... Мама согласилась поселить её в своей комнате, что позволило привезти их в Норильск. В этой комнатухе они теперь уже впятером прожили до отъезда мамы в 1944 году в Москву. Звали эту женщину Катя, мама ввела её в круг своих знакомых, и, как могла, помогала. В дальнейшем Катя познакомилась с тогда ещё заключённым врачом – Баевым, ставшим её мужем, а затем, после 1956 года, в новые уже времена, академиком и директором научно-исследовательского института. Этот случай – пример маминой доброты и чёрной неблагодарности её подопечной. Мама с Жекой, уезжая в Москву, естественно, комнату оставила Кате и просила переслать несколько вещей, дорогих маме как память, с летчиками. Эта женщина не только не выполнила эту просьбу, но в дальнейшем в шести-

десятые годы в Москве, будучи уже женой высокопоставленного человека, не сочла возможным встретиться с мамой, хотя они жили рядом.

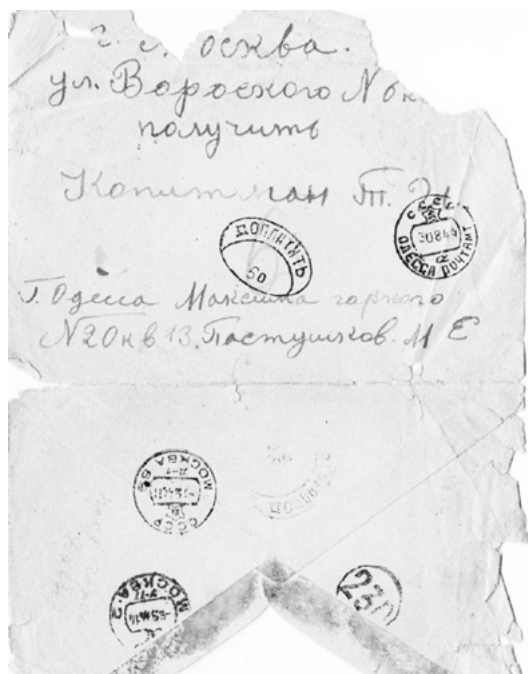
Ни скромное материальное положение, ни отсутствие необходимых для жизни вещей, оставленных в Мончегорске, не остановили маму от исполнения долга в её понимании. Мама сочла своим долгом отдать во время войны в «фонд обороны» все облигации, которые были в семье (по этим облигациям государство обещало в дальнейшем вернуть хоть какие-то деньги).

Хочу ещё подчеркнуть, что мама была очень цельным и верным человеком, она всю жизнь (до своих последних дней) любила папу. А ведь она осталась вдовой, будучи молодой и очень привлекательной женщиной. И во время войны в Норильске и после войны в Москве, конечно, за ней ухаживали очень достойные люди, но она не могла себя заставить быть с другим мужчиной. Мама с Жекой прожили в Норильске более двух лет, но всё это время она рвалась в Москву, надеясь оттуда быстрее найти меня и папу. В начале 1944 года она предпринимала все возможные и невозможные усилия, чтобы перевестись в Москву. Возвращение в столицу всё ещё оставалось нереальной задачей для специалиста её уровня в условиях военного времени. По законам того времени не только уволиться и уехать, но даже оставить рабочее место на несколько часов без риска оказаться в лагере на годы было невозможно. Не знаю, кто помог маме, но кто-то из высокопоставленных начальников оказался очень человечным, и маме удалось получить разрешение на увольнение. Проехать во время войны по территории СССР без специального пропуска было невозможно. Думаю, с пропуском помог дядя Яша, заинтересованный в том, чтобы мама быстрее вернулась в Москву и начала хлопоты по освобождению его квартиры. Трёхкомнатную квартиру на улице Горького принадлежавшую его семье, во время войны заняли неизвестные люди.

Добраться из Норильска в Москву весной 1944 года, когда ещё не закончилась война, оказалось трудно. До Красноярска долетели самолетом. Гражданская авиация в тех местах тогда ещё не летала, но комбинат имел несколько своих небольших самолётов. В Красноярске попасть на поезд, идущий в Москву, являлось делом весьма непростым, хотя все необходимые для проезда документы мама имела. Мама с Жекой провели в Красноярске почти месяц, отмечаясь в бесконечных очередях, хорошо хоть у них имелось место в гостинице Норильского комбината. Мама рвалась в Москву, так как Одессу уже освободили, и она надеялась найти мои следы. Погрузка в вагоны была тогда делом нелёгким: ночью в полной темноте и без платформ. К лету 1944 года мама с Жекой добрались до Москвы, разместились у маминой сестры – тёти Мани, в маленькой комнатке на Арбатской площади. Своё жильё в Москве мы потеряли ещё в 1939 году, квартира дяди Яши оказалась занятой.

И снова, в который раз, мама начинает жизнь заново, без квартиры, без необходимых материальных средств, без мужа и дочери, судьба которых вообще неизвестна. Не знаю, откуда мама черпала силы, но у неё хватило энергии на новую битву за нормальную жизнь. Она вновь преодолевает большие трудности: устройства на работу, размещения Жеки в детский сад, освобождения квартиры брата. При этом не прекращает ни на день поиски меня и папы. Несколько месяцев пришлось жить вчетвером в крохотной комнате, в которую частенько наведывались крысы. Жека болел, и его оставляли одного дома (ему тогда было около 6 лет). Мой двоюродный брат Лёня, в то время – очень озорной и непослушный подросток, когда на него оставляли Жеку, не слишком озадачивался присмотром за ним. Он часто придумывал «развлечения»: как-то уговорил ребёнка съесть большой кусок каменной соли... на спор со своими друзьями! Ребёнок съел и потом долго мучился. Отец Лёни – Марк Бирман к тому времени уже погиб на фронте.

Через несколько месяцев маме удалось добиться освобождения одной комнаты в квартире на улице Горького, куда они и переехали. Жека был определен в детский садик возле Тишинского рынка. Официальные запросы по розыску

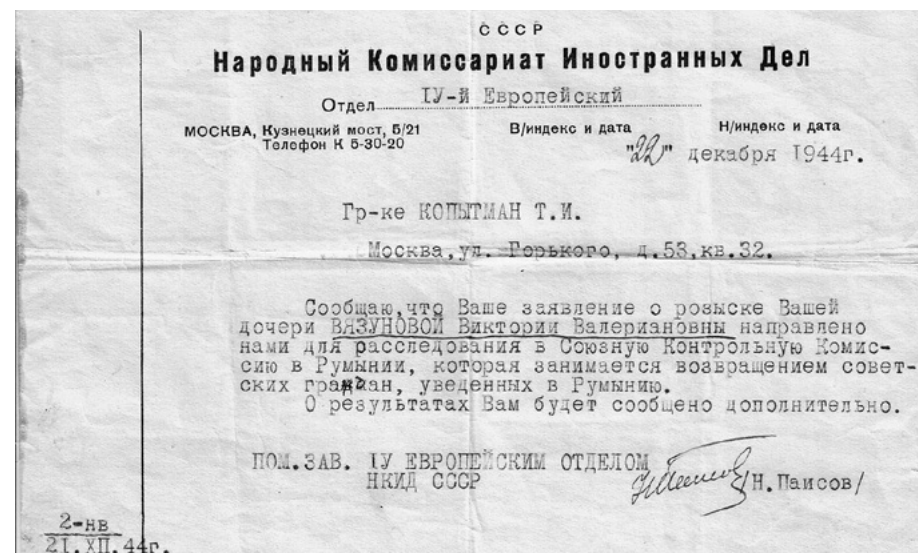

Первое письмо (конверт) от Пастушковых из Одессы.

меня не давали никаких результатов. Мама подключила к поискам всех знакомых, в том числе и свою ещё довоенную московскую знакомую Л.И. Финкельштейн¹, которой вскоре после освобождения Одессы удалось там побывать и собрать кое-какие сведения обо мне. Мама начала активную переписку и по добытым Любовью Ионовной адресам. И уже в сентябре 1944 года получила первые сведения о моей жизни в Одессе от тех, кто общался со мной в 1941-1944 годах, и от официальных одесских организаций.

Проработав несколько месяцев в энергетическом наркомате, с декабря 1944 года мама начала работать в наркомате цветной металлургии в управлении, которое занималось учебными заведениями наркомата. Думаю, что её приняли туда по рекомендации кого-то из норильских металлургов, знавших маму по работе.

Жизнь в Москве была нелёгкой и довольно голодной, но мама вновь начинает обустриваться в освобождённой комнате на улице Горького. Мама всегда работала много и самоотверженно, и к лету 1945 года руководство главка относилось к ней уже настолько сочувственно и доброжелательно, что отправило в командировку в Одессу, оформив соответствующие военному времени пропуска и документы.

Ответ наркомата иностранных дел о розыске В. Вязуновой.

¹ Любовь Ионовна Финкельштейн впоследствии стала нашей родственницей. В 70-е годы моя дочь вышла замуж за ее сына. В 1944 году она пробиравась в Одессу, чтобы отыскать своих родителей, попавших под оккупацию осенью 1941 года. Любовь Ионовна нашла мать, которую спасли добрые люди, продержав её почти 2,5 года в шкафу, но отец её погиб в первые дни войны.

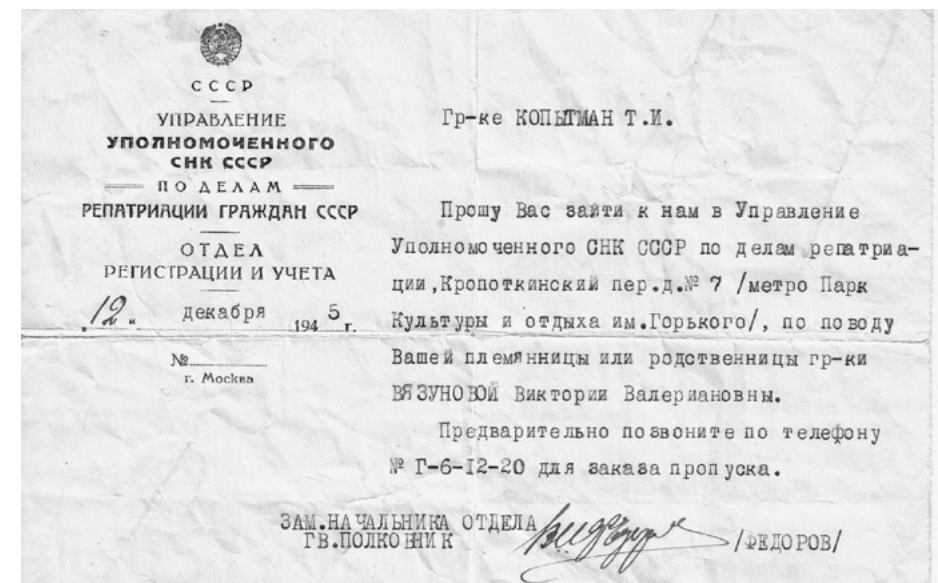
Пробыв в Одессе несколько дней, мама собрала исчерпывающие сведения о моём пребывании там, обойдя всех, кто мог меня видеть до весны 1944 года. Ей передали моё письмо и фотографию, которые Мария Романовна предусмотрительно оставила у разных знакомых в надежде, что родители, если они остались живы, будут меня разыскивать. Кроме того, маме удалось уговорить некоторых соседей и знакомых Марии Романовны сообщать новые сведения о Гонсиаровских, если им станет что-то известно. Одна из соседок сообщила, что кто-то из вернувшихся из Румынии видел там Гонсиаровских и меня. Таким образом, круг поисков сузился.

Вернувшись в Москву, мама продолжила благоустраивать жизнь в освобождённой комнате на улице Горького и хлопотать об освобождении всей квартиры. В выходные дни ездила к Жеке, который с детским садиком находился за городом. Там было очень голодно. Дети на прогулках в лесу и в поле ели всё подряд: траву, колоски, выкапывали недозревшую картошку. Брат запомнил на всю жизнь, какое это было пиршество, когда мама привозила ему какие-то фрукты. Семилетний ребёнок настолько изголодался, что однажды съел за один присест огромную сковородку макарон по-флотски, оставленных мамой на несколько дней, когда её в очередной раз отправили в какую-то командировку. В остальном Жека был обыкновенным военным ребёнком: озорным, но уже достаточно приспособленным для той непростой жизни. В один из дней он засунул себе в ухо гайку, которую, к счастью, удалось вовремя вытащить. В другой раз, он утром опоздал в садик, воспитательница пригрозила, что не возьмёт его в группу (мама уже, конечно, умчалась на работу), тогда он развернулся и ушёл из садика и полдня гулял возле зоопарка...

После того, как мама поняла, что меня нужно искать в Румынии, полностью оккупированной Красной Армией, она удесатерила свои силы по розыску. Писала во все возможные инстанции, прорывалась на приёмы к высокопоставленным военным чиновникам, занимавшимся репатриацией бывших советских людей из-за границы. Особенно тяжело было попасть на приём к таким деятелям, ведь она ежедневно работала с утра до вечера. Только благодаря человечности и порядочности её непосредственного начальника, ей это иногда удавалось. Думаю, её настойчивость и планомерная последовательность в поисках своего ребёнка не остались незамеченными в кругу этих чиновников из военных ведомств. На одном из таких приёмов мама столкнулась с совершеннейшим хамством и жлобством генерала: принимая её, вдову пропавшего без вести на войне солдата и мать, потерявшую на этой войне ребёнка, он позволил себе разговаривать с ней в снисходительно-игривом тоне, в этот момент его брил парикмахер. Думаю, она была на пределе своих сил и от возмущения позабыла всякий страх, сказав ему всё, что думала по поводу его поведения.

Дома, придя в себя, решилась на очень опасный шаг – написала письмо Сталину, описав все злоключения семьи, связанные с войной и пожаловалась на органы, которые не принимают достаточных мер по розыску её дочери. Наверное, это была точка невозврата, предел её сил и терпения.

Наступила осень 1945 года, через некоторое время её вызвали в отдел по репатриации и начали вести вполне вменяемые разговоры. Мама поняла, что её письмо сработало, очевидно, пришлось в эту организацию с какой-то не очень приятной для них резолюцией секретариата Сталина. Хамоватый генерал куда-то исчез, её делом начали заниматься вполне осмысленные люди. Причём они думали, что у неё где-то наверху имеется мощная «рука». Наряду с этими тяжёлыми делами нужно было подготовить к школе Жеку, то есть одеть его для школы, что для мамы было делом нелёгким и в материальном, и в организационном смысле. Всё это она сумела преодолеть. Жека учился хорошо, самостоятельно ходил в школу. Но вскоре его уже хотели исключить: он в классе на спор написал в чернильницу, кроме того, как и раньше, мальчик не терпел обид – в драке сломал ногу. Всё это не давало маме расслабиться ни на минуту, а когда пришло известие из Румынии, что я жива, и меня переправят в Советский Союз, тут для мамы начались новые переживания: как бы я из репатриантов не превратилась в заключённую!

Последний вызов мамы по розыску Викторши.

15

Догоняю и осваиваю

Долго предаваться эмоциям по поводу моего возвращения не было возможности, ведь нужно было решать много сложнейших проблем, от устройства в школу тринадцатилетней девочки (официально закончившей в СССР только первый класс!) до срочной адаптации её к реальной советской жизни.

Началась новая жизнь в Москве. Первая сверхсрочная задача – определить меня в школу, но как это сделать без документов, без необходимых фактических школьных знаний? В Одессе я провела в общеобразовательной школе полгода четвёртого класса и всё. Кроме того, я совершенно не знала жизни, которой тогда жили люди в СССР и могла «ляпнуть», что угодно, так как привыкла к существовавшим тогда демократическим порядкам в Румынии. Начиталась румынских газет и насмотрелась на уличные демонстрации различных партий, требовавших отставки правительства и других не менее радикальных действий.

На следующий день после моего возвращения мама с тётей Маней провели «совет», они попытались объяснить моё положение и общую ситуацию. Выйдя на улицу Горького, пройдя по площади Белорусского вокзала, я обнаружила какой-то другой город. Он не был городом, который сохранялся более четырёх лет в моей памяти: ярким, оживлённым, шумным и весёлым! Передо мной предстала постаревшая и посуровевшая Москва, давно не крашенные с обвалившейся штукатуркой и трещинами дома, как будто просили милостыню. Когда я поделилась своими впечатлениями с взрослыми, они пришли в ужас от моих слов. За такие слова люди тогда получали сроки до десяти лет лагерей! Было принято решение: до начала четвёртой четверти 1946 года я сижу дома, усиленно занимаясь и ни с кем посторонним не общаясь.

Без промедления начались ежедневные занятия: мама приходила с работы и на кухне мы занимались весь вечер русским языком, литературой, географией. Параллельно она готовила какую-то еду для нас с Жекой на предстоящий день, к двенадцати часам ночи мы обе просто валились с ног от усталости. Как мама это всё выдерживала после того, что ей пришлось пережить – не знаю, это, конечно, материнский подвиг! Я делала по сорок ошибок в небольшом диктанте, так как ещё путала латинские буквы и кириллицу после румынского языка. Математикой со мной занималась тётя Маня, которая в то время преподавала в военной академии. С историей меня знакомила сестра знаменитого шахматиста Ботвинника, бывшая в добрых отношениях с моей тётей и очень сочувствовавшая трудностям нашей семьи. К началу четвёртой четверти она устроила меня без документов об образовании в школу, где сама преподавала. Более двух месяцев я никуда не выходила из квартиры, усердно учась с утра до позднего вечера без всяких перерывов. Только иногда слушала московское радио (другого просто не было), что позволило мне выучить наизусть все лозунги и здравницы в честь товарища Сталина, которые повторяли много раз в течение дня, и усвоить главное: что живу я теперь в самой замечательной и правильной стране.

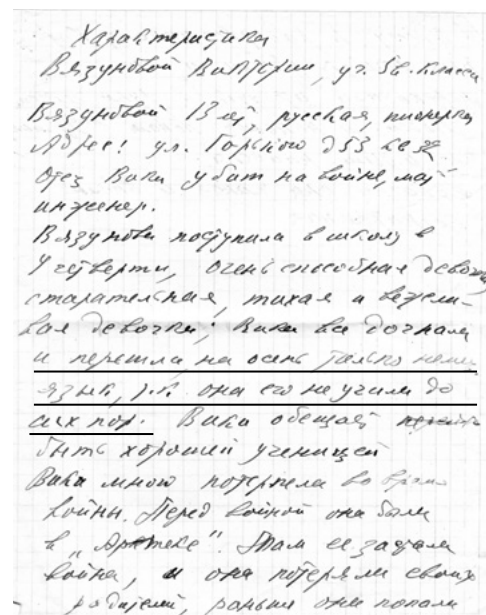
Через пару недель после моего возвращения из Румынии появился, прилетевший в командировку, дядя Яша и преподнёс мне довольно жестокий урок «патриотизма». Начав расспрашивать о прошедших годах, он, не дослушав, остановил мой рассказ на июле-августе 1941 года резким вопросом: «Почему ты осталась в Одессе и сдалась врагу?». Я пыталась лепетать что-то о том, что меня не эвакуировали, на что он твёрдо и убеждённо заявил: «Нужно было уходить пешком!». Далее последовало его гневное разоблачение моего непатриотичного поведения – раз уж осталась, то нужно было уйти в партизаны! Мой робкий вопрос: «А где я могла найти этих партизан?» – придал его последующему 30-ти минутному яростному выступлению особую силу. К концу его речи я почувствовала себя настоящей предательницей Родины, а главное, когда от дяди досталось и Гонсиаровским, я не выдержала и разревелась... Мама утащила меня в нашу комнату и постаралась остановить поток красноречия своего брата. Дядя быстро улетел, а я осталась с новыми переживаниями по поводу своего «недостойного» поведения в прошедшей войне. Маме, тёте Мане и её приятельнице пришлось приложить немало педагогических усилий, чтобы отвлечь меня от мрачных мыслей и направить мои помыслы на написание диктантов, решение задач, ориентирование по географическим картам, чтение художественных текстов. Сейчас я могу понять поведение в 1946 году взрослого неглупого человека, отца троих детей, его желание отмежеваться от нас и наших тяжёлых проблем. Но тогда для тринадцатилетней девочки – это было тяжёлым испытанием...

Кроме знаний по школьным предметам мои милые и заботливые учителя преподносили необходимую для тех времён политграмоту, чтобы я не попала в разряд «врагов народа». Спасибо им большое, они вытянули меня по всем предметам, помогли довольно легко войти в эту новую непривычную жизнь, отвлекли от мрачных мыслей о прошлом. В марте 1946 года я стала ученицей пятого класса женской средней школы № 152 города Москвы, расположенной возле станции метро «Аэропорт».

Мне шёл уже четырнадцатый год, но после войны в школах было немало «переростков», так как многие ученики потеряли один-два года не только в эвакуации, но и в Москве. В Румынии у меня было ощущение, что я уже взрослая девушка. Здесь, погрузившись полностью в школьные учебники и общение с младшим братом, я вновь почувствовала себя ребёнком, но сильно повзрослевшим. Внешне я выглядела довольно взросло: почти оформившаяся девушка, на европейский манер распущенные волосы, красивое зимнее пальто, отделанное серым каракулем и такая же шапочка, на ногах румынские ботинки с подковками, напоминающие военные. Первое время, когда я пробегала по коридору, звук от подков разносился по всей школе и на меня обращали внимание. Я «выделялась», это очень беспокоило маму, но изменить мой внешний вид сразу не было возможности – ни одежды, ни обуви на меня не было. Ведь тогда ничего не продавалось без «ордера», а получить его было трудно.

Всё своё время я тратила на занятия в школе и дома, подружиться с кем-то из девочек не успела, кроме того я ещё расходовала время на дорогу, школа размещалась (по тем представлениям) далеко от нашего дома. Проучившись четвертую четверть, я сдала все экзамены, и, имея только одну переэкзаменовку по немецкому языку (смотри характеристику), закончила учебный год. Четвёртая четверть очень короткая, моя задача была закончить пятый класс и получить документ, по которому можно поступить в другую школу, что и было выполнено. И выполнено, как я теперь определила по оставшимся бумагам, благодаря пониманию и смелости классной руководительницы 152-ой школы. Она в моём табеле об успеваемости проставила годовую оценку по немецкому языку – 3 и написала «Переводится в 6 класс» (смотри табель и характеристику). И снова на моём пути оказался ЧЕЛОВЕК!

Мы по-прежнему жили в трёхкомнатной квартире маминого брата, который со своей большой семьёй задержался после окончания войны в Караганде, где он был крупным руководителем в угольной промышленности. Мы занимали одну комнату и сохраняли их московскую квартиру. Меня начали приучать к советской жизни: всю еду можно приобрести только по карточкам. Карточки были «прикреплены» к определённым магазинам, в которых позволялось покупать нормированное количество самых простых продуктов. Магазин Минцветмета нахо-

Предметы	Успеваемость	Оценки	Подпись
1. Русский яз.	3/3	4/3	3/3
2. Литература	4	5	4
3. История	4	5	5
4. География	5	-	5
5. Биология	3	-	3
6. Литература	3	3	3
7. Русский яз.	5	4	5
8. Литература	5	-	5
9. Рисование	5	-	5
10. Поведение	5	-	5
Переводится в 6 класс			
Подпись классной руководительницы			

Табель за 5-ый класс Виктории Вязуновой, Москва, школа №152, июнь 1946 года.

Характеристика ученицы
5 класса 152 школы г. Москвы
Вязуновой Виктории, июнь 1946 года.

дился недалеко от кинотеатра «Ударник», добираться до него приходилось около часа. В магазине нужно внимательно следить, сколько и какие талоны вырезает из карточек продавец, чтобы это соответствовало купленным продуктам. Карточки – это листы бумаги, почти тетрадного размера, разграфлённые на квадратики, наверху написано какая карточка «рабочая» или «детская». У нас были три карточки: мамина рабочая и наши две детские. Их выдавали на весь месяц и, чтобы не потерять все сразу, их разрезали на три декады... На карточках значились наши фамилия, имя, отчество, адрес прописки. В квадратиках напечатаны названия продуктов: крупа, сахар, жиры, мясо и другие наименования. Иногда я приезжала в магазин, куда после работы подходила мама, мы стояли в очереди и получали те продукты, которые «выдавали». Иногда, когда маме нездоровилось, в выходной день мы ехали в магазин с братом и пытались «отоварить» карточки сами. Стоишь в очереди, в руках судорожно зажаты карточки, главное богатство того времени, в карманы класть нельзя – могут вытащить. Когда подходит твоя очередь, нужно чётко сказать продавщице, сколько чего взвесить, протягивая карточки. Продавщица ножницами вырезает талончики над каким-то ящиком, а ты должна заплатить деньги в кассу и проверить, не вырезали ли из твоих карточек лишних талонов. В один из таких походов в магазин мы с Жекой получили так называемое молоко (это была сладенькая забелённая вода, которая, кажется,

называлась «суфле») и возвращались очень гордые и довольные, не доходя до метро, я упала, «молоко» разлилось, мы были в отчаянии...

Получение продуктов по карточкам в системе закрытых магазинов порождало немало различных анекдотов и смешных выражений.

Обращение продавца к кассиру: *«Аня, срочно перебей профессору яйца на печёнку!»*.

Обиженный покупатель говорит продавцу: *«Вы зачем у меня вырезали печень вместо сахара?»* – печень продавали по талону на мясо...

Для погружения в московскую жизнь мама пару раз брала меня с собой в гости. Первый наш визит был в Армянский переулок, где жила мончегорская добрая приятельница мамы Вера Александровна Бронштейн. Она, с повзрослевшим одиннадцатилетним сыном Володей и очень немолодой бабушкой, жили в двенадцатиметровой, вытянутой в длину, комнате в огромной коммунальной квартире. Эта квартира поразила меня не только своими размерами, но и «толпой» жившего там народа – более десяти семейств. Длинный коридор был загромождён невероятным количеством разных вещей – от детских саночек до старинного шкафа (или буфета). На всех многочисленных жителей квартиры были одна ванная комната и один туалет! На двери ванной висело аккуратное расписание: кому, в какие дни можно пользоваться этой комнатой и сколько времени. И в такой перенаселённой квартире в неудобной небольшой комнате благодаря усилиям и вкусу Веры Александровны было уютно. Володя и его мама искренне радовались моему возвращению из длительного «путешествия», мне также была приятна встреча с ними, воспоминания о папе, Мончегорске и нашей довоенной жизни.

Второй наш визит состоялся к начальнику мамы, который ей очень помог в розыске меня. Он с семьёй жил в интересном весьма знаменитом в тридцатые годы, доме Коммуны, расположенном между Ленинским проспектом и улицей Орджоникидзе. Его называли «дом на ножках», он был сооружён по проекту архитектора Николаева в стиле конструктивизма как общежитие для студентов, где бытовые помещения были сведены к минимуму и размещены в отдельном здании. Во время войны туда поселили много семей, потерявших жильё. Тогда это был обветшалый, непривлекательный восьмиэтажный дом на деформированных подставках с какими-то заплатками, пристройками, смотревший на улицу узкими горизонтальными щелями разномастных окон. Когда мы вошли внутрь, перед нами предстала фантастическая «вавилонская башня», в которой найти нужное помещение было невозможно. На всех этажах перемещалось множество взрослых и детей, но никто не знал, как нам найти нужную комнату. И это не удивительно, так как в длинейших коридорах, протянувшихся вдоль всего здания, размещалось огромное количество крошечных комнат самым причудливым образом соединённых, выгорожен-

ных частей коридора, каких-то тупичков, проходных помещений. Со всех сторон нас окружали двери разнообразных видов, конструкций, окрасок. Когда мы нашли, наконец, нужное помещение и разместились за столом крошечной, как купе, комнатки, взрослые начали расспрашивать о моих военных и послевоенных приключениях. Я коротко и вежливо ответила на все их вопросы, при этом мама очень волновалась, как бы я не «ляпнула» чего-нибудь лишнего, и постаралась поскорее отпустить меня со стайкой местных ребяташек. Мы начала бегать по бесконечным коридорам этого удивительного огромного дома. Чтобы найти уборную, нужно было перебраться в другое здание! Оббежав все этажи и осмотрев множество закоулков и фантастически выделенных «квартир», я поняла, что без помощи ребят мне не выбраться из этого лабиринта, они вернули меня маме, одуревшую от всего увиденного.

Виктория Вязунова, Москва, весна 1946 г.

16

Пионерское лето

Закончив учебный год, я облегчённо вздохнула, огляделась вокруг, и поняла, как тяжело живётся маме, как трудно ей нас тянуть на небольшую зарплату. Брат учился в первом классе мужской школы и не отличался смирным поведением, дрался, поэтому маму часто вызывали в школу. Тётя Маня старалась помочь одеть меня, мы переделывали её платья, но я быстро переросла её (тётя Маня была очень миниатюрной женщиной). Вростание в новую жизнь, в изменившуюся семью без обожаемого мною папы, было непростым. Иногда я не понимала маминых требований, сердилась и обижалась на неё. Вспоминала Марию Романовну и грустила о ней. Маме со мной, очевидно, было ещё трудней, она привыкла к заботам о Жеке, чувствовала его лучше, чем меня. Я же была уже девушкой – подростком, и ей трудно было найти понятный мне язык для общения (это была распространённая беда родителей того времени). Она не могла дать необходимых советов и объяснений о физиологических изменениях моего организма. Как очень метко заметила Людмила Улицкая¹ в Советском Союзе «...возрастная психология была «закрыта» вместе с генетикой и кибернетикой».

Непросто складывались наши отношения с младшим братом. Он отвык от моего присутствия в семье и забыл меня, привык быть главным объектом маминых забот, её помощником и советчиком. Считал, что должен выполнять только её указания. После моего появления основным объектом внимания мамы стала я, кроме того, как старшей мне передавались какие-то обязанности по хозяйству и присмотру за ним. При крайне независимом характере Жеки и моей глупости это вызывало в первое время стычки между нами вплоть до небольших потасовок. Остался в памяти случай, когда мы, с Жекой, уже не помню по какому поводу,

бурно выясняли отношения. Я выскочила из комнаты и заперла её снаружи, а Жека, чтобы разрядить свой гнев, запустил в дверь будильником! Это были единственные часы в доме. Мама пришла с работы, «разобралась» с нашим конфликтом и приняла решение: меня лишила похода в театр, Жеке велела каждое утро бегать на площадь Белорусского вокзала (где находились ближайшие уличные часы), для уточнения фактического времени.

На работе к маме относились неплохо, и, зная её тяжёлое материальное положение, выделили путёвки для нас в пионерский лагерь под Москвой, а для меня ещё и на Кавказ на вторую половину лета.

В связи с тем, что в школе я провела непродолжительное время (всего около двух месяцев) с работой пионерской организации школы я не успела ознакомиться, было не до того. Мама объяснила, что это массовая детская коммунистическая организация имени В. И. Ленина, которой руководит комсомол и коммунистическая партия. В пионеры принимают детей до 14 лет и мне нужно вступить в школьную пионерскую организацию. Слушая передачи по радио, я узнавала кое-что о пионерских делах.

И вот нас везут в открытых бортовых грузовых машинах по проспекту, за Калужской заставой кончается Москва. Мы едем в сторону Калуги по дороге, которую строят немецкие военнопленные. Точного расположения нашего лагеря я не помню, но это недалеко от Тарутино, возле какого-то разбитого колхоза¹ или совхоза. Площадку пионерского лагеря разместили прямо в лесу, где установили большие воинские палатки, в которых мы спали, ели и играли во время дождя. В лес подальше от лагеря нас не пускали, предупредив, что не всё вокруг разминировано. Попад в пионерский лагерь, я сразу столкнулась с пионерской организацией, имея о ней достаточно смутные представления. Несмотря на это я с огромным энтузиазмом включилась в весёлую летнюю пионерскую жизнь, всё для меня было ново и интересно. Утром подъём под горн, построение на линейку по отрядам и звеньям снова под горн и барабаны. Быстро появились подруги. Мы играли, бегали, купались в какой-то речушке. Нас, старших, чтобы подкормить, отправляли на сбор клубники, где мы, по-моему, больше съедали, чем собирали. Потом мы снимали урожай огурцов. Всё это было весело и вкусно. Сейчас, трудно представить, как воспитателям и вожатым удавалось справляться с нами в этом открытом и неприиспособленном пространстве леса. Да ещё все мы были детьми страшной войны, многие без отцов и с большими душевными травмами. Среди воспитателей запомнился настоящий волшебник –

¹ Улицкая Людмила Евгеньевна – русская писательница, сценарист, лауреат международной Букеровской премии, 1943 года рождения.

¹ Колхозы, совхозы – основное звено по производству сельскохозяйственных продуктов в СССР. Колхозы – коллективные хозяйства, где средства производства (земля, оборудование, скот и пр.) находились в совместной собственности членов кооператива, с 1969 года земля стала собственностью государства. Совхозы – государственные предприятия, где средства производства принадлежат государству. Общие черты этих предприятий: отсутствие частной собственности на средства производства и полная их экономическая несостоятельность.

физкультурник дядя Петя, который сразу же приохотил старших ребят к таким играм, как волейбол и баскетбол, тогда ещё не особенно популярных. Особую радость у нас вызвали настоящие мячи для этих игр. Многие дети, выросшие во время войны, их никогда не видели...

Чувствовала я себя там, среди детей очень неплохо, и хотя официально меня никто в пионеры не принимал, активно занималась разнообразными лагерными делами, окружающие считали меня пионеркой, я же никого не разубеждала. Меня даже выбрали каким-то пионерским руководителем. Мы пели, танцевали, устраивали костры, что-то декламировали, каждый день был насыщен и интересен разнообразными делами, играми. Вечером после отбоя мы, старшие девочки, ещё умудрялись убежать в лес, завернувшись в простыни, возвращаться в лагерь и пугать пионерский народ, за что нас чуть не отправили домой. Мне впервые пришлось жить в палатке, и это было очень здорово. Спали мы на матрацах, под которыми были уложены доски. Я без труда вошла в коллектив девчонок-ровесниц, хотя они в основном учились на один-два класса старше. Наверное, они приняли меня в свою среду потому, что я была весьма начитанная «девушка», пересказывала им перед сном в палатке некоторые произведения, которые они ещё не читали. В то время очень популярны были приключения Тома Сойера (Марк Твен) и меня прозвали Бекки, не помню, по какой причине. О своих военных и послевоенных «похождениях» я никогда и никому не рассказывала, уже отчётливо понимая, что это небезопасно, да и инстинктивно, наверное, старалась не вспоминать тяжёлые периоды своей жизни. Мы особенно сблизились с очень шустрой и начитанной девочкой Нелей со смешной фамилией Ценципер. После моего отъезда из лагеря она писала подробные письма, а в наступившем учебном году мы несколько раз встречались, хотя жили в разных концах Москвы. Брат Жека был в младшем отряде, ему было не так интересно, так как малышкой держали очень строго. Одна смена в лагере прошла быстро, я привыкла к советской пионерской жизни с её линейками, докладами, играми, песнями, вечерними кострами и она мне понравилась.

После Подмосквья мне посчастливилось попасть в пионерлагерь Минцветмета на Черноморском побережье Кавказа в Лоо, что рядом с городом Сочи. Лагерь располагался настолько близко к морю, что, перейдя железную дорогу, мы сразу попадали на пляж! Следов войны здесь не было. Вместо палаточного городка, перед нами предстала довольно обширная территория с необходимыми службами и строениями. На ней разместились несколько зданий с комнатами для сна, столовой и другими помещениями, спортивной площадкой и оставалось ещё много места для игр, костров и других пионерских развлечений. Такой насыщенности играми, путешествиями, купаниями и разнообразными захватывающими делами у меня, наверное, больше никогда не было. Меня избрали

звеньевой. В этом лагере даже пионерские звенья разделялись по гендерным признакам, в моём звене были только девочки. В лагере было много мальчишек нашего возраста и старше. Они жили в другом здании и держались вначале обособленно от девчонок, мы также с опаской и интересом поглядывали на них. Школы тогда были раздельными, девочки и мальчики учились отдельно, поэтому опыта взаимного общения мы практически не имели. Но возраст брал своё, вскоре мы начали довольно активно общаться с мальчишками и с обеих сторон появился живой интерес друг к другу. Очевидно, вожатые не очень нами занимались, поэтому мы подключали всю свою фантазию и ежедневно придумывали, что-то новое. Например, конкурс костюмов, сделанных исключительно из цветов, трав, ветвей деревьев: мы уходили в лес, возвращались в лагерь уже в лесных одеяниях и устраивали дикие пляски «индейцев», вызывая общий восторг. Несколько дней мы путешествовали по очень красивой горной речке на плотах со студентами-кинематографистами, которые всё это снимали. В то время в футбол играли только мальчишки, мы, девочки, решили, что это несправедливо и тоже начали играть в футбол с ребятами. Несколько раз нас возили на экскурсии в Сочи, где мы побывали в дендрарии¹, в музее Николая Островского, на горе Ахун, потом съездили в Красную поляну. В самом городе нам показали Мацесту – огромный комплекс лечебных зданий и парков, где людей лечат сероводородными водами из местных источников от множества болезней. Город Сочи с платановыми аллеями, санаториями, парками, набережными мне понравился,

Дендрарий города Сочи.

¹ Дендрарий – территория, отведённая под культивирование растений в открытом грунте, в Сочи был создан в 1892 году писателем дворянином С.Н. Худековым. В 1946 году на территории около 40 гектаров была собрана уникальная коллекция субтропической флоры и фауны.

напомнив южные симпатичные города Румынии и Одессу. Сильное впечатление произвел музей Николая Островского – скромный домик, где он провёл последние годы своей короткой жизни, будучи совершенно неподвижным и беспомощным. К тому времени я уже прочла написанную им книгу «Как закалялась сталь», в музее я почувствовала её по-новому, автор словно приблизился ко мне. С нами разговаривали люди, которые знали и помогали Островскому создавать эту потрясающе мужественную повесть, экскурсия произвела на нас неизгладимое впечатление. Несколько дней нас не покидали мысли о трагической жизни автора, и мы бурно обсуждали страшную судьбу Н. Островского...

С башни, что на горе Ахун¹, нам открылся захватывающий вид Кавказских гор со снежными вершинами. Это было настолько сильное и необыкновенное зрелище, что мы все, довольно шумная толпа пионеров, притихли на некоторое время.

Смотровая башня на горе Ахун.

Купались мы в Лоо ежедневно, и когда разрешали, и когда запрещали, даже вечером после отбоя умудрялись убежать к морю. Я была настолько занята и увлечена этой бурной и яркой жизнью, что когда меня приехала навестить тётя Маня (она отдыхала где-то неподалёку), я оставила её одну, убежав организовывать какое-то очередное «мероприятие» нашего звена. За время пребывания в Лоо я сблизилась с моей ровесницей – Викой Нечес очень умной начитанной весёлой девочкой, уже окончившей шестой класс. Моё отставание в образовании не помешало нам стать в дальнейшем друзьями, и дружба эта прошла через всю нашу жизнь.

¹ Ахун – пятикилометровый хребет, протянувшийся вдоль моря, на расстоянии 3-х километров от него, высотой около 800 метров.

Фуникулёр (канатная железная дорога, устраиваемая на крутых подъёмах) одного из санаториев города Сочи.

Она жила в одном из Арбатских переулков недалеко от тёти Мани, что давало нам возможность часто встречаться в Москве. Нам почему-то дали в лагере прозвища: мне – Вика рыжая, ей – Викашка-кошка! Мы резвились в одном пионерском звене, жили в одной комнате, общались беспрерывно. Вика умела многое объяснить в новой, не во всём ещё понятной для меня, окружающей советской школьной жизни.

Возвращались в Москву поездом весёлые, довольные, накупившие разных фруктов для своих семей, только у всех почему-то головы чесались. На вокзале нас встречали родители и развозили по домам. Пока мы добирались до улицы Горького, мама уже поняла, почему у меня руки в голове – это вши! Как только мы переступили порог дома, она начала заниматься моей головой: мыть, вычёсывать и так до утра, пока не истребила всю крупную нечисть. На следующий день с утра в коридорах маминого министерства все разговоры вертелись вокруг способов борьбы с этими насекомыми.

Вика Нечес, подруга по пионерскому лагерю в Лоо.

Оказалось, что все, кто был в Лоо, обовшивели, и, что удивительно, ни мы, уже довольно большие девочки, ни персонал лагеря этого не заметили. Весь следующий день борьба с этим новым населением моей головы продолжилась, ведь через день нужно идти в школу! Вопреки моему нежеланию и стыду мама заставила сходить в аптеку за необходимым для продолжения «борьбы» средством. Мы с мамой вновь почти не спали, пока очистили голову, чтобы не стричь волосы.

Несмотря на неприятности с волосами я очень ждала начала учебного года в новой школе. За лето мама определила меня в женскую школу № 113, расположенную недалеко от дома. После летнего пребывания в пионерских лагерях, где мне очень понравилось, я почувствовала себя достаточно уверенно среди сверстников.

17

Новая школа

Мама и тётя Маня снова начали со мной заниматься, боясь, что я не потяну в новой школе. С немецким языком всё обошлось, не помню, кто мне помог в этом, но в дальнейшем у меня была твёрдая пятёрка.

Я довольно часто ездила к тётке Мане, они с Лёней по-прежнему жили на улице Воровского, дом 6, вход в их двор располагался напротив ресторана «Прага». Ничего с довоенного времени в этом дворе со старыми трёхэтажными домами и сараями не изменилось, только всё стало более дряхлым (во время войны недалеко падали бомбы). Окна их небольшой полуподвальной комнаты «удачно» выходили во двор, тогда как у других жильцов этой квартиры они выходили на бульвар, где день и ночь громыхал трамвай «А». Всё это снесли в шестидесятые годы прошлого столетия. Очень разные люди жили там с довоенных времён и помнили меня маленькой. В одной семье было несколько детей, в основном мальчики старше Лёни, которые по очереди сидели в тюрьмах за воровство. Другие соседи – немолодая еврейская пара, Эйшинские, единственный сын которых ушёл добровольцем на войну в 1941-м году, где и погиб восемнадцатилетним мальчиком. Они так и не смогли оправиться от этого горя и тихо увядали. Наиболее близкими соседями к тётке Мане не только территориально, но и по духу, была семья Богиных. Это у них тётя Маня ещё в 30-ые годы «весьма выгодно» выменяла загородную дачу на комнатёнку, которая нас неоднократно спасала. Ко времени моего нового появления там, в двух комнатках Богиных, жила тётя Сима с приёмным сыном Женей. Тётя Сима – умная, грамотная, партийная женщина – руководила цехом на знаменитой московской текстильной фабрике. Муж тёти Симы, Самуил Борисович Богин, в то время находился в лагерях МВД. История его очень характерна для после-

военного времени. Самуил Борисович – инженер-строитель, энергичный оптимистичный и пробивной человек – в начале войны ушёл в московское ополчение, откуда попал в плен к немцам. В плену ему повезло, при первой же перекличке к нему обратился охранник: «Ну, ты армяшка!». Самуил Борисович моментально сообразил, как использовать это обращение, и назвался армянином (он был евреем), благодаря чему остался жив, и некоторое время носил фамилию Богинян. В дальнейшем он пережил много военных и невоенных приключений. Ему удалось вырваться из немецкого лагеря военнопленных, попасть в партизанский отряд, а когда до тех мест дошла Красная Армия, влиться в её ряды. До конца войны он успел пройти путь с армией и даже заслужить какие-то награды. После окончания войны получил короткий отпуск и радостный приехал домой. Человек широкой натуры, Самуил Борисович шумно отметил своё возвращение, пригласил соседей, честно рассказывал о своих военных похождениях. Буквально через несколько дней его арестовали и осудили, как «изменника Родины» за пребывание в плену врага и сохранение собственной жизни, по 58-ой статье и отправили в лагерь на 10 лет. Донёс на него тот сосед, который, будучи вполне здоровым, провёл всю войну вдали от фронтовых дорог. С 1954 года до конца восьмидесятых годов я часто встречалась с С.Б.Богинным, высоко ценила его человеческие качества и неистребимый оптимизм.

Марк Бирман –
отец Лёны, 1941 г.

Лёня начал с интересом со мной общаться, расспрашивал о жизни во время войны и в послевоенной Румынии, брал с собой на прогулки и покровительствовал, как старший. Наверное, этому способствовала тётя Маня, понимая, что так он мне помогает «взрастать» в московскую школьную жизнь. Мы иногда бродили по старым Арбатским переулкам, весело болтая и вспоминая наше довоенное детство. Он, как и я, остался без отца. Марк Бирман, или дядя Бирман, как я его называла, успел до войны освободиться из лагерей, и сразу после её начала добровольно ушёл в московское ополчение, был серьёзно ранен, вылечился с потерей голоса, но настоял на возвращении на фронт, где и погиб. Я его помнила по довоенным временам как очень тихого, ласкового и доброго человека, который всегда нас защищал от материнского гнева, когда мы сильно провинимся.

И вот я в новой школе, в шестом классе, который сформировался раньше. Приняли меня девчонки, как обыкновенно принимают «новеньких» – настороженно, но довольно скоро я вошла в круг их интересов и перестала быть «чужой». Моему вхождению в советскую школьную жизнь помогли активное общение со сверстниками и проникновение в их жизнь благодаря пребыванию в двух летних пионерских лагерях. В школе у меня очень быстро появилась подруга Тата Шац. Она жила в нашем подъезде этажом ниже, у неё также были только мама и брат – такого же возраста, как Жека, и учились наши братья в одной школе. Папа её умер во время войны.

Очевидно, примеры и внушения Гонсиаровских, мамы, тётки Мани, а также накопленный опыт собственной жизни, помогли мне тогда понять необходимость получения максимально возможных знаний и умений для дальнейшей жизни. Я с удовольствием окунулась в школьный мир.

Мне очень повезло со школой и с учителями, большинство были настоящие «педагоги», немолодые, очень образованные, многие успели окончить дореволюционные гимназии. Особенно мы любили (взаимно) нашу классную руководительницу – Елизавету Григорьевну, учительницу русского языка и литературы. Ко мне она отнеслась хорошо и уделяла особое внимание, так как с русским языком у меня ещё оставались проблемы. Уроки русского языка и литературы стали любимыми. Елизавета Григорьевна приучала нас писать сочинения на любую тему, водила по музеям, поощряла чтение русской и не только русской классической литературы. По её инициативе и с её участием класс регулярно посещал детский театр, где мы встречались и непосредственно общались с писателем Сергеем Михалковым, после премьер писали отзывы на его новые пьесы. Она твёрдой рукой вела нас к «описательскому искусству», знакомила с полотнами художников в Третьяковской галерее, после чего сочинения по картинам русских художников стали у нас популярны. Мы читали и учили много стихов наизусть, а все примеры к грамматическим и синтаксическим правилам русского языка находили самостоятельно только из произведений русских классиков. Между ученицами шло соревнование – кто найдёт наиболее интересные и выразительные примеры, соответствующие изучаемому в данный момент правилу. Главное, чему меня научила Елизавета Григорьевна, не просто читать художественную литературу, а перечитывать отдельные места не ради сюжета, выделять интересные мысли, яркие описания природы или отношений между людьми. Большинство девочек нашего класса очень много читали, и мы всегда бурно обсуждали прочитанное. Наши учителя активно приобщали нас к воздуху уходящей русской культуры. Я неплохо писала сочинения благодаря своей начитанности и жизненному опыту, но грамматических ошибок делала ещё немало. Однажды написала сочинение по впечатлениям от картины К. Маковского¹ «Дети, бегущие от грозы», кото-

¹ Маковский Константин Егорович – русский художник, 1839 – 1915 гг.

Репродукция картины
Маковского К.Е.
«Дети, бегущие от грозы».

рое произвело большое впечатление на учеников и учителей. Наверное, вид бегущей девочки с маленьким ребёнком на руках был мне близок и понятен.

Школьная жизнь меня полностью захватила, я чувствовала себя востребованной и будто навёрстывала уходящее детство, много занималась, выполняла разнообразные общественные поручения, очень любила наши девчоночьи «посиделки», прогулки по улице Горького. Многие девочки из нашего класса проявляли ко мне живой интерес, приглашали в свои компании и домой. В школьных делах меня очень поддерживала мама, хотя ей было нелегко.

Наше материальное положение становилось всё труднее, мы могли только отоваривать карточки, а по коммерческим ценам ничего не покупали. Нам с братом иногда приходилось стоять в очередях за хлебом, чтобы получить его по хлебным карточкам (без карточек хлеб тогда не продавался). Для этого мама на рассвете занимала очередь в булочную, потом подключались мы, она уезжала на работу, номера очереди нам писали на руках химическим карандашом. Таких очередей в своей жизни я больше не видела, очередь вилась по трём кварталам, милиционеры не давали ей «вылезать» на улицу Горького (смотри схему).

Игорь Левченко, 1946 год.

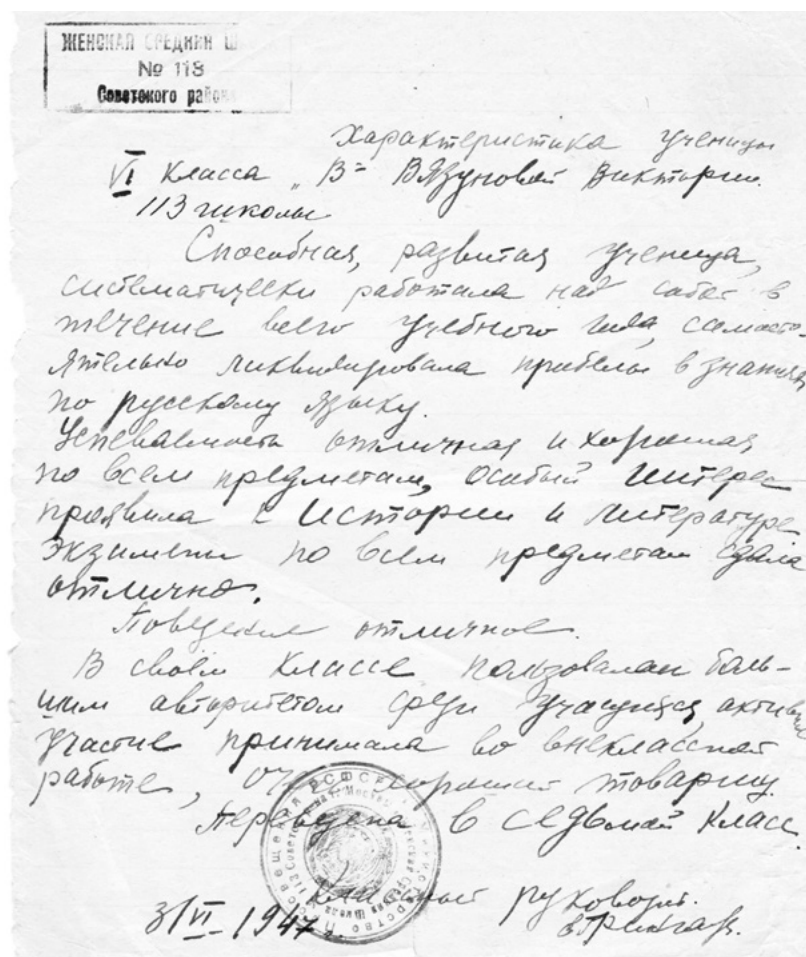
Чтобы сшить мне платье для школы, что-то вроде формы, синее из штапельного полотна, купленного по выданному маме на работе ордеру, купить ещё какую-то одежду и обувь, мама продала что-то из своих вещей. Не помню, чтобы в домашней еде часто появлялось мясо. Но меня это совсем не огорчало, я радовалась жизни, учёбе, дружбе, тому, что я в своей семье и на Родине. Мне кажется, что я очень старалась вернуться в так рано прерванное детство. Верно, сказал Дмитрий Шеваров¹: «Война, как стервятник, вырывает из души, прежде всего, детскость». Светлые воспоминания детства навевали на меня открытки и фотографии, которые присылал мой двоюродный брат Игорь Левченко. Он был старше меня лет на пять и проходил военную службу в оккупационных войсках в Германии. Узнав наш адрес от папиных родственников в Сибири, начал нам писать. К сожалению, при его жизни я с ним не встретилась, но в душе остались тёплые чувства к нему.

Нам с Жекой очень хотелось сделать маме какой-то подарок к 8 марта, но у нас не было ни копейки денег и заработать их в тех условиях мы не могли. В школах на завтраки нам бесплатно давали бублик и сладкий чай. Несколько дней мы приносили эти бублики домой, собирали крошки хлеба во время еды, кроме того, получили по карточкам немного сгущённого молока. Я превратила бублики в крошки и, смешав всё это со сгущённым молоком, сделала так называемые пирожные, украсив их парой припасённых конфет. Все это выставила на балкон, который у нас был на кухне и выходил во двор. Когда мама пришла 8 марта после работы, мы преподнесли ей эти пирожные. Она, бедная, разрыдалась: эти «пирожные» остались перед глазами на всю жизнь...

Весной 1947 года маме в министерстве выделили под Москвой участок земли и в тёплый майский воскресный день мы с мамой и Жекой поехали туда на электричке сажать картошку. Хорошо помню ощущение весенней радости,

¹ Шеваров Дмитрий Геннадьевич – российский журналист, эссеист, прозаик, литературный критик, 1962 года рождения.

когда мы шли от электрички к полю. Солнечные лучи, пробирающиеся через распускающуюся зелень деревьев и ласкающие наши бледные лица, напоминали мне полотна Куинджи¹. Насколько наша помощь маме была эффективной, не знаю, но мы старались и весь выделенный участок засадили, а к вечеру едва живые от усталости с трудом добрались до дома. Обратная дорога по весеннему лесу почему-то уже не напоминала мне никаких картин замечательных русских художников!

Характеристика В. Вязуновой после окончания 6-го класса.

¹ Куинджи Архип Иванович – русский художник, мастер пейзажа, 1841-1910 гг.

Очень взбудоражило нас событие происшедшее в семье моей подруги Таты: её мама вышла замуж. Тата хорошо помнила отца, и была против, не хотела принимать отчима. Я ей очень сочувствовала, мы много и безрезультатно обсуждали эту ситуацию. Закончилось неприятие отчима большим скандалом: Тату её мама наказала и даже несколько дней не выпускала из дома. В дальнейшем всё постепенно улеглось, и летом они поехали отдыхать в Башкирию, где её отчим работал нефтяником. Он удочерил Тату и усыновил и её брата, они стали Борисовыми. Значительно позже я поняла, что с прежней немецкой фамилией Шац, путь в любое высшее учебное заведение страны им был закрыт. В те дни я очень переживала эту ситуацию вместе с любимой подругой, и когда моя мама спросила, а что стала бы делать я на месте Таты, я со всей безрассудностью и жестокостью подростка сказала: «Убежала бы из дома!».

Между тем приближались экзамены за шестой класс (тогда экзамены проводились ежегодно), заставляя усиленно заниматься – ведь это были первые мои экзамены в полюбившейся школе. Очень важно было сдать их наилучшим образом не только ради похвалы учителей и девочек, но я уже понимала, что только хорошая учёба может порадовать маму и тётю Маню, вложивших в меня столько сил. Экзамены я сдала в основном на пять, но у меня осталась одна дыра – физика, наверное, наша учительница не смогла увлечь меня этим предметом, да и дома некому было объяснять.

Москва, 1947 год, женская школа №113, после окончания 6-го класса.

В центре Е.Г. Грингауз – словесник и классный руководитель.

Верхний ряд: четвёртая справа-Виктория Вязунова, пятая-Татьяна Шац.

18

Путешествие в Сибирь

Наступило лето 1947 года и мама пошла на очень опасный и затратный шаг: она решила отправить нас на лето в Сибирь. Ещё в военные годы ей удалось восстановить связь со старшим братом папы Иннокентием Вязуновым и его семьёй. Они пригласили нас с братом на лето к себе в Алзатай, расположенный недалеко от города Тайшета. В Тайшете тогда жила и старшая сестра папы, Вера, с семьёй дочери. Средний папин брат Павел был расстрелян в 1938 году, его семья также находилась в Сибири.

И вот мама, собрав всё, что можно было «достать» по карточкам съестного, подготовила нас с Жекой и отправила к Вязуновым одним по железной дороге. Я, как старшая (за прошедшие полтора года Жека немного привык к моему «старшинству»), должна была обеспечивать безопасность и систематическое питание. Ехали мы дней пять в общем вагоне, за нами присматривали проводники. Нужно заметить, что в дороге все к нам относились хорошо, по-человечески, никто не пытался обидеть или что-то отнять, а ведь время было послевоенное, лихое и голодное.

В Алзатае нас радостно встретили дядя Кеша и его очаровательная жена тётя Зина, они не видели меня и маму с 1937 года, когда ещё до ареста отца уехали из посёлка Незаметный. У них выросли два сына, мои двоюродные братья, оба мечтали стать геологами, что и осуществили в первой половине пятидесятых годов, окончив Иркутский политехнический институт. Старший, Анатолий, успел повоевать, женился, работал в Алзатае и готовился к поступлению в институт. Младший, Леонард, был на три года старше меня, и ему ещё предстояло закончить десятый класс. На лето к ним приехал другой мой двоюродный брат – Валентин (Валериан), студент медицинского

института, сын папиного брата Евгения, погибшего в 1925 году. Дядя Кеша, от природы достаточно музыкальный и оптимистичный, заведовал местным клубом. Жизнь в Алзатае была хоть и голодная, но весёлая и музыкально-танцевальная. Многие мелодии, популярные в те годы, сохранились в моей памяти в исполнении дяди Кеши. Тётя Зина учительствовала.

Алзатай – небольшой, внешне непривлекательный сибирский посёлок, растянувшийся вдоль железной дороги, и, хотя вокруг простиралась тайга, в самом посёлке деревьев не было. Дома в основном одноэтажные деревянные сибирской постройки, естественно, без всяких удобств. Возле каждого дома – огород, где все старались выращивать какие-нибудь овощи, в основном – картофель. Наиболее «зажиточный» народ содержал в сараях возле домов коров, свиней, овец, но скот из-за больших налогов обходился крайне дорого. В домашнем хозяйстве Вязуновых были коза и несколько кур, поэтому мы с Жекой, как младшие, каждый день получали по бокалу козьего молока. С остальными продуктами было плохо, так как по карточкам в этой глуши ничего не продавали. В огороде мы ежедневно выкапывали картошку, не давая вырасти ей до нормальных размеров. Грустный случай произошел с Жекой в те дни. К нашему приезду Вязуновы приобрели несколько цыплят, среди них

у Жеки появился любимчик, которого он прикармливал, делясь своей едой. Цыплёнок бегал за ним, как собачка и однажды, выходя из сарая Жека не заметил, как за ним несётся уже вполне «раздобревший» петушок и захлопнул дверь, в которую пытался проскочить этот шустрик. Цыплёнок погиб, но время было голодное и пришлось его сварить. Жека был безутешен и не притронулся к своему погибшему любимцу.

Вокруг посёлка еще оставалась не вырубленная тайга, куда я с братьями ходила за грибами и ягодами. В тайге росло много различных ягод: красная смородина, черника, голубика, малина, особенно поразила удивительно ароматная таёжная клубника с мелкими, меньше, чем у садовой клубники, но гораздо

Двоюродный брат – Леонард Вязунов, Алзатай, 1952 год.

более вкусными, ягодами. Мне было очень приятно и интересно проводить время с братьями, особенно с Леонардом и Валей. Валя увлекался хирургией, собирался стать хорошим хирургом и спасать людей. Мы много говорили об этом, вспоминая недавно прошедшую войну и строя планы предстоящей нам замечательной жизни, в которой собирались сделать много полезного. Валя нас поражал своими руками и пальцами, тонкими и очень чувствительными. Тогда в продаже были небольшие пакетики с очень тонкой папиросной бумагой, мы передавали их ему. Он брал в руки скальпель, который всегда был при нём, и по нашему указанию одним неуловимым движением прорезал столько листочков тончайшей папиросной бумаги, сколько мы ему «заказывали». Через несколько лет Валентин стал хирургом и всю жизнь проработал в Шелеховской больнице под Иркутском.

Мы проводили время не только в разговорах, но читали и помогали дяде Кеше в клубных делах: пели, танцевали, обсуждали новые фильмы, готовили вечера в клубе, привлекая поселковую молодёжь. Удивительно, но в этой таёжной глуши без магнитофонов, телевизоров, компьютеров я не чувствовала никакой оторванности от культурной жизни. Анатолий, человек уже женатый, жил отдельно, но по тайге часто бродил с нами. Вязуновы окружили нас с Жекой таким вниманием и любовью, что мы чувствовали себя как дома.

С нами в тайгу ходил приятель Леонарда, который всегда старался быть там, где я, в клубе приглашал меня танцевать и даже как-то по недосмотру братьев проводил вечером домой. Это вызвало страшный гнев дяди Кеши. Он был очень ревнивым человеком, а тут кто-то смеет ухаживать за его племянницей! Короче, этот парень вспылал ко мне романтическими чувствами, писал стихи, а когда я уехала, «доставал» письмами, хотя меня это никак не увлекло, что я ему и объяснила.

Мы съездили в Тайшет, чтобы повидаться с семьёй тёти Веры. Муж тёти Веры отбывал где-то недалеко

Станция Алзамай.

в лагерях наказание, как «враг народа» и после освобождения работал на трассе строительства железной дороги Абакан-Тайшет. Дочь Леночка была замужем за офицером МГБ, которого моя тётушка терпеть не могла и называла «опричник». Как раз в эти дни там находился муж тёти Веры – Владимир Петрович Левченко, узнать его было невозможно: измождённый старик... Он довольно быстро умер. Тётю Веру тоже трудно было узнать – эта красивая и ухоженная дама, какой я её помнила, теперь держала корову и тщательно ухаживала за ней, чтобы дочь и внук пили натуральное свежее молоко! Сын тёти Веры – Игорь в это время проходил военную службу в Германии. Он умер через несколько лет от туберкулёза.

К концу нашего пребывания в Алзамай приехала мама, находившаяся где-то недалеко в командировке, она везла сохранившиеся фотографии и документы, чтобы показать их родным папы. В дороге у неё украли чемодан, она приехала измученная и удручённая. Вязуновы отогрели её, и все дни пребывания велись нескончаемые разговоры, воспоминания о папе, о прежней жизни до 1937 года. Дядю Кешу тоже сажали в те страшные годы, он просидел около года в тюрьме. Один из следователей, оказавшийся его товарищем по работе ещё в двадцатых годах, посоветовал подписать весь вздор, который ему предъявляли в качестве обвинения в контрреволюционной деятельности. Дядя так и поступил, ему удалось освободиться из неволи до начала войны 1941 года. После всего пережитого они забрались в этот медвежий угол – Алзамай, где все эти годы учительствовали, пытались выжить, сажали огород, охотились в тайге. Дядя Кеша – страстный рыбак – ловил рыбу, тетя Зина ухаживала за козой, курами. Короче, добывали средства, чтобы прокормить семью. Летняя жизнь в Алзамае очень приблизила меня к клану Вязуновых, я чувствовала себя среди мужской его части очень защищённой, мне было хорошо с ними и казалось, что папа где-то рядом...

Пробыв в Алзамае ещё несколько дней после приезда мамы, мы все вместе возвратились по железной дороге в Москву, где меня ждала учёба в седьмом классе ставшей родной 113-ой школы.

Через несколько дней после начала занятий маму направили в командировку куда-то на Урал (она работала в ГУУЗе – главном управлении учебными заведениями Минцветмета), так как начинался учебный год в подчинённых министерству учебных заведениях. Я осталась с Жекой и вполне уже справлялась с домашними и учебными делами. Но в выходной нужно было выкопать картошку, посаженную весной, а летом обработанную мамой. Без этой картошки мы бы не выжили, ведь это был голодный 1947-ой год. Я, Жека и наш двоюродный брат, Лёня поехали вместе с коллегами мамы и начали выкапывать картошку. Несмотря на нашу неумелость и баловство, мы за день выко-

пали восемь мешков весьма любимого тогда овоща, упаковали и оставили в поле, где кто-то из министерства охранял урожай. На следующий день нам это «богатство» привезли домой, мы были счастливы, хотя вся квартира на шестом этаже, совершенно не приспособленная для хранения овощей, заполнилась этой картошкой. Вернувшись из командировки, мама обрадовалась «запасам» и тому, что мы оказались такие «приспособленные». Потом ей удалось добыть еще мешок капусты. Весь этот овощной запас позволил нам пережить тяжелую зиму 1947/48 года.

19

Девчонки 800-летней Москвы

Учёба в седьмом классе стала более напряжённой и по-прежнему меня захватывала. Класс остался тот же, преподаватели все сохранились, я чувствовала себя среди девчонок своей и по-настоящему советской! Занималась общественными делами, участвовала в спортивных соревнованиях. Несколько месяцев ездила плавать в бассейн возле метро «Автозаводская», где выполнила нормы третьего спортивного разряда для своего возраста. Увы, материально мои «заплывы» мы не смогли одолеть – не было денег на дорогу и на всё, что требовалось для тренировок (купальники, шапочки...). Мы с подружкой Татой весьма серьёзно относились к физкультуре, поэтому, когда у нас не получались кувырки и другие элементы акробатики, мы решили тренироваться ежедневно дома. В коридоре нашей квартиры положили матрац, и пока не научились выполнять все нужные для сдачи элементы, упражнялись в поте лица. Всё это сопровождалось шутками и смехом, а мама и Жека подправляли наши старания и веселились вместе с нами.

Кроме таких «увлекательных» занятий, я серьёзно отнеслась к предложению нашей пионервожатой из старших классов готовиться к вступлению в комсомол. Изучала историю и устав комсомола, читала газеты, следила за политическими событиями в стране и в мире. Побывала на встрече с матерью героини войны-партизанки Зои Космодемьянской – комсомолки, московской школьницы, казнённой фашистами зимой 1941 года в захваченной врагами подмосковной деревне Петрищево.

Наша 113-ая школа была рядовой московской школой, никаких детей высокопоставленных государственных или партийных руководителей там не обучалось. Подавляющее большинство детей были из семей с весьма скромным

достатком, причём процентов восемьдесят после войны не имели отцов или матерей... В понятие «общественная работа» в нашей школе входило немало, как сейчас бы выразились, «проектов». Вспоминая «проекты» тех дней, не перестаю удивляться и восхищаться нашими учителями: в условиях, когда ни школа, ни родители не имели никаких денег или возможностей к «доставанию» необходимых материалов, они организовывали много полезных и развивавших в нас человеческое достоинство дел. При этом всё это делалось за счёт их собственного времени, энтузиазма и средств. Мы делали какие-то стенды или плакаты, посвященные писателям, учёным, художникам, путешествиям в различные части света. Тогда не было в нужном количестве плакатов, таблиц, а уж тем более слайдов или фильмов, необходимых для преподавания разных предметов. Многие учителя приносили из дома альбомы, репродукции, открытки, старинные атласы, энциклопедии. Мы не только с интересом рассматривали их, но что-то копировали и перерисовывали для выполнения различных проектов (ни о какой копировальной технике тогда даже не мечтали!). Причём, «достать» лист ватмана, кусок кальки, краски, кисточки и прочие необходимые материалы и инструменты было большой проблемой, которая решалась учениками через родителей, родственников и их друзей. Думаю, что моё сегодняшнее бережливое отношение к бумаге и книгам – оттуда... Дома мы также находились в непрерывном поиске чего-то нужного для наших проектов. Помню, что для стенда знакомящего с элементами таблицы Менделеева¹, я не пожалела отдать свою единственную золотую вещь – кулончик, который мне вернули по окончании этого проекта.

Среди наших общественных забот были тимуровские походы к инвалидам войны, женщинам с маленькими детьми, мужья которых погибли на фронте. Там мы помогали делать что-то по дому, ведь тогда ещё на Брестских улицах были дома с печным отоплением. Доверяли такие работы только девочкам постарше и наиболее умелым и приспособленным, к таким отнесли и меня. Тимуровскими наши дела назывались по примеру дел ребят из повести Аркадия Гайдара² «Тимур и его команда». Произведения, написанные этим писателем, если отбросить попадающуюся там идеологическую шелуху, описывали добрые человеческие дела и отношения. После их прочтения хотелось делать что-то хорошее для окружающих и самому становиться лучше. Нравилось нам после уроков заниматься с первоклассниками: с ними мы играли в разные игры, читали и рассказывали сказки, ведь дома после школы большинство этих детей никто не встречал. Девчонки всегда с нетерпением ждали нас и очень непосредственно выражали своё расположение.

¹ Менделеев Дмитрий Иванович – великий русский учёный-энциклопедист, химик, физик, геолог, преподаватель, создатель периодического закона химических элементов, 1834 – 1907 гг.

² Гайдар Аркадий Петрович – русский советский детский писатель, 1904 – 1941 гг.

Комсомольский билет Виктории Вязуновой.

В седьмом классе меня торжественно одну из первых приняли в комсомол, ведь мне уже исполнилось пятнадцать лет! Я очень гордилась, мама всё это поощряла, хотя по-прежнему боялась, что меня посадят, ведь я во время войны находилась на оккупированной территории и за границей! Для тех времён – это страшные преступления, но при приёме в комсомол школьная организация и районный комитет комсомола о них не упомянули, настолько хорошие характеристики учителей и общественных организаций я тогда получила. Только в пятидесятые годы, когда я повстречала немало своих ровесников и даже людей младше меня, но уже отсидевших в лагерях ГУЛАГа по пять и более лет, я поняла, насколько реалистичны были мамыны

опасения и как мы должны быть благодарны моим учителям из 113-ой школы. Некоторые попадали в лагерь даже за единственное из этих «преступлений»!

Характерный для того времени эпизод. Осенью 1947 года Москва готовилась отмечать 800-тие основания города. Ожидая это событие, наша классная руководительница решила просветить нас. Мы начали читать об архитектуре сооружений Кремля, его башнях (внутри Кремлёвских стен тогда никого не пускали и никаких экскурсий не проводили). Елизавета Григорьевна решила пройти с нами вокруг Кремля, рассказать подробно о каждой его башне на месте. После осмотра всех башен мы должны были писать сочинение о Московском Кремле по своим впечатлениям. Почти все девочки приехали на Красную площадь, осмотр и повествование начали от Спасской башни, находясь от неё на почтительном расстоянии. Но не успели закончить с этой башней, как к нам подошёл человек в штатском и сказал, что возле Кремля нельзя ходить и чтобы мы немедленно уходили. Он повёл куда-то нашего педагога, оставив нас в состоянии шока. Поскольку кое-кто был записан и посещал библиотеку исторического музея, расположенную возле Кремля, мы успели крикнуть вдогонку учительнице, что будем ждать её там. Группа девочек, имевших абонемент в библиотеке, стали ждать Елизавету Григорьевну. Через час она появи-

лась, бледная и испуганная, но нам сказала, что всё в порядке и мы вернулись в школу. В дальнейшем она рассказала, что в охране Кремля её проверяли, звонили в школу, узнавали, действительно ли она работает в школе №113, не шпионка ли. Убедившись, что это учительница, отчитали её, предупредив, что подходить к Кремлю и тем более что-то о нём рассказывать нельзя! Такие времена... Сочинение о башнях Кремля мы уже не писали.

Мы очень серьезно и в Большем, чем в других школах, объёме разбирали поэзию Владимира Маяковского¹, учили много стихов, устраивали вечера, посвящённые его поэзии и, конечно, неоднократно бывали в ещё старом музее поэта. Елизавета Григорьевна договорилась там с Лилей Брик (муза поэта) о встрече с нами и такая встреча состоялась. Она нам что-то рассказывала о поэте, о двадцатых годах, но я думаю, что её роли в его жизни мы тогда не поняли, да и не «показалась» она нам молодым девчонкам, не «тянула» по нашим представлениям на МУЗУ поэта!

Я увлеклась поэзией Маяковского, много читала о нём, учила его поэмы наизусть. Мне нравились в его стихах агрессивность, открытость, правдивость и бунтарство. Эта увлечённость сохранилась у меня лет на десять, пока её не разрушили Ахматова и Пастернак², которых мы в сороковые годы совершенно не знали. Изучение Маяковского в школе было далеко не мирным, некоторым девочкам и их родителям его поэзия категорически не нравилась. И даже на родительском собрании один папа призывал учительницу не заставлять детей учить его стихи, так как это не поэзия, а какие-то непонятные словообразования. Выступал он очень выразительно и эмоционально, как потом рассказывала мама. Другие родители его не поддерживали, Елизавета Григорьевна своим литературным авторитетом убедила всех в необходимости серьёзного изучения творчества поэта.

С нами училась и приятельствовала дочь певца Большого театра (оперного) Большакова, поэтому мы довольно часто бывали в нём, она проводила нас туда по контрамаркам. После прослушивания опер с удовольствием распевали услышанные арии и хоры, кроме того по радио часто передавали записи опер и мы неплохо знали оперную классику. Тогда же произошло моё первое знакомство с классическим балетом Большого театра. Настоящее потрясение от прикосновения к прекрасному я испытала, когда смотрела балет «Бахчисарайский фонтан»³ Б. Асафьева. Танцевали две неизвестные мне в ту пору балерины: Марию – Г.Уланова, Зарему – М.Плисецкая. Нежная робкая, как мне показалось, замедленная Мария не произвела на меня особого впечат-

ления, зато Зарема – Плисецкая покорила яркостью, страстностью, бьющей полнотой жизни! Вот уж воистину: «Душой исполненный полёт»! Майю Плисецкую я запомнила на всю жизнь.

Начав взрослеть, девчонки почувствовали себя девушками (нам было по четырнадцать-пятнадцать лет), стали обращать внимание на мальчиков, учиться танцевать. Нас приглашали в ближнюю мужскую школу на вечера. Там, в полупустом зале, мальчики стояли у одной стенки, девочки – у другой. Многие из нас впервые танцевали с мальчиками, ведь в те годы из-за раздельного обучения девочки с мальчиками почти не общались. Правда, мы, несмотря на нашу «взрослость», иногда выходя во двор, самозабвенно носились с дворовыми мальчишками, часами играя в «казаков-разбойников». Наш двор выходил на две улицы: Горького и Брестскую, и был насыщен чердаками, подвалами и другими укромными уголками, где можно было прятаться. Поиски друг друга иногда длились несколько часов и даже переносились на другой день.

Самоощущение московской «взрослости» у меня произошло очень своеобразно. Мама какими-то немислимими путями «достала» (тогда слово «купила» почти не употреблялось, так как пойти и купить что-то в магазине просто за деньги, было невозможно) симпатичные туфли на небольшом каблучке. Конечно, в школу их надевать было невозможно, и освоение этого приобретения происходило дома. Когда я научилась ходить и вертеться на каблучках, мне захотелось где-то их продемонстрировать. В нашем классе училась девочка старше меня, её родственник был курсантом военного училища, расположенного недалеко от нас на Ленинградском проспекте. Она пригласила меня и Тату на вечер в училище, куда я и надела свои новые туфли. Зал и оркестр оказались там отличные, военные ребята приглашали танцевать без перерывов, но мне там показалось неудобно, неинтересно и скучно. Разговаривать с ними было не о чем. Больше я на такие вечера не ходила.

Мы с Татой иногда встречались у нас дома с моим двоюродным братом и его другом, которые были старше нас на три года, но с удовольствием играли с нами в различные игры. Предпочтение отдавалось играм в знаменитости, слова, города. Моего младшего братишку, конечно, в эти игры не принимали, но он постоянно крутился рядом, собирал наши записки и запоминал объяснения по каждой знаменитой личности. Каково же было моё изумление, когда через некоторое время он продемонстрировал такие знания знаменитостей, что мы вынуждены были признать его победу. Несмотря на разницу в возрасте с ребятами, мы находили много общего и с интересом обсуждали учебные дела, прочитанные книги, просмотренные спектакли и фильмы. Они учились в знаменитой арбатской школе №110, закончив которую Леня посту-

¹ Маяковский Владимир Владимирович – русский советский поэт, один из крупнейших поэтов XX века. Кроме того, драматург, художник, киносценарист, кинорежиссёр и киноактёр, 1893 – 1930 гг.

² Пастернак Борис Леонидович – один из крупнейших поэтов XX века, лауреат Нобелевской премии, русский писатель, 1890 – 1960 гг.

³ Балет «Бахчисарайский фонтан» – композитор Борис Асафьев, либретто Николая Волкова по мотивам одноимённой поэмы Александра Сергеевича Пушкина.

пил в Станкин, а его друг – в Архитектурный институт. В это время у них появился фотоаппарат, мы стали их «моделями», на этих фотографиях они учились. Иногда мы прогуливались все вместе по улице Горького до Пушкинской площади, на которой в праздники устраивались народные гуляния и танцы, на Новый год там устанавливали огромную красивую настоящую ёлку.

Виктория с братом Лёней Бирманом, Москва, улица Горького 53, весна 1948 г.

20

Денежная реформа 1947 года

В декабре 1947 года разразилась денежная реформа, которая очень тяжело ударила по нашей семье. Перед реформой ходили разные слухи, мама с тётёй Маней сидели и обсуждали, что делать. К этому времени мама продала самую ценную оставшуюся папину вещь – полушубок¹, по-моему, за три тысячи рублей, чтобы приобрести мне что-то из одежды, так как я уже выросла из всего, в чём приехала из Румынии. Деньги лежали в сбербанке, но ходили слухи, что менять будут по полторы-две тысячи рублей и только по месту работы рубль на рубль. Думаю, что слухи специально распространяли люди из МГБ. Мама с тётёй решили, что заберут эти деньги из сбербанка и поменяют их на работе без потерь. Так и сделали. Последний вечер перед обменом денег мама дала мне пятьдесят рублей, Тате также дали деньги в надежде, что мы что-то купим. Реализовать это «богатство» было уже невозможно. Мы бежали всю улицу Горького, но ничего нельзя было купить, даже в аптеке.

На следующий день выяснилось, что расчет на обмен по месту работы был неправильным. Вклады в сбербанке до трёх тысяч рублей обменивались один к одному, те, кто хранил деньги дома, получал один рубль за десять старых. Мы потеряли единственные наши «сбережения», это был страшный удар для семьи, мама была в отчаянии. Ведь материально мы очень пострадали не только от денежной реформы, но и от одновременно состоявшейся отмены карточной системы. По карточкам можно было купить какой-то минимум продуктов, которыми мы и обходились, по низким ценам. После отмены – всё это приобреталось по более высоким ценам. Никаких сбережений, ценных вещей и вообще необходимых для жизни вещей, у нас не было, всё было потеряно во время войны.

¹ Полушубок – короткая, до колен, зимняя верхняя одежда на меху.

Мама не стала вовлекать нас в этот сонм, вновь возникших перед семьёй, проблем! Она снова приняла удар на себя и, более того, старалась наполнить нашу жизнь другими, более светлыми, впечатлениями.

Приближался Новый 1948 год. Маме на работе для нас выдали билеты на ёлку в Колонный зал дома Союзов (здание бывшего дворянского собрания). Там было весело, и мы радовались яркому новогоднему празднику, выступлениям артистов, подаркам, окунулись в атмосферу замечательного сказочного представления встречи Нового года.

Несмотря на наше нелёгкое положение, мама, любившая драматические театры и неплохо знавшая репертуар московских театров тридцатых годов, старалась при первой возможности водить меня на лучшие спектакли. Я побывала с нею в Малом театре, во МХАТе и даже в оперетте, где мы посмотрели «Табачный капитан»¹. Оперетта увлекла меня. После этого я решила, что должна пересмотреть все классические оперетты, представляемые тогда московским театром. Это своё решение я осуществила до конца учебного года, с помощью каких-то немислимых ухищрений по приобретению билетов тёти Мани и её соседки тёти Симы, очень ко мне расположенных. Мама была против, считая этот жанр легкомысленным и вредным для моего развития.

Портрет Виктории 1936 года,
найденный в Мончегорске.

О довоенном детстве в 1947 году напомнил мой портрет 1936 года, сделанный в посёлке Незаметном. Мама считала, что он пропал в 1941 году, когда папа без нас срочно эвакуировался из Мончегорска. И вот его кто-то привез и вручили маме! История его находки такова: мончегорский детский врач, уже после окончания войны, пришла по вызову к больному ребёнку и вдруг заметила на стене этой квартиры мой портрет. Она до войны знала нашу семью и сразу узнала меня. Спросила у хозяев: откуда у них этот портрет, они объяснили, что им кто-то его дал, как картинку! Ей удалось уговорить этих людей отдать ей его, после чего она долго искала маму и, найдя, переслала.

Очень тяжёлый для семьи случай произошёл до реформы, когда мы ещё получали хлеб по карточкам. У нас на площадке в квартире напротив жила не очень благополучная семья: отец пил, дети плохо учились, и среди них была уже довольно взрослая девушка, которая по разным поводам иногда к нам заходила, и мама чем-то им помогала. Однажды днём, когда Жека был один дома, в дверь позвонила незнакомая девушка и сказала, что у неё есть сведения о нашем папе. Мальчик поверил, открыл, вошли две девушки и начали ходить по квартире, зачем-то прошли на кухню, но ничего о папе не сказали. Брат говорил, что чувствовал в их поведении какой-то подвох, но сделать уже ничего не мог... Вечером мама обнаружили, что исчезли наши хлебные карточки почти на десять дней! Ежедневно по этим карточкам мы получали 1350 граммов хлеба. Кроме карточек исчезла ещё и золотая безделушка, которую мне подарила Мария Романовна на тринадцатилетие, но главная беда – это отсутствие хлеба. Мы подозревали, что всё это произошло не без участия девушки из квартиры напротив. Нам с трудом удалось выбраться из этой сложной ситуации, тётя Маня помогла, мама что-то продала, но, в общем, было голодно в эти дни без хлеба. Мама, конечно, заявила в милицию, но они ничего не нашли. Такие случаи воровства были тогда распространённым явлением. В нас долгие годы жила надежда, что папа жив и найдётся (ведь я же нашлась!), вот почему Жека впустил этих девушек. Мы, как и все, у кого близкие не вернулись с войны, очень прислушивались к подлинным, а порою фантастическим, историям о чудесных возвращениях домой без вести пропавших солдат. И в те годы находилось немало мошенников, которые умели пользоваться горем, постигшим многие семьи.

В начале зимы 1947 года мы получили письмо из Одессы от бывшей (до революции) кухарки семьи Иосифа Людвиговича, которая всю жизнь очень трогательно и заботливо к нему относилась. Я помнила её по Одессе 1943-44 годов, Мария Романовна тогда ей постоянно помогала. Она нам сообщила, что Гонсиаровский сидит в лагере по 58-ой статье, где-то в районе Мелитополя, ему очень плохо, холодно и голодно. Конечно, помочь ему материально на свою нищенскую пенсию эта уже очень пожилая женщина не могла, и мы с мамой через неё (для конспирации: ведь мы хорошо знали, что такое 58-ая статья!) начали отправлять посылки, письма и деньги. Я напрягла свои вязальные возможности и связала очень тёплую безрукавку, из какой-то толстой шерсти, приобретённой неведомыми путями. Понимая, что об этом нельзя никому говорить, я, конечно, молчала, что умела с раннего детства. Даже своей лучшей подруге Тате ничего об этом не рассказала. После постигших нас потерь от денежной реформы мама понимала, что помогать Иосифу Людвиговичу станет ещё трудней. Думаю уже тогда она начала серьёзно обдумывать план отъезда

¹ Табачный капитан – оперетта, музыка Владимира Щербачева, либретто Н. Адуева.

в Норильск, но меня в это не посвящала. Несмотря ни на что, мы помогали ему до конца срока пребывания в лагере, по-моему, до 1954 года. Из писем этой необыкновенно преданной семье Гонсиаровских женщины мы узнали, что Мария Романовна жива и находится где-то в Румынии, но связи с нею нет.

Но никакие материальные затруднения не могли в тот год отвлечь меня от всеобщего увлечения московских подростков трофейными фильмами. Наше внимание тогда привлекали не только оперная музыка, балеты, классические театральные постановки, чтение художественной литературы, но мы с удовольствием тайно бегали смотреть эти необыкновенные для нас фильмы. Они демонстрировались только на клубных экранах без какой-либо рекламы со строгими ограничениями посещений для детей и подростков! Взрослые считали, что мы не должны видеть эти «разлагающие» нас кинофильмы! Девчонки быстро обнаружили, что их можно смотреть в ближайшем к нам клубе имени Зуева на Лесной улице. Конечно, даже при наличии денег нас туда не очень-то пускали. Девчонки постарше, в том числе и я, пробирались на эти фильмы, считавшиеся в те времена чем-то недопустимо неприличным. В немецком фильме «Девушка моей мечты» нас потрясли не содержание, не горные виды, не наряды героини, не музыка, а купание голой девушки в бочке! По городу поползли слухи – анекдоты: большие любители этого жанра смотрят фильм много раз в разных клубах в надежде, что девушка вылезет из бочки в полный рост; другие утверждали, что в фильме так и было, но киномеханики вырезали эти кадры и теперь продают их по одному кадру за большие деньги!!! Школьники подхватили нехитрую мелодию песенки из этого кинофильма. Очевидно, у кого-то из девчонок или мальчишек возникли большие трудности с алгеброй и появились незамысловатые строчки:

*Кто по алгебре колов не получает
Для того звёзды яркие сверкают
Для того губки алые пылают
Для того, кто страстно влюблён!*

В дальнейшем в этом же ставшем нам близким клубе, построенном в стиле конструктивизма (после войны он выглядел очень непривлекательно и облезло), мы смотрели замечательный американский фильм «Серенада солнечной долины». Музыка к фильму и оркестр под управлением Глена Миллера пришлись нам по вкусу, а Соня Хени нас просто заворожила своим катанием на коньках! Все девчонки дружно решили учиться кататься на коньках, чтобы так же танцевать, как она. Мне, конечно, страстно хотелось этим заняться, но я уже понимала, что нам с мамой не осилить таких затрат. И снова мы распевали песенку из полюбившегося фильма:

*Мне декабрь кажется маем
И в снегу я вижу цветы.
Отчего так в мае сердце замирает –
Знаю я, и знаешь ты!*

Вскоре эти впечатления были вытеснены появлением на экранах очаровательной, непосредственной, очень хорошенькой и молоденькой Дины Дурбин в американском музыкальном фильме «Сестра его дворецкого». Она завладела сердцами девчонок на несколько ближайших лет.

Дина Дурбин

Соня Хени

В.Вязунова, 1948год, Москва
Воодушевлённый
трофейными фильмами,
мой брат Лёня пытался
создать фото
достойное Голливуда.

21

Окончание школы

Главным в 1947/48 учебном году для меня оставались занятия в школе: седьмой класс был выпускной, в конце учебного года предстояло сдать более десяти экзаменов. В то время в стране действовал закон об обязательном семилетнем образовании, поэтому многие дети после окончания семилетки поступали в техникумы, ремесленные училища или начинали работать. Наши замечательные учителя нагружали нас безбожно, дня не проходило без сочинения или доклада, либо сбора какого-нибудь дополнительного материала по разным предметам. Училась я неплохо, занималась дома много и с удовольствием. Много времени проводила в библиотеках, роясь в интересующих меня материалах, найти которые тогда можно было только там. Казалось, что я буду гуманитарием, меня тянуло к литературе и истории. И часто занимаясь в библиотеке исторического музея, я с надеждой поглядывала на старинное здание МГУ¹. Мне была симпатична наша учительница истории, эта немного мужеподобная женщина с низким голосом и прекрасной речью на своих уроках всегда овладевала нашим вниманием. Она очень подробно и интересно рассказывала о древней Греции, Риме, и даже Средневековье в её изложении казалось не столь кровавым. Эти рассказы привлекали не только подробными и красочными описаниями отдельных исторических личностей, сражений и государственных устройств, но возбуждали интерес к культуре древних народов. От неё мы не только услышали имена Софокла, Еврипида, Горация, Данте, но и поняли, что их можно и нужно читать. Учительница приносила на уроки старые дореволюционные альбомы, которые желающие рассматривали с интересом и непониманием. Рекомендовала, что можно посмотреть в библиотеке, правда, там нам выдавали

далеко не всё. Популярной литературы для школьников о древнем мире и его культуре тогда ещё не было. Сейчас я поражаюсь её смелости в преподавании этого предмета для тех времён! История после её рассказов представлялась мне интересной и увлекательной для дальнейшего изучения.

Несмотря на мой гуманитарный уклон, я дружила и с математикой. Наша учительница – смешная немолодая кругленькая женщина с птичьим лицом, прозванная классом «Кукарача», сумела заинтересовать нас своим предметом. Она, очевидно, была очень неплохим педагогом и внедрила в нас твёрдые знания основ алгебры, геометрии и тригонометрии. Благодаря этим, хорошо усвоенным основам, я в дальнейшем никогда не испытывала затруднений с математикой.

Пришла весна, мы прекратили походы в театры, музеи и сосредоточились на подготовке к экзаменам. Из развлечений у нас остались только непродолжительные прогулки вечером. В это время Тата познакомилась со своим новым соседом нашим ровесником Марком, у него была отличная собака-овчарка, которую он каждый вечер выгуливал. Вчетвером мы иногда прогуливались, обсуждая разницу в порядках мужской и женской школах, учителей, приближающиеся экзамены и футбольные новости. Марк был заядлый футболист и болельщик.

Но вот начались экзамены и тянулись целый месяц. Всё было достаточно серьёзно: принимали экзамены и наблюдали за нами не только наши учителя, в комиссиях были и учителя из других школ. Хотя мы сдавали экзамены ежегодно и совсем неплохо подготовились, все девочки сильно волновались: ведь это выпускной класс! Поддавшись общим волнениям, к устным экзаменам я тщательно готовила шпаргалки, «шпоры», как мы тогда их называли. На маленьких листочках тонкой бумаги тщательно очень мелко выписывались основные даты, формулы. Но я не воспользовалась ими: стало стыдно, да и знаний, очевидно, хватило без них. На письменных экзаменах никакие «шпоры» не помогли бы. Все экзамены я сдала на пятёрки. Получила документы об окончании семи классов и хорошую характеристику.

Ещё до начала экзаменов мама сообщила, что ведёт переговоры о нашем переезде в Норильск, где она сможет больше зарабатывать и, возможно, я должна буду поступить в техникум. Меня это очень огорчило, я так привязалась к школе, учителям, подругам, что не представляла жизни без них. Наша классная руководительница, когда узнала об этом, пришла к нам домой и уговаривала маму оставить меня в школе, пыталась через ГорОНО (городской отдел народного образования) добиться для меня какой-то стипендии. Она считала, что я должна окончить здесь десять классов и поступать в университет.

После окончания экзаменов Елизавета Григорьевна организовала поездку в Подмоскovie всем классом. Мне было очень грустно: я прощалась со ставшими за два года необыкновенно близкими девчонками и любимой учительницей.

¹ МГУ – Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, один из старейших и крупнейших классических университетов России.

Итоговые оценки знаний и поведе						
Название предметов	Оценки (отметки) по четвертям				Зачетом	Годовая оценка (отметка)
	I	II	III	IV		
Русск. яз. (устно)	4	4	5	4	5	5
«впись»	4	4	4	4	4	4
Литература	5	5	5	5		5
Арифметика	4	4	4	4	5	4
Алгебра	4	4	4	5	5	5
Геометрия	4	4	4	5	5	5
Тригонометрия	3	5	5	5	5	5
Естествознание	5	5	5	4	5	5
История	4	4	5	5	5	5
Искусство СССР	5	4	4	5	5	5
География	3	4	4	4	5	4
Физика	5	4	4	5		5
Химия	5	4	4	5		5
Госзаконы						

Итоги работы ученицы 7-го класса Вязуновой Виктории.

Мы весь день провели в лесу, на речке, но к вечеру я совершенно раскисла. Дома выяснилось, что у меня температура под 40 градусов. Вызвали врача и у меня обнаружили малярию, я тяжело и долго болела. Всё это время меня навещали мои школьные подруги и учителя, а уж Тата вообще от меня не отходила. Шестнадцатилетие я встретила в постели. Когда я, наконец, выздоровела, моя дорогая подруга Тата уехала в Башкирию, девочки разъехались на летние каникулы. Мы с мамой начали собираться в дальнюю дорогу – в заполярный Норильск.

Виктория с подругами на крыше сарая, Москва, Воровского б, весна 1948 год.

После отъезда Таты на каникулы и моего выздоровления я продолжала встречаться с Марком почти ежедневно. Он демонстрировал повышенные знаки внимания: удирал от родителей с дачи, куда они переехали на лето, привозил мне цветы. Марк был обыкновенный мальчик довольно высокого роста, выглядевший достаточно взросло и самостоятельно для тогдашнего домашнего шестнадцатилетнего подростка. Он чем-то меня заинтересовал, наверное тем, что не имел такого «бурного» военного прошлого, как я. Папа его не воевал, мама не работала, очевидно, семья не испытывала никаких трудностей. Встречались после войны и такие благополучные семьи. Гуляя с Марком по городу, мы много разговаривали, рассказывая друг другу о своей жизни (я, как всегда, с большими купюрами), об учёбе, о прочитанных книгах. Мне было интересно с ним летом 1948 года. Я подробно изучила многочисленные аттракционы парка культуры им. Горького, часто резвясь на них. По его приглашениям я впервые посещала футбольные матчи ведущих команд страны на стадионе «Динамо», где начала горячо «болеть» почему-то за «Спартак». Я была увлечена этим мальчиком, мне казалось, что даже влюблена в него: возраст и огромное количество прочитанных на тему влюблённости книг разжигали моё воображение. Мама, будучи замороченной делами, связанными с нашим отъездом, никак не реагировала на мою увлечённость. Когда подошло время отъезда, мы с ним очень загрустили и последний вечер в парке отметили поцелуем – первым поцелуем в моей жизни!

Центральный парк культуры и отдыха, Москва 1948год.

22

Норильск. Техникум

В конце июля наша семья начала длительное путешествие на восток страны: сначала на поезде мы добрались до Красноярска (около недели), потом ждали в гостинице парохода, который по Енисею должен был нас доставить в Дудинку. Старинный сибирский город Красноярск мне не понравился, показался запущенным, провинциальным, ничего интересного, кроме красавца Енисея, в нём не обнаружила. Я была совершенно подавлена и удручена расставанием с Москвой, школой и особенно нашим классом. Удивительно, что всего за два года класс стал для меня центром школы, Москвы, мира!

После продолжительного ожидания мы погрузились на пароход «И. Сталин» и поплыли третьим классом по поразившей меня своей мощностью и какой-то неистовостью, величественной, огромной реке. Неудивительно, что на меня сильное впечатление произвела эта необыкновенная река, даже великий А.П. Чехов писал: «...в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея...». Судно оказалось довольно комфортабельным для того времени, особенно для более зажиточных пассажиров первого класса. Третий класс напоминал общие жесткие вагоны железной дороги, а пассажиры четвёртого класса размещались на палубе. Мой будущий муж находился на этом пароходе среди палубных пассажиров, но мы не заметили друг друга. Пароход часто останавливался, я ни с кем не общалась, а любовалась, замирала от восторга, глядя на пороги и тайгу, что подступала к берегам. От этой красоты грустила ещё сильнее, всё время думала о Марке, Тате, об оставленном в далёкой Москве моём мире, тосковала, писала письма.

В Дудинке Енисей вновь поразил меня своей шириной: его серо металлическая поверхность простиралась за горизонт. День прибытия был мрачный, холодный и дождливый, перед глазами на берегу предстал небольшой какой-то нео-

прятный неприветливый поселок с множеством подъёмных кранов на берегу. Дудинка числилась центром Таймырского национального округа, фактически это был морской и речной порт – перевалочная база Норильского горно-металлургического комбината. На улицах я вновь (после Мончегорска) увидела колонны бредущих заключённых, что меня не удивило, а добавило грусти и неприятия этих мест. Дальше мы ехали по узкоколейной стокилометровой железной дороге, которая вела в Норильск. По этой дороге, пролегавшей по унылой и безрадостной тундре с языками нерастаивающего за лето прошлогоднего снега, в небольшом вагончике мы тряслись медленно и тоскливо часов четырнадцать. Мама предупредила своих норильских друзей о прибытии, поэтому нас встретил Михаил Фёдорович Ерёмченко, и мы почти месяц прожили у них в квартире.

Посёлок Норильск произвел на меня тягостное впечатление: сразу от вокзала (фактически никакого вокзала не было, какой-то небольшой домик) начинались улицы с двухэтажными деревянными и бутовыми¹ домами, а за ними виднелись одноэтажные бараки. В конце улицы Заводской, на которой мы поселились, дымили заводские трубы промышленной площадки. Несмотря на то, что календарно лето ещё не закончилось (это были двадцатые числа августа), погода стояла холодная, промозглая и на горах, которые возвышались над посёлком, я увидела свежее выпавший снег. По грязным серым без единого деревца улицам утром и вечером проходили огромные колонны заключённых. Вокруг посёлка и на горе Рудной виднелись лаготделения (так здесь назывались площадки, где содержались заключённые). Каждое лаготделение отгорожено заборами из колючей проволоки с вышками, на которых постоянно дежурили стрелки с оружием. Подходить к этим заборам категорически запрещалось. И хотя Норильск был местом, откуда папа ушёл на фронт, вид его не вызвал во мне добрых чувств.

Вид посёлка Норильск 1940-х годов, школа №3, где учился Жека.

¹ Бут - куски камня неправильной формы из норильских горных пород, использовавшиеся для строительства домов.

Мама сразу занялась оформлением на работу и решительно заявила, что я дальше буду учиться в Норильском горно-металлургическом техникуме. Основные доводы мамы о необходимости моего поступления в техникум были таковы: в Норильском техникуме можно получить хорошее образование; для нас важно, что студентам платят приличную стипендию; с моими оценками за седьмой класс принимают без экзаменов. Я страшно не хотела поступать в техникум, плакала, переживала, но понимала, что маме нас одной не вытянуть, тем более, пока мы добирались до Норильска, сменился директор комбината и ей предложили работу, которая оплачивалась значительно ниже обещанной ранее. Мама моей рукой заставила написать заявление о приёме в техникум на первый курс электромеханического отделения (ЭМО), но я хотела, если уж поступать, то на отделение геологии. Она вполне реалистично, чего я тогда ещё не понимала, боялась, что меня, вообще, не примут в техникум – не пропустит мандатная комиссия¹ из-за пребывания в оккупации и за границей. И, конечно, не пропустила бы, если бы не подключились мамины знакомые по прежней работе в Норильске – ведущие инженерно-технические специалисты комбината. За несколько дней до начала учебного года мама отправила меня на эту комиссию, предварительно проинструктировав, что нужно там говорить.

На заседании комиссии мне не задавали никаких «каверзных» вопросов, просто спросили, где я хочу учиться и я выпалила: «На геологическом отделении!», ведь мамы рядом не было! За день до начала занятий, придя в техникум, я зашла к секретарю, узнать приняли ли меня, она направила меня на первый этаж, предложив поискать свою фамилию в вывешенных списках. Там толпились в основном парни, которые что-то бурно обсуждали. Начав искать свою фамилию в списках принятых геологов и, не найдя её, я обрадовалась, решив, что меня не приняли, и я пойду в школу. Но рядом какие-то ребята читали списки других отделений вслух, и вдруг я услышала свою фамилию. Тогда я начала внимательно изучать списки других отделений и нашла себя принятой на электромеханическое, что меня совершенно не обрадовало. Удручённая, со слезами на глазах я поплелась домой. Бредя по Октябрьской улице рядом с движущимися колоннами заключённых и оплакивая свою «несостоявшуюся» жизнь, мне малодушно захотелось лучше стать заключённой, чем учиться в этом техникуме!

Так я стала студенткой первого курса электромеханического отделения Норильского горно-металлургического техникума, и первого сентября

¹ В те годы в СССР при оформлении в учебные заведения абитуриентов обязательно проверяли комиссии, которые назывались мандатными. Они должны были выявлять «неблагонадёжных», то есть бывших заключённых по политическим статьям или их детей, тех, кто был на оккупированных территориях или за границей и других «подозрительных» граждан. Никто не мог поступить в учебное заведение без разрешения мандатной комиссии.

1948 года пошла на занятия с отвращением к своей будущей специальности, Норильску и нежеланием учиться в этом учебном заведении. Если бы не моё безграничное уважение к маме и невозможность для меня её огорчить, то я, безусловно, сбежала бы в школу. Как всегда в трудные минуты я вспоминала папу, мысленно ища в нём опору. Я понимала, что в моей жизни вновь всё резко изменится и нужны новые силы, чтобы понять, принять и освоить эту непривычную и чуждую мне реальность. Тогда казалось, что таких сил я в себе не найду и мне не хотелось жить. Никакого даже приблизительного представления о будущей специальности у меня не было, да и желания что-то узнавать о ней совершенно отсутствовало. Я была вся во власти воспоминаний о, ставших такими близкими, московских друзьях...

Норильский горнометаллургический техникум, 1949 – 1950 годы. Основное здание.

Мама искренне радовалась налаживающейся жизни: меня приняли в техникум, Жека пошел в школу, которая располагалась недалеко от дома на улице Заводской, где нам выделили небольшую квартирку.

Техникум располагался в двух зданиях на улице Октябрьской, в то время самой большой улице посёлка. Основное здание – хорошее двухэтажное с аудиториями, библиотекой, столовой, концертным залом. Рядом еще одно – частично занятое общежитием техникума. На первом этаже этого здания разместились аудитории и лаборатории электромеханического отделения, где занимались во вторую смену первый и второй курсы этого отделения. Ежедневно перед началом занятий в основном здании проводились военизированные

ные линейки: выстраивались все студенты, и староста каждого курса докладывал о готовности. Нас знакомили с распоряжениями руководства техникума, после чего все расходились по аудиториям, а нам, студентам ЭМО, приходилось бежать по улице в своё рядом стоящее здание. Все «удобства» (уборные) располагались на расстоянии метров пятьдесят от этого здания, на бутре. Посещение этого «заведения» было неприятным и довольно опасным для здоровья долгой заполярной зимой. Всё это увеличивало во мне неприятие техникума.

На нашем курсе обучались более тридцати студентов, а девочек оказалось всего трое. Первые дни я была просто в ужасе: после интеллигентной женской школы я попала в достаточно грубый мужской коллектив, показавшийся мне сначала собранием слабо образованных молодых парней. Сразу начались напряжённые занятия, по восемь часов ежедневно, много физики, с которой у меня оказались довольно «натянутые» отношения. Вскоре я поняла, что необходимо напряжённо работать, ведь за предстоящий учебный год мы должны одолеть трёхгодичную школьную программу по математике, физике и химии (с восьмого по десятый классы). Наши занятия начинались в два часа дня. Это дало возможность Михаилу Фёдоровичу по просьбе мамы устроить меня на работу в библиотеку окружкома профсоюзов, что слегка сгладило наши материальные затруднения.

Библиотека размещалась в здании клуба профсоюзов, в пяти минутах ходьбы от нашего дома. В одноэтажном обширном здании клуба профсоюзов, кроме библиотеки, располагался хороший зрительный зал с подсобными помещениями. Очень привлекательно выглядела резная деревянная отделка клуба, расписанная под Хохлому. Мой рабочий день начинался в восемь часов утра. Шестнадцатилетним по закону полагалось работать по шесть часов в день, заведующая библиотекой разрешила уходить на полчаса раньше с условием выполнения мною необходимого объёма работ. Из библиотеки я бежала в техникум, находившийся не близко, иногда удавалось уехать туда на «воронке»¹, автобусов в Норильске тогда практически еще не было.

Я была весьма книжной девчонкой, прочитанные книги имели на меня огромное влияние, поэтому работа в библиотеке просто помогала жить. Очень правильно когда-то заметил Вячеслав Иванов²: «Библиотека – продолжение нашего внутреннего мира». В том первом норильском сентябре я с удовольствием ежедневно бежала в библиотеку через тоскливые ледяные дожди, первые снежные метели, гололёд...

Вечерняя смена библиотекарей оставляла мне для обработки все книги, которые вернули читатели вечером предыдущего дня, книг же бывало очень много,

в Норильске читали весьма активно. Читателей во все дни недели было так много, что к библиотекарям выстраивались очереди, а в читальном зале, забитом до отказа, некоторые рьяные книголюбы наслаждались чтением стоя. Читатели – в основном образованные люди из числа освободившихся из лагерей. В мои обязанности входило: найти формуляры к каждой книге и расставить их по местам на полках; если попадались порванные страницы, подклеить их. В библиотеке было много хороших и даже редких для тех лет книг, приобретённых за немалые деньги в центральных районах страны. Женский коллектив отнесся ко мне очень доброжелательно, в дальнейшем я многие годы сохраняла с ними дружеские отношения. В выходные дни я работала на абонементе – выдавала книги. Здесь меня начали замечать молодые люди, пытавшиеся завязать знакомство, но я считала, что мой друг в Москве и мне никто не нужен.

Здание клуба профсоюзов, посёлок Норильск, 1940-ые годы.

Всё в Норильске в первые два месяца меня не радовало, только письма от Таты и немногословные от Марка приободряли. Отношения с мамой ухудшились, мы постоянно были недовольны друг другом, ей некогда было вникать в мои переживания. От одиночества и недовольства жизнью я начала вести дневник, поэтому кое-что теперь вспоминаю благодаря своим сохранившимся записям. Судя по этим записям, я жила в мире книжных героев, в котором царила неразбериха. То я проживала близкую мне героическую жизнь с Зоей¹, с Гулей² и даже с Любовью Яровой³. Мне так хотелось быть похожей на них, ведь на войне всё гораздо проще: здесь – свои, там – враги, фашисты или белые. Защищай Родину, сражайся с врагами, а окружающая жизнь и не геро-

¹ «Воронка» – это грузовая бортовая автомашина с натянутым брезентовым верхом, залезать в которую было очень неудобно, особенно женщинам, в те времена еще не носившим брюки.

² Иванов Вячеслав Всеволодович – российский лингвист, семиотик, антрополог, академик, 1929 года рождения

¹ Зоя Космодемьянская – героиня войны 1941 – 1945 гг.

² Гуля Королёва – героиня той же войны, описана в повести «Четвёртая высота» Елены Ильиной, 1901 – 1964 гг.

³ Любовь Яровая – героиня одноимённой пьесы К. Тренёва, у которой преданность идеям большевизма побеждает любовь к мужу.

ичная, и не понятная! Тут же неожиданно пыталась понять мягкого романтического и совсем не героического Фредерика из «Воспитания чувств» Флобера¹; почему-то совершенно не воспринимала Шиллера с его борющимися героями из «Вильгельма Телля».

*И всё же книги –
Как над нами книги
Неумолимо проявляют
Власть!*

Б. Ахмадулина²

Первое время никаких успехов в учёбе у меня не наблюдалось, я не справлялась с тем количеством материалов, которое обрушивали на нас преподаватели, получала даже двойки по физике. Из-за работы заниматься дома мне не хватало времени, а чтобы быть в курсе изучаемого предмета нужно внимательно слушать преподавателей на занятиях. Я же частенько мысленно улетаю в Москву. Преподаватели относились к нам по-взрослому требовательно, домашние задания были весьма объёмны, менее десяти задач по любому предмету не задавали. Посещение техникума и занятия меня тяготили, ребята в группе казались все на одно лицо, неотёсанные и неинтересные. Вот моё подлинное настроение первого месяца: *«О техникуме не хочется писать, всё там такое непривлекательное, обыденное. Много думаю о нашей школе, о милых хороших учителях. Какое было хорошее время эта последняя весна! Ведь мне всего лишь шестнадцать лет, почему же у меня всегда какое-нибудь горе, переживания, как бы мне хотелось быть беззаботной, весёлой, как многие мои ровесники, но, увы, жизнь делает с человеком, даже таким маленьким, как я, что ей угодно».*

Эти грубые парни выбрали меня комсоргом³. Будучи добросовестной комсомолкой, я начала серьёзно заниматься комсомольской работой: проводить собрания, организовывать интересные для всей группы дела, «воспитывать» отстающих и т.д. В годы моего пребывания в техникуме там проводилось огромное количество собраний – то курсовые, то отделенческие (факультетские), то общие, техникумовские, причём собрания длились иногда до поздней ночи. Споры не прекращались от собрания к собранию, на них систематически «прорабатывали» каких-то нерадивых студентов то за неуспеваемость, то за недостойное поведение в быту. Но больше всего тратилось времени на ознакомление, обсуждение и одобрение постановлений партии и «гениальных» произведений И.В. Сталина. В 1950-м году по привычке, привитой учителями

113-ой школы, я пыталась разобраться с вопросами языкознания, изложенными в его работе «Марксизм и вопросы языкознания». Эту работу необходимо было «проработать» на собрании. Искала в библиотеках какие-либо материалы по теме, но понять что-то в этом я, конечно, не могла. И какой-то немолодой, пугающе образованный читатель профсоюзной библиотеки, куда я пришла за помощью и разъяснениями к своим бывшим коллегам, сказал: *«Девочка, не морочь себе голову, зачитай ребятам дословно текст и забудьте о нём».* Я так и сделала, по-моему, тогда у меня появились первые сомнения в необходимости дальнейшего изучения философии.

Впервые мне, как комсоргу, пришлось осуществлять очень тягостную «подписку на государственный заём». В СССР ежегодно проводились такие кампании не только на предприятиях, но и в учебных заведениях. Каждый должен был подписаться под обязательством, отдать свой месячный заработок (стипендию) государству, и в течение года ежемесячно эти деньги удерживали! Когда заканчивалась годовая выплата, на сумму подписки выдавались бумажные облигации «Восстановления и развития народного хозяйства». По этим облигациям государство обещало когда-то расплатиться. Прошло более двадцати лет, и мы действительно получили по этим облигациям деньги, но суммы были в десять раз меньше с учётом очередной денежной реформы. Официально ответственными за осуществление и результаты этой кампании были партийные и комсомольские органы, поэтому я вынуждена была этим заниматься. Как уж мне это удалось не пойму, ведь почти все ребята нашего курса были старше меня и многие очень не хотели подписываться по вполне понятным причинам: не хватало денег на пропитание. Подавляющее большинство студентов техникума жили в общежитии без родителей. Они приехали на учёбу из различных районов огромного Красноярского края, были крайне бедны и не имели никаких доходов, кроме стипендии, родители, в основном матери, помогать им материально не могли. Я, как и другие молодые люди, ощутившие на себе прошедшую войну, понимала необходимость восстанавливать страну из руин и что делать это должны мы, молодые. Поэтому я искренне убеждала ребят подписываться, хотя жалела и их, и себя! Самое удивительное, что со всего курса не подписался только один человек. В дальнейшем я узнала, что такую же подписку проводят и среди заключённых. Не буду писать о своих размышлениях, сошлюсь лучше на слова человека в молодости прошедшего сталинские лагеря – Т.Петкевич¹ *«И лишённые свободы люди, почитая вжитое в сердце понятие «отечество», те, которые ночами видели сны о хлебе, подписывались на заём своей страны».*

¹ Гюстав Флобер – французский писатель, 1821 – 1880 гг.

² Ахмадулина Изабелла Ахатовна – русская поэтесса, писательница, переводчик, 1937-2010 гг.

³ Комсорг – выборный руководитель первичной комсомольской организации (курса), общественная нагрузка.

¹ Петкевич Тамара Владимировна – русская актриса, театровед, писатель, 1920 года рождения.

Преподаватели техникума, в основном, недавно освобождённые ссылки или заключённые норильских лагерей, а также их жены, оказавшиеся в Норильске по собственной воле. Преподавательский состав необыкновенно сильный, бывшие преподаватели столичных ВУЗов. Все воспитанные, образованные люди, прекрасно знающие и умеющие великолепно преподнести свои предметы, немало пережившие и повидавшие в жизни.

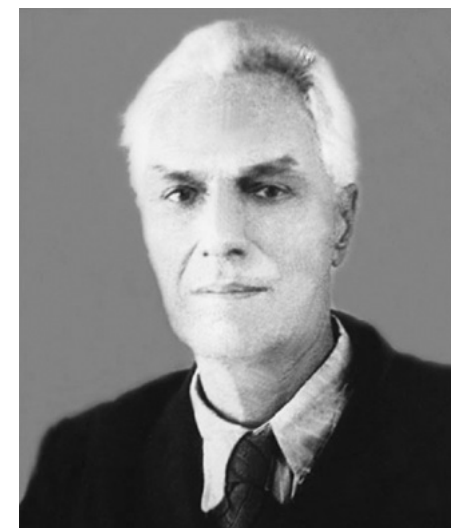
Иностранный язык был только английский, преподавала его Гертруда Яковлевна Кливанс, американка окончившая Гарвард, плохо говорящая по-русски, но отлично дававшая нам английский. В её облике было что-то благородное и достойное. История её появления в Норильске трагична. В начале тридцатых годов двадцатого века она познакомилась со своим будущим мужем – советским инженером Грампом А.Н., который учился в США. Там он получил степень магистра технических наук, они поженились и приехали в СССР, где счастливо жили в Москве до 1937 года. В этом году Грамп был арестован, семью выгнали из квартиры, Гертруду Яковлевну уволили с работы. Оставаясь гражданкой США, она могла вернуться на родину, но отказалась от американского гражданства и приняла гражданство СССР. Семья Грампа прошла все тяготы ЧСИРов. После его досрочного освобождения из лагеря «за ударный труд», семья в 1946 году приехала в Норильск. У нас Гертруда Яковлевна преподавала до 1950 года. В это время всех бывших заключённых, имевших 58-ю статью, либо снова сажали в лагерь, либо отправляли в пожизненную ссылку в дальние глухие посёлки и деревни Красноярского края. В один из таких дальних углов отправили и её мужа, а следом за ним уехала наш преподаватель. К сожалению, по молодости и легкомыслию, я не воспользовалась её замечательным педагогическим талантом и занималась английским формально, поэтому осталась без второго языка.

Очень серьёзный курс механики (на уровне института) нам читал заключённый профессор Ленинградского политехнического института Фридрих Генрихович Шмидт. Объяснял и учил он нас так, что даже такие далёкие от механики студенты, как я, начинали что-то понимать в этом непростом предмете. Он был не только замечательным преподавателем, но и очень интеллигентным и воспитанным человеком, поэтому многому нас учил своим примером, ненавязчивыми и уважительными разговорами с нами. С профессором Шмидтом мы вновь встретились, когда я уже училась в институте, и, сдавая ему экзамены, удивлялась его внимательности и памяти, он называл меня по имени, интересовался моей жизнью, помнил имя моей дочери.

Кроме общеобразовательных предметов (математики, физики, химии, русского и литературы, истории, иностранного языка) очень серьёзно в техникуме относились к физкультуре, которую проводили в поселковом спортзале, большом и хорошо оснащённом. Отличный преподаватель, бывший

выпускник института физкультуры имени Лесгафта Фёдоров Пантелеймон Фёдорович, к тому времени освободившийся из лагеря, требовал, чтобы на занятия мы, девчонки, приходили в коротких трусах. В то время мне казалось очень неудобно и стыдно заниматься вместе с мальчишками, да ещё в трусах! Никаких шортов тогда и в помине не было. Я начала решительную борьбу с этим требованием, перестала ходить на физкультуру и взбаламутила других девчонок. Одна из них – Лиля Сидоренко – гимнастка с высоким спортивным разрядом ранее всегда занималась в спортивном купальнике! Меня «прорабатывали» на разных уровнях, вызывали к директору, давили на комсомольскую сознательность, но я настаивала на отмене этой «позорной» формы и к концу первого семестра добилась того, что девчонкам разрешили заниматься физкультурой в длинных штанах.

Среди студентов распространились слухи о замечательных лекциях по минералогии, которые в техникуме на геологическом отделении читал заключённый – крупный учёный с мировым именем Н. М. Федоровский¹. Я, как несостоявшаяся геологиня, пробиралась на его лекции вместе с другими студентами. Это был красивый седой старик с живыми глазами (фактически ему тогда было немногим более шестидесяти лет), его лекции захватывали воображение, он объездил полмира и рассказывал очень ярко и увлекательно. Николай Михайлович написал свой курс минералогии в стихах под названием «Минералогические эскизы», создал уникальный музей минералов в техникуме. Он и профессор Шмидт были расконвоированы, им разрешили жить в техникуме и выделили маленькую комнатку под лестницей. Удивительно, как вели себя эти высокообразованные профессора. Находясь в страшном состоянии неволи, практически не получая никакого материального вознаграждения за свою нелёгкую работу с нами – не очень образованными и не достаточно воспитанными молодыми людьми, они всегда держались демократично и с достоинством. Отвечая на любые наши вопросы,

Федоровский Николай Михайлович – преподаватель Норильского горнометаллургического техникума в 1948-49 годах, заключённый Норильлага.

¹ Федоровский Николай Михайлович – советский учёный минералог, основоположник прикладной минералогии, доктор геолого-минералогических наук, член корреспондент АН СССР, основатель и руководитель научно-исследовательского института минерального сырья, 1886 – 1956 гг.

никогда не демонстрировали своего несомненного культурного и профессионального превосходства.

Замечательным преподавателем была математик Лидия Шапиро. С ней мы за два семестра освоили программу восьмого-десятого классов, а в третьем семестре она дала нам основы высшей математики. Причём сумела так нас приохотить к этим непростым наукам, что позднее в институте у меня не возникало никаких проблем с математикой. Я хорошо знала её, как высокообразованного педагога по занятиям в техникуме, но когда я столкнулась с нею в ежедневной обыденной жизни, то поняла насколько это воспитанная, душевная и деликатная женщина. Она, как и многие другие женщины, приехала к своему освободившемуся из заключения мужу. Жили они в небольшом одноэтажном доме с удобствами возле озера в одной квартире с нашим хорошим знакомым и покровителем Николаем Тимофеевичем Глушковым (до войны он работал с папой, был бухгалтером), который в конце сороковых годов стал крупным руководителем. Весной 1949 года его перевели в Красноярск, куда вся его семья и переехала, он, желая сделать нашу жизнь более удобной, поселил нас в свою бывшую квартиру со всеми удобствами: ванной, горячей и холодной водой и заклочённым дневальным, который поддерживал всё это благополучие. Наша семья поселилась там на несколько месяцев. И для Лидии Шапиро создавалась неудобная обстановка, так как ко мне в разное время заходили студенты техникума. Она считала, что ребята не должны видеть её, педагога, в домашней обстановке, идущей в ванную комнату или на кухню. Она поговорила со мной, объяснила, почему ей неудобно, и попросила подумать, как сделать так, чтобы она не встречалась дома со студентами. Разговор был настолько умным и деликатным, что я всё поняла, не обиделась и разработала такое расписание наших студенческих сборов, чтобы её не смущать, что и соблюдала до конца нашего пребывания в этом доме. И еще эта женщина преподавала мне урок удивительно уважительного ежедневного отношения к мужчинам – своему мужу и заклочённому дневальному.

23

Норильск конца сороковых

Постоянно мы жили в выделенном нам жилье на улице Заводской – это небольшая двухкомнатная квартира в двухэтажном деревянном доме на втором этаже. Из входной двери сразу попадаешь в маленький коридорчик, где стояли умывальник с ведром, кухонный столик с электроплиткой и едва оставалось место, чтобы пройти в комнаты. Из удобств – только паровое отопление. Комнаты были с мебелью. Воду носили в ведрах с улицы, туалет тоже на улице, до него ещё нужно было добежать. Обе наши небольшие комнаты оказались

Норильск, улица Заводская, наш дом – первый слева.

обставлены казённой мебелью. Для четырёх квартир второго этажа имелась одна небольшая комната-кухня с печкой, которая топилась дровами и углём. На кухне мы стирали бельё вручную и вываривали его на печке, никаких стиральных машин тогда не было. Первая зима в этом «дворце» приводила меня в уныние и раздражение. Мне было трудно не только морально, но и физически. В квартире грязь, клопы, с которыми мы первое время безуспешно боролись. Не хотелось идти домой в этот неприветливый быт с истерзанной, нервной мамой, поэтому в выходные я подольше задерживалась в библиотеке. Среди книг и библиотечного порядка я чувствовала себя лучше, там и начала заниматься учебными предметами, преодолевая отвращение к ним.

Наш дом располагался тогда в центре посёлка. Рядом с нами здание проектной конторы, через несколько домов – поликлиника. Недалеко, в конце Горной улицы, за театром, располагалась баня, куда мы ходили еженедельно в любую погоду. Заводскую улицу пересекал Куропаточий ручей, а далее проходила узкоколейная железная дорога, по которой я часто ходила в техникум и в дальнейшем на практику в ЭРЦ (Электроремонтный цех), чтобы сократить путь. За железной дорогой, ближе к горе Рудной находилось озеро, на берегу которого стояло несколько коттеджей руководства комбината. В одном из них я иногда бывала с мамой, там жила мамина приятельница Людмила Ефимовна Полтава и её муж, Владимир Иванович – главный инженер управления строительства. Детей у них не было. Людмила Ефимовна в начале 20-х годов училась театральному мастерству в Харькове вместе со знаменитой певицей Шульженко¹ и увлекательно рассказывала о том времени. Владимир Иванович неплохо играл на фортепиано, был интересным и весёлым собеседником. Они активно привлекали меня к чтению стихов, и я с удовольствием бывала у них. В Норильск они, как и наша семья, попали из Мончегорска, Владимир Иванович хорошо знал моего папу по совместной работе. В дальнейшем он работал в Москве министром по какому-то строительству.

Я продолжала с грустью вспоминать московскую жизнь и друзей, оставленных там, но уже понимала, что нужно серьёзно браться за учёбу в техникуме, ведь в конце семестра придёт расплата в виде экзаменов по всем предметам. Меня очень поддерживали письма моей подруги Таты. Кроме неё, тёплые хорошие письма прислали почти все девочки нашего класса и наша классная руководительница. А вот немногочисленные письма Марка меня разочаровали: он увлекался футболом и его письма были посвящены в основном этой теме. Когда он узнал, что я не только поступила в техникум, но ещё и работаю, видимо, потерял ко мне интерес. Месяца через два-три я поняла, что он «герой не моего романа», и постаралась меньше предаваться воспоминаниям и непрерывной тоске, начала больше интересоваться делами техникума, заниматься учёбой.

В библиотеке я проработала два месяца и уволилась, так как приближалась экзаменационная сессия. В ноябре 1948 года я записала в дневнике: «*Настроение у меня значительно улучшилось, это оттого, что я объявила себе войну, вернее не себе, а своей слабости, меланхолии. Нет, я не должна проливать долгие слёзы, как какая-то девица прошлого столетия, сходящая с ума от нечего делать. Я буду учиться, читать, работать над собой, как это было раньше и терпеливо ждать*». Таковы были мои взгляды и настроения в то время. Дальше идут рассуждения о том, как с тяжёлыми обстоятельствами жизни справлялась моя мама и даже товарищ Сталин! Вот насколько у нас была забита голова агитками того времени! Ужас!

Параллельно с освоением программы техникума я начала знакомиться с репертуаром местного театра, который находился недалеко от нашего дома, и там работала мамина приятельница актриса Г.П. Пологонкина. Вначале смотрела спектакли с недоверием и даже пренебрежением (я же видела спектакли московских театров со знаменитыми актёрами!). Постепенно некоторые постановки Норильского Заполярного театра начали меня увлекать. Удивило, что многие «тёмные» (как я считала) ребята нашего и других курсов техникума постоянно посещают спектакли театра и внимательно их слушают. Мама несколько раз брала меня с собой на актёрские вечеринки, там я прислушивалась к интересным разговорам об искусстве, о новых постановках, об игре не только норильских актёров, но и тех, кого я видела в спектаклях московских театров. Конечно, многого в этих разговорах я не понимала, будучи ещё человеком малообразованным, но главное, что тогда было усвоено: необходимо много и долго учиться и не только техническим наукам! Труппа театра состояла в основном из бывших заключённых, в это время уже ссыльных. Среди ведущих актёров театра активно работали, впоследствии широко известные Г. Жжёнов, Э. Урусова, И. Русинов. Большим успехом у норильской публики

Справа норильский театр, слева дом, где жили актёры, 1949 – 1950 годы.

¹ Шульженко Клавдия Ивановна – народная артистка СССР, популярнейшая эстрадная певица, 1906 – 1984 гг.

Норильск, дом инженерно-технических работников.

пользовались режиссёрские работы отличного актёра П. Никандрова. Интересно выступала Е. Евстратова, сыгравшая в дальнейшем старуху-процентщицу в фильме Кулиджанова «Преступление и наказание». В те же годы в норильском театре начинал свою блестящую театральную карьеру Иннокентий Смоктуновский. К счастью он не был ни ссыльным, ни бывшим заключённым.

Однажды И. Русинов читал у нас в техникуме на каком-то вечере моего любимого Маяковского. Мне понравилось его чтение, и, узнав, что он руководит литературной частью самодеятельности, решила начать заниматься ею. Норильск был глухой окраиной: посёлок за 69-ой параллелью, кругом лагеря с заключёнными, причём с 1948 года появились ещё более страшные каторжные лагеря. Несмотря на это культурная жизнь была очень насыщенной, благодаря тому «человеческому материалу», который система ГУЛАГа сосредоточила в нём. У нас в техникуме бывали интересные концерты, лекции, вечера. В ДИТРе (Дом инженерно-технических работников) часто давали концерты либо приезжие артисты, либо КВЧ (культурно-воспитательная часть лагеря) представляла свои программы, где выступали актёры и певцы, «собранные» со всех театров и филармоний Советского Союза.

Я много времени отдавала комсомольским делам, будучи комсоргом курса, пыталась увлечь всех конкретными делами, даже читала комсомольцам на собраниях стихи. Написала со школьным энтузиазмом сочинение о Москве и преподаватель заставил читать его перед аудиторией. По-прежнему, как и ранее в школе, требовательно относилась к своему званию «комсомольца»

в дневнике задавала себе вопросы: что связывает меня с комсомолом и смогу ли отдать жизнь за него. Вот что я тогда думала: «...По-моему, комсомол – это основное в моей жизни, без этого я бы не смогла ни учиться, ни работать, ни думать, ни мечтать, ни любить...».

Нужно сказать, что я не оставалась без внимания мужской части студентов. Парни с нашего курса и, особенно со второго курса ЭМО, которые учились также во вторую смену рядом с нами, без конца пытались завести со мной дружбу, посылая письма и записки. Некоторые парни старались проводить меня домой или пригласить в кино, но я от них сурово отбивалась. Среди девочек душевной подруги также не появилось, хотя приятельские отношения у меня были со многими. На нашем курсе это была Лиля, мы жили рядом, в основном нас это и объединяло. Конечно, возобновились встречи с Сусанной и Миладой Зенгер, с которыми мы были знакомы с довоенных времён по Мончегорску. Но девочки жили далеко и учились мы с Сусанной в разные смены, а Милада, вообще, училась в школе, кроме того у них тогда были совершенно другие интересы. Приятельствовала я с девочкой Кларой, моей ровесницей, учившейся на обогатительном отделении. Она проявляла интерес ко мне, часто забегала в библиотеку, где я работала. До техникума она училась в норильской школе, знала многих ребят и в школе, и в техникуме, кроме того была необычайно осведомлена о студенческих романах. И хотя она жила дома (её отец был какой-то крупный шахтёрский начальник, познакомил нас кто-то из взрослых), но любила бывать на студенческих вечерах-танцах и систематически уговаривала меня ходить с нею. Это «мероприятие» не входило в круг моих интересов, и я его игнорировала. Мне не хватало настоящего друга, который стал бы духовной опорой, и у кого можно было бы черпать мужество, чтобы понять и принять обрушившуюся на меня новую, не во всём понятную, жизнь. При моём одиночестве, а может быть благодаря ему, для меня никогда не были безразличны люди меня окружавшие.

Начав серьёзно заниматься физикой, я обратила внимание на молодого человека, который был лаборантом в кабинете физики, а сам учился на геологическом отделении. Вернее обратила на него моё внимание Клара, которая была с ним знакома и считала, что я должна также с ним познакомиться. Я вняла пожеланиям «опытной» приятельницы, и поскольку он проявил ко мне интерес, мы познакомились. Звали его Валентин, он был постарше меня, лет двадцати, красивый и показался неглупым. Клара, узнав, что я с ним теперь знакома, призналась, что он ей нравится, и я должна способствовать их сближению. Я пообещала продвигать её интересы перед ним, при этом она охарактеризовала его как заядлого сердцееда, у которого серьёзный роман с взрослой девушкой с четвёртого курса. Для меня всё это было непонятно и странно, но

я добросовестно начала выполнять своё обещание, старалась брать с собой Клару, когда он приглашал меня куда-нибудь.

О существовании рядом с техникумом филиала института я узнала от нашего преподавателя физики К.И. Чащина, агитировавшего в дальнейшем поступать туда. Среди маминых поклонников был очень интересный человек Владимир Михайлович Корначёв, бывший преподаватель московского ВУЗа. Отбыв лагерный срок по 58-ой статье, он в 1945 году начал огромную работу по созданию в Норильске на базе техникума высшего учебного заведения. В результате усилий Корначёва, группы инженеров проектной конторы, руководства комбината, конечно, под присмотром политотдела, в 1947 году был создан учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного политехнического института (УКП ВЗПИ). Под руководством Корначёва УКП сразу же начал успешно работать, многие выпускники техникума стали студентами нового учебного заведения. Профессорско-преподавательским составом УКП «обеспечили» норильские лагеря, в которых находилось немало бывших преподавателей различных ВУЗов страны. Институт частично использовал лаборатории техникума, а некоторые создавал свои. В них работали и студенты техникума.

В один из зимних дней к нам домой по поручению Корначёва пришёл студент второго курса техникума Анатолий (он считался очень способным, в дальнейшем занимал самые высокие посты в энергетической иерархической лестнице Норильска). Ему следовало смонтировать в комнате мамы и брата пару дополнительных светильников. Увидев меня, он очень смутился и сделал схему включения света по неопытности неудачно. В результате свет над столом в комнате не отключался выключателем на стене. При необходимости отключить лампу над столом, нужно было залезать на стул и проворачивать её в патроне! Это было очень забавно, так мы попрыгали больше года, пока другой студент этого же курса не исправил «необыкновенную схему». Я начинала понимать, что мне предстоит немалая работа по осмыслению и овладению моей будущей специальностью, если даже такое простое дело, как подключение нескольких электрических лампочек, требует серьёзных знаний.

24

Новый 1949 год

Климат в Норильске, конечно, отпугивающе суров. Я впервые в жизни почувствовала, что значит «пронизывающий холод» и беспросветная более чем двухмесячная полярная ночь. Наверное, мне так тяжело было входить в норильскую жизнь ещё и потому, что акклиматизация у всех здесь проходит трудно и долго – более года, но тогда я этого не знала. Первую и вторую свои норильские зимы я часто чувствовала себя плохо физически, из-за чего даже пропускала занятия в техникуме.

Про январские стужи хорошо написала местная поэтесса:

*В тиски застывший воздух сжат,
И жмётся ночь к земле поближе.
И даже ветры, чтобы выжить,
Свернувшись, возле гор лежат.*

Для себя я решила, что не буду «сворачиваться» и продолжала жить в предложенных жизнью обстоятельствах.

Вот некоторые характеристики климата этого района:

- восемь месяцев в году температура отрицательная;
- среднегодовая температура -10°С;
- колебания температуры от -59°С до +33°С;
- безморозные месяцы июль и август;
- скорость ветра зимой достигает 35м/сек;
- полярная ночь – солнце исчезает в середине ноября и вновь показывается в начале февраля.

Вот такая норильская зима.

В Норильске существовала ещё такая характеристика погоды, как жесткость. Она исчислялась в баллах: к числу градусов прибавлялось удвоенное число скорости ветра. Например, минус 30 градусов плюс ветер 10 м/сек – это 50 баллов. Помню бывало и 100 баллов. Ещё о суровости местного климата. Первая норильская зима для меня была тяжела ещё и тем, что у меня не было одежды, соответствующей таким морозам и ветрам. А ведь приходилось каждый день, иногда и два раза, ходить в техникум, это километров семь. К концу 48-го года я умудрилась несколько раз обморозить лицо, руки и даже ноги. Самый неприятный и запомнившийся случай произошёл со мной, когда я возвращалась из Дома пионеров, расположенного в Горстрое (дом – это слишком громко сказано, тогда этот «дом» размещался в двух квартирах первого пятиэтажного здания с удобствами, построенного для будущего города). Расстояние от этого объекта до техникума около трёх километров. В Дом пионеров меня направили как представителя техникума, там старшеклассники проводили какой-то праздник. Я их очень эмоционально, совершенно искренне, приветствовала и уже менее искренне призывала поступать в техникум. С удовольствием общалась со школьниками, хотя налёт грусти о московской школе не покидал меня. С собой у меня были туфли, в которых я даже танцевала с ребятами. Выйдя на улицу, я обнаружила страшный холод, а на ногах у меня невысокие валенки и капроновые тонкие чулки. Мы с провожавшим мальчиком в быстром темпе пронесли мимо озера Долгого, когда я почувствовала, что ноги между валенками и пальто превращаются в деревяшки. Конечно, мальчику я об этом не сказала, сообщив ему, что буду ночевать у девочек в общежитии техникума, куда и заскочила, выпроводив его на улицу. Я стояла на лестнице, ведущей на второй этаж, рядом горячая батарея отопления, с болью начали отходить

ноги. Вокруг никого не было, я сняла валенки и чулки, растирала ноги и в голос ревела от боли, обиды и «несправедливости» жизни, но тут я вспомнила папу, и мне стало стыдно. Необходимо добираться домой, никаких знакомых девочек в общежитии у меня нет, да если бы и были! Остаться где-то ночевать без разрешения мамы я считала невозможным. Я поднялась на второй этаж и попросила строгую немолодую дежурную помочь мне. Она оказалась душевным человеком, без лишних разговоров намазала чем-то мои ноги, взяла у девочек тёплые штаны, велела их надеть и отправила домой. Маме об этом происшествии я ничего не сказала, штаны дежурной вернула, она оказалась порядочным человеком, и о моём обморожении никто в техникуме, кажется, не узнал.

Среди метелей и морозов, всевозможных хлопот и занятий приближался Новый 1949 год и в техникуме решили, встретить этот год бал-маскарадом. Чтобы соорудить костюм, мне пришлось обежать весь Норильск, точнее маминых приятельниц и в результате удалось собрать эффектный костюм цыганки. В двенадцатом часу ночи я пришла в техникум, переделась, распустила свои косички, взяла в руки румынские карты мадам Ленорман. Когда я вошла в зал, меня никто не узнал, ребята дергали за волосы, думая, что это парик, подошла Сусанна, затем Клара также не распознавшие «цыганку». Мне стало скучно и, когда подошёл Валентин, также не узнавший меня, я заговорила своим голосом, что меня и выдадо. Мы веселились до утра, я старалась не вспоминать Москву в ту ночь.

В наступившем году я «окончательно взяла себя в руки» (так я тогда считала) и в конце января 49-го года после довольно напряжённой подготовки сдала все экзамены совсем неплохо. Непродолжительные каникулы провела разнообразно – кино, театр, драмкружок техникума, где мне предложили роль Земфиры в спектакле по поэме А.С. Пушкина «Цыганы».

Валентин в каникулы продолжал «ухаживания», сопровождая в кино, на концерты, куда я брала с собой и Клару. Мои попытки направить его внимание на неё оказались безуспешными. Он совершенно определённо сказал, что она ему не интересна и просил не брать её с собою, когда он ждёт меня. Так бесславно закончилась моя «сватовская» деятельность. Вела я себя с ним очень сдержанно, не показывая вида, что заинтересовалась его вниманием, так как считала Валентина ловеласом, избалованным вниманием девочек.

Со второго семестра занятий стало больше и материал усложнился. Много черчения, математики, физики. Началась подготовка к производственной практике и появился новый предмет – технология металлов, который читал Лев Шалвович Белиходзе, одновременно несколькими курсам. И здесь, при большом скоплении студентов, я «отличилась»: слушала его, слушала, ничего не понимая, и решила спросить, а что такое заклёпка? Этот вопрос вызвал большое оживление (занятия шли в концертном зале), ведь большинство студентов –

парни, которые уже работали и, конечно, эти заклёпки видели неоднократно. Преподаватель понял, что я совершенно не соображаю в технике и попросил, чтобы осталась после лекции. После занятий он терпеливо, без налёта снисходительности, объяснял мне более получаса не только заклёпочные соединения, но попутно затронул и другие темы. Таков был стиль общения лучших преподавателей с нами – не слишком образованными молодыми людьми. По-моему, я всё поняла и запомнила на всю оставшуюся жизнь. Лев Шалвович был не только отличный педагог, но и доброжелательный, остроумный человек, его занятия всегда проходили живо и интересно. Он уже отбыл свой срок в лагерях и находился в норильской ссылке.

Кроме большого объёма учебных занятий меня нагрузили и комсомольскими делами, избрав членом бюро ЭМО, при этом добавилась работа с агитаторами по выборам в общегосударственные органы власти, подготовка ребят к вступлению в комсомол. Выполняя эти новые обязанности, приходилось часто общаться со студентами старших курсов и при этом находить правильный тон, ведь я младше их! Помочь в этом никто не мог, и я начала «работать» над собственным взрослением. Пыталась понять своих героических сверстников времён гражданской и отечественной войн, погружаясь в фонды ставшей родной профсоюзной библиотеки, где мне оставляли «дефицитные» книги. Ловила скупые рассказы участников этих событий, которых в Норильске сохранилось немало. Училась по-взрослому отвечать за принимаемые решения и слушать собеседников, стараясь быть более самостоятельной и в учебных делах, и в быту: теперь дома стирка, глажка и уборка квартиры лежали на мне.

Мне поручили подготовить к вступлению в комсомол студентов нашего отделения. Я решила провести занятия с теми, кто собирался стать членом ВЛКСМ. Кроме ребят с нашего курса пришли и студенты второго курса ЭМО, среди них несколько парней, прошедших фронт, значительно старше меня. Эти взрослые, как мне казалось, серьёзные ребята держались с нами младшими на равных, не чувствовалось никакого их жизненного морального превосходства. Когда я пыталась вывести их на разговор о личном участии каждого в военных операциях, они отшучивались, сводя всё к каким-то весёлым историям. В дальнейшем, встречаясь с истинными участниками войны, я уже с большим пониманием относилась к их нежеланию делиться с собеседниками своими подлинными воспоминаниями о той страшной войне, которую они выиграли. Во время занятий и разговоров о войне моё внимание привлёк один из этих парней – Виктор Володин, он, в отличие от других ребят этого курса, не писал мне записок, не пытался открыто ухаживать, но глаза при встречах его выдавали, по ним становилось понятно, что он неравнодушен ко мне. Занимаясь с ним, я была удивлена его трудолюбием и какой-то надёжностью и основательностью во всём.

25

Производство и поэзия

В мае вновь экзамены, так как в конце месяца начиналась для нас, электриков, производственная технологическая практика в электроремонтном цехе (ЭРЦ-е) комбината. Экзамены сдала хорошо, практика меня очень захватила, хотя шла я на неё без энтузиазма. Работали мы по 8 часов, как настоящие рабочие. Я не захотела пользоваться своим возрастным преимуществом – работать по шесть часов, добиваясь, чтобы все считали, что мне уже восемнадцать лет. Обучали нас на всех участках: слесарном, станочном, кузнечно-сварочном, литейном. Фактически это были не участки, а настоящие цехи с отработанной технологией, с необходимыми станками и приспособлениями, с грамотным обученным персоналом. Удивительно, но мне, девчонке, мало приспособленной к тяжёлой мужской работе, понравилось в ЭРЦе. Вот мои впечатления той поры от работы на слесарном участке: *«...работаю довольно усердно и прилежно, так что мастер хвалит. Я даже никогда не подозревала, как приятно сознавать, что ты делаешь что-то полезное, что твоими руками создается какая-то вещь, необходимая другим. Сегодня я сверлила на сверлильном станке, правда сломала одно сверло. Я так увлеклась этим, что забыла про всё и про всех на свете. Впивалась глазами в сверло, которое стремительно вертятся 1800 оборотов в минуту, медленно входило в металл, я напрягала все силы, чтобы вовремя почувствовать, когда сверло пройдет последнюю железную пластинку». Шум в цехе мне кажется «какой-то красивой музыкой, создаваемой разными ударами молотков, шумом и жужжанием станков и многими другими звуками, которые, соединяясь вместе, дают ту чудную рабочую музыку».*

Я впервые в жизни держала в руках разнообразные металлы: железо, латунь, медь, бронза, стали различных марок, чугун, научилась их отличать

и пыталась изготавливать изделия из них. На слесарном участке пришлось собирать плавкие предохранители, реостаты, различные нагревательные приборы, а уж заклёпок через мои руки прошло – море! На токарном и фрезерном станках доверили обрабатывать не очень сложные детали, размеры которых после моей обработки проверял мастер на полное соответствие чертежу. В сварочно-кузнечном отделении меня научили сваривать металлические детали электрической сваркой, причем все работы сопровождалось строгим изучением и соблюдением студентами правил техники безопасности.

Трудно и интересно шло освоение литейного производства. Начальником этого отделения был человек по фамилии Руда, что нас очень веселило (все металлы получают из руды). В «литейке» работала небольшая электропечь, плавившая чугун. Здесь отливали сопротивления для мостовых электрических кранов и другие чугунные детали для электрохозяйства предприятий комбината. Чтобы получить отливки нужных размеров и конфигураций, из специально подготовленной земли с помощью деревянных моделей, изготавливаемых высококвалифицированными специалистами, делается форма, в которую заливается расплавленный чугун. Нам поручили делать формы для не самых сложных деталей. Эта очень тяжёлая, грязная и вредная работа называлась формовкой. У меня долго не получалось, а когда получилась первая форма, я начала прыгать от радости и она обрушилась, пришлось всё начинать сначала. Душа в ЭРЦе не было, поэтому после ежедневной практики я бежала домой, чтобы отмыться и переодеться, благо ЭРЦ располагался недалеко от дома. Мы тогда жили в квартире Глушковых, где к счастью были все удобства, и можно было быстро привести себя в порядок.

В цехе, конечно, работали заключённые и уже освободившиеся из лагерей. С нами, студентами, занимались очень грамотные инженеры, которые не жалели ни сил, ни времени, передавая нам свои знания и опыт. Инженерно-технический состав ЭРЦ тогда представляли и весьма образованные в вопросах электромашиностроения профессионалы, и люди, освоившие свои специальности вынужденно уже здесь в лагерях. Были среди них специалисты ведущих электромашиностроительных заводов нашей и не только нашей страны. Работники цеха с гордостью рассказывали о нестандартных творческих работах, выполняемых ими. От них мы узнали, что во время войны в цехе изготовили электровозы, работающие до сих пор на перевозке угля, и одним из руководителей этого фантастического проекта был итальянец Мерини! На меня огромное впечатление производили рассказы этих людей и их искренняя увлечённость своей работой. Мне эта практика помогла не только почувствовать металлы и изделия из них, но проникнуться уважением к «простому труду» и побудила к некоторым размышлениям об инженерном участии в нём. В цехе царила атмосфера подлин-

ного интернационализма. Там работали немцы, австрийцы, латыши, эстонцы, литовцы, венгры, поляки, причем работали дружно, не ссорились. К студентам все относились исключительно доброжелательно, по-взрослому уважительно, и с интересом разговаривали с нами. Эти люди в основном были осуждены по 58-ой политической статье и считались «врагами народа». Перед началом практики представители политотдела комбината предупреждали нас, что нужно быть с ними настороже, не доверять им, не выполнять никаких их просьб! Такова была тогда система МВД, что всю работу по руководству производственными процессами коммунистическая партия осуществляла через политотделы. Удивительно было то, что к уголовникам (ворам, убийцам, мошенникам) руководство партии относилось очень терпимо, считая их «социально близкими элементами» (официально существовал такой термин). Очень верно об этом написал Зорах Кантор в «Великом переломе» («Звезда» №8 за 2009 год страница 150): *«Это, пожалуй, единственный случай, когда Советская власть была права, публично признав своё родство с грабителями и насильниками»*. Но в то время подобные мысли меня не посещали.

В дни практики произошёл неприятно поразивший меня случай: отдыхая во время перерыва мы с сокурсницей Л. и несколькими рабочими сидели и разговаривали о прошедшей войне. И, когда я, в связи с этим, произнесла одобрительные слова в адрес своего папы, Л. презрительно отозвалась о его участии в войне, поскольку он «пропал без вести». Её высказывание вызвало во мне такой приступ эмоционального гнева, что я, не подключая разума, дала ей пощёчину с такой силой, что она свалилась с верстака. Мужики, среди которых были и фронтовики, подняли её, большинство оказались на моей стороне и, ободряя, говорили: «Правильно ты ей врезала!». Остыв, я поняла, что защита достоинства может мне дорого обойтись, кто-то из мудрых окружающих советовал попросить у неё прощение, но я почувствовала, что никогда никакие угрозы не заставят меня сделать это. К счастью, никаких неприятностей не последовало, её, не воевавший папаша, посоветовал ей «не возникать». Через полгода я смогла заговорить с нею. Таких срывов в дальнейшей жизни было еще два, и все они вызваны защитой чести и достоинства (в моём понимании) любимых мною мужчин.

Тем временем, мама считала, что я, принимая ухаживания Валентина, провожу с ним много времени, и он слишком часто бывает у нас. Она просто не замечала, что я им не очень увлечена, вижу его недостатки, и многое в нём меня отталкивает. В конце мая он планировал уехать в Красноярск, наверное, навсегда. Летом Валентин предполагал отдыхать в «Таёжном» (так назывались пионерские лагеря и дом отдыха Норильского комбината, расположенные неподалёку от Красноярска на Енисее). Я хотела поехать туда работать пионервожатой, но мама не согласилась с этим, сказав, что летом можно работать и в Норильске.

К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина мы интенсивно репетировали «Цыган», где я играла довольно насыщенную движением (так её видел наш режиссёр) роль Земфиры. Репетиции проходили ежедневно. После практики я прибегала в техникум, где наш руководитель драмкружка пытался сделать из меня страстную, необузданную цыганку, у него это не очень получалось. Я, после целого дня работы в цехе, ощущала себя простой рабочей девчонкой, мучилась, пытаюсь найти в себе необходимые для роли черты, но, наверное, я ещё не созрела для такого перевоплощения! Несмотря на мучения по вхождению в образ свободной Земфиры, я получала истинное удовольствие от встречи с завораживающими стихами Пушкина, и после репетиций шла домой, наполненная поэзией бессарабских степей... Кроме того, в спектакле участвовали студенты из хореографического кружка техникума. В результате у нас на сцене каждый вечер шумел «цыганский табор», мы пели, танцевали, веселились, проникая в цыганский быт. На репетициях я столкнулась с непреодолимыми для себя трудностями сольного пения со сцены. По ходу спектакля нужно было спеть несколько куплетов романса «Старый муж, грозный муж...». Выяснилось, что рядом с инструментом я правильно и чётко воспроизвожу строки романса, а спеть соло со сцены – не могу! Помучившись некоторое время, наш режиссёр остроумно решил эту проблему: я спокойно пела и двигалась по сцене, а небольшой хор за сценой вторил моему пению. У нас ведь не было никаких записывающих, воспроизводящих и усиливающих звук устройств! В пушкинские дни в начале июня мы сыграли спектакль на сцене техникума, зал был полон, меня похвалили и даже чем-то наградили.

Иван Николаевич Русинов, который этим летом оставался ещё в Норильске (позже его сослали в Туруханск), согласился заниматься со мной. В клубе профсоюзов, куда я начала ходить летом 1949 года, он тщательно работал с нами над сценической речью. До ареста Иван Николаевич служил актёром московского Малого театра, а в Норильске стал одним из ведущих актёров местного театра. Он нам нравился и чисто внешне – моложавый, красивый, заниматься с ним было очень увлекательно, он рассказывал о театре и его людях. Будучи прекрасным классическим актером, много играл в Норильском театре. Помню его в пьесе Шиллера¹ «Коварство и любовь», где он исполнял роль Фердинанда. И был он в ней настолько неподдельно искренен в своей любви, а затем и ревности к Луизе, что актёра Русинова на сцене мы не увидели. Спектакль получился замечательный, я несколько раз его смотрела и каждый раз всё, что происходило на сцене, сопровождалось необыкновенной остротой переживаний. После реабилитации Иван Николаевич успешно работал в Тбилисском Русском театре, а с шестидесятых годов в Московской филармонии. Заслужил звание народного артиста РСФСР. Сделанный им литературно-музыкальный моноспектакль «Пер Гюнт»² многие годы пользовался большим успехом у московской публики.

¹ Фридрих фон Шиллер – немецкий поэт, драматург, философ, 1759 – 1805 гг.

² Пер Гюнт – пьеса норвежского драматурга Генриха Ибсена, 1828 – 1906 гг. Музыка норвежского композитора Эдварда Грига, 1843 – 1907 гг.

26 Лето

После окончания практики у меня начались каникулы. Мы отправили в пионерский лагерь «Таёжный» моего брата Жеку, откуда в августе его должны были увезти в Ташкент. В этом далёком южном городе располагалось суворовское училище, куда мама решила его определить. Нам по-прежнему было нелегко, да и «светлое будущее» не просматривалось: мама опасалась, что у неё не хватит сил вытянуть нас до получения высшего образования.

Валентин уехал, мама успокоилась, и начала чаще брать меня в театр, на театральные «посиделки» у Пологонкиной и на концерты. Нужно отметить, что концерты КВЧ доставляли зрителям большое удовольствие, выступали отличные актёры, джазовый оркестр, высокопрофессиональные пианисты, скрипачи, Львовская хоровая капелла, которые отбывали наказание в Норильских лагерях. Эти талантливые люди так непринуждённо и свободно держались на сцене, что мы забывали об их трагическом положении. Кроме того я часто бывала с мамой в гостях у её приятельниц, как жён вольнонаёмных инженерно-технических работников комбината, так и недавно освободившихся «врагов народа». Посещения таких «врагов» в то время были небезопасны и не афишировались, но мне с ними было интересно, так как там я знакомилась с незаурядными людьми. Так, бывая у Бедновых, я встретила с писательницей Елизаветой Яковлевной Драбкиной, дочерью революционеров, в своё время общавшихся с семьёй Ульянова-Ленина (к этому времени превращённого партией в Бога!). Шестнадцатилетней гимназисткой Драбкина принимала активное участие в революционных событиях 1917-20-х годов, работала секретарём Свердлова (крупный государственный и политический деятель, большевик, революционер), в дальнейшем с восторгом писала об этих событиях, что не мешало властям упечь её в лагерь

по 58-ой статье. Рассказы Елизаветы Яковлевны полные беспрекословного восхищения революцией настолько увлекали и воодушевляли меня, что я не замечала тяжелейшего бесправного положения, в котором находилась тогда эта женщина. По-моему, она жила на «вечном поселении» в Дудинке и приезжала в Норильск тайно, чтобы пообщаться с товарищем своей революционной молодости – Бедновым. После реабилитации она выпустила книгу «Чёрные сухари», превозносившую все деяния большевиков в те годы, оставаясь приверженцем их идей.

Общались мы и с Елизаветой Ивановной и Николаем Николаевичем Урванцевыми, которые жили тогда в гостинице на улице Октябрьской. Николай Николаевич интересно рассказывал о Севере, который он, как геолог, знал отлично еще с двадцатых годов, ведь он был одним из тех, кто разведal Норильское месторождение цветных металлов, но и он не миновал участи «врага народа».

В это лето я часто встречалась с Сусанной и Миладой, мы навещали друг друга дома, гуляли по тундре или бегали в кино. У них дома, кроме приятных и хорошо воспитанных родителей, часто бывали другие интересные и образованные взрослые. Их рассказы мы слушали с огромным удовольствием, и не только рассказы, некоторые из них очень неплохо пели и играли на фортепиано, мы так веселиться не умели, а очень хотелось. Однажды, в выходной мы с Сусанной и Миладой пошли на Валёк¹, небольшой посёлок, расположенный километрах в восьми от Норильска на берегу реки. Шли по тундре, которая в конце июня бурно расцветает, становится необыкновенно красивой и яркой. Изумрудная зелень в ярких оранжевых пятнах жарков привлекает взор, солнце не заходит и ночью. Здесь, на краю земли, где естественней выглядит зимний пейзаж с пургой, огромными сугробами снега и одиноко торчащими из них голыми макушками деревьев, бурные короткие весна и лето особенно впечатляют. Очень точно подметила это норильская поэтесса:

*И, может, потому что коротки
Весенние природы промежутки,
Кострами полыхают здесь жарки,
Кольшутся морями незабудки.*

Нам было хорошо и весело, мы болтали, пели, а когда пришли на Валёк, то поплавали на катере по реке Норилке. Домой возвращались пешком, промокли под дождём, но были счастливы – это было время круглосуточного полярного дня, когда солнце за горизонт не скрывается. Эта прогулка осталась в памяти на всю жизнь, как ощущение прозрачной радости, полноты жизни и молодости, которая, казалось, нас никогда не покинет. Я осталась ночевать у них в Спецстрое, мы про-

сушились и, когда легли спать, снова говорили обо всём, девочки попросили меня почитать что-нибудь. Я начала читать стихи Маяковского. Читала много и с вооду-

Вид на Шмидтиху со стороны посёлка, конец 40-ых годов.

шевением, но Сусанна смеялась – она его не понимала, ей чужды и смешны были мои восторги. Я не обиделась ни за Маяковского, ни за себя, очевидно, приходило понимание, что «о вкусах не спорят».

В июле я начала временно работать в окружке профсоюзов, там ушла в отпуск секретарь и меня взяли на её место. Кое-как научилась печатать на пишущей машинке. Народ там работал взрослый, не старый, но интересных людей не обнаружила. С работниками окружкома ездила на открытие пионерского лагеря на Вальке. Присутствовала на пионерском костре, который не оказался эффектным, так как вечер был солнечным: ведь это заполярное лето! Мне взгрустнулось, вспомнила недавнее прошлое под Москвой и в Лоо, время «вышненных романтических грёз» у костров. За год в Норильске я очень повзрослела, но хотелось вернуться в неповторимую страну сказок. Всю дальнейшую жизнь я очень любила костры летние и зимние, проводя возле них немало часов в страстных спорах и обсуждениях проблем нашей жизни с друзьями.

Ежедневная не очень интересная работа не мешала, а наоборот поощряла углубление в книжный мир «моей» библиотеки, где мне оставляли популярные тогда книги. Судя по сохранившимся записям, я читала без разбора всё подряд: от классиков до каких-то советских авторов, фамилии которых сейчас никто

¹ Валёк - название рыбы некогда водившейся в этих реках.

и не припомнит. Прочтя понравившуюся «Бурю» И. Эренбурга написала: «...мне теперь хочется прочесть все книги, какие есть...». Диккенс¹ мне в то лето не нравился – скучно! Но самое глубокое впечатление оставила сложная и серьёзная вещь В. Короленко² «История моего современника» в ней привлекли высокая оценка человека и историческая правда о пятидесятих-шестидесятих годах XIX века. Запись в дневнике гласит: «...вчитавшись в неё, я уже не могу оторваться...такой чудесный язык, поразительная простота описаний и философических объяснений.» – я действительно взрослела. Правда, в это же время, взявшись за Шолохова³, дочиталась до потери сознания, во время чтения эпизода гибели от страшного аборта одной из героинь «Тихого Дона». Такова оказалась сила воздействия на меня талантливого текста.

На семнадцатилетие мама пригласила двух мальчиков - школьников Джимми Грампа и Витю Беднова, моих ровесников, умных и начитанных ребят, но они мне показались «детьми»! Кто-то подарил мне теннисную ракетку и я с удовольствием начала учиться этой недоступной ранее игре, сначала в компании с девочками возле нашего дома об стенку. В дальнейшем мама договорилась со знакомыми Белько Сергеем Петровичем и его женой Инной Фёдоровной, чтобы они позанимались со мной на корте стадиона. Это была очень красивая, потрясающе эрудированная пара. Сергей Петрович, бывший дипломатический работник, обладал энциклопедическими знаниями в вопросах культуры. Моё общение с ними было очень увлекательным не только в спортивном отношении. До ареста Сергей Петрович работал с послом СССР Коллонтай в Швеции. После реабилитации руководил художественным фондом в Москве.

Над нашим посёлком возвышалась гора Шмидта, мы её называли Шмидтихой, с виду неприступная. И вот мы, я, Сусанна и студент второго курса нашего факультета, решили её «штурмовать». В тёплый светлый выходной день начали карабкаться на эту казавшуюся крутой гору, сначала шел небольшой подъём с невысокими деревьями, кустарником, цветами. Потом пошли сплошные камни, где нужны были альпинистские навыки, поднимались мы неторопливо, останавливались, много болтали. Наш сопровождающий вёл себя очень любезно – рвал нам цветы, помогал, фотографировал. Когда мы взобрались на вершину, это оказалась довольно ровная площадка, мы онемели от открывшегося вида Норильска и его окрестностей! Это был посёлок, промплощадка с красно-бурыми заводами и высокими трубами, извергающими массу дыма, много лаготделений ГУЛАГа, окружавших все это. Поражало огромное количество озёр и рек, раскинувшихся за пределами творений рук человеческих, а земля казалась какими-то островками в море воды. Вдали за рекой Норилкой высились горы Путорана, очень красивые, тёмно-синего цвета, покрытые бело-розовым туманом окрашенным лучами захо-

В.Вязунова на Шмидтихе,
лето 1949 года.

дящего солнца. Во мне возникло светлое ощущение простора, мощи: всё это моё! Полюбовавшись красотой, мы начали спускаться, что было довольно трудно – нужно держаться руками и ногами. В общем, спустились благополучно, не считая синяков и царапин на руках и ногах.

Лето на Таймыре очень короткое, в августе наступает осень и заканчивается полярный день, возвращается ночь. Из окон нашей квартиры открывался великолепный вид на близлежащие горы с переливающейся массой волшебных, висящих в воздухе, огоньков. Так светились заводы и охранные ограждения лагерей. Красным заревом полыхал слив металлургического шлака в отвалы. Заканчивались мои, насыщенные работой, различными занятиями и встречами с интересными людьми, каникулы. Иногда мы – я, Сусанна, Милада, и соседка по дому Тамара, собирались возле нашего дома, к нам присоединялся Виктор Володин, который работал тогда в конторе ВВС (высоковольтные сети), расположенной напротив. Он фотографировал нас, болтал с нами. Летом я отрезала свои косы, наверное, чтобы выглядеть взрослее, волосы у меня жутко торчали, девчонки надо мной посмеивались, Виктор себе этого не позволял, вёл себя всегда сдержанно и корректно.

¹ Диккенс Чарльз – английский писатель, один из крупнейших прозаиков XIX века, 1812 – 1870 гг.

² Короленко Владимир Галактионович – русский писатель, публицист, общественный деятель, 1853 – 1921 гг.

³ Шолохов Михаил Александрович – русский советский писатель, Нобелевский лауреат, 1905 – 1984 гг.

27

Жизнь и профсоюз

В конце лета из своего «путешествия» в Ташкент вернулся Жека. Его не приняли в суворовское училище¹ – медкомиссия не пропустила, но «хлебнул» он там неприятностей немало. Офицер, сопровождавший несколько мальчишек, кормил их один раз в день, так что одиннадцатилетние дети всё время ходили голодными. Из Ташкента он отправил Жеку и ещё одного мальчика в Красноярск одних, без денег. Ребята не смогли попасть на самолёт, летящий в Норильск, и просто голодали несколько дней. В один из этих дней Жека в гостинице встретил нашего соседа по дому Михаила Кузьмича Этина, который устроил их на самолёт, накормил и дал денег.

Этины, наши соседи по площадке, оба служили в лагерях офицерами МВД. Бывшие эски, говорили, что Этин очень жестокий человек. К нам эта семья относилась трогательно, всегда чем-то помогала, разрешали пользоваться их телефоном (у нас телефона не было). Мы их, конечно, побаивались. Особенно мы с мамой перепугались, когда глава семьи начал сватать меня за своего приятеля, тоже офицера МВД (очевидно, он не ознакомился с моим «сомнительным» прошлым!). Мама и я приложили все свои дипломатические способности, чтобы, не обозлив их, отказать. Отговорились тем, что я слишком молода и хочу учиться дальше.

У мамы на работе не складывалось, её из аппарата управления комбината перевели в какое-то подразделение. В комбинат, находившийся в системе МВД, прислали много вновь испечённых молодых и довольно малограмотных офицеров. Они начали заполнять подходящие для них должности, особенно в отделах, которые занимались кадрами и их подготовкой. В дальнейшем выяснилось, что кто-то из этих бдительных молодых людей раскопал в мамином личном деле, что я

была в оккупации. По тем временам это являлось серьёзным «преступлением», не дающим права работать в аппарате управления столь секретного объекта как Норильский комбинат! Недавно мы с братом нашли в бумагах мамы черновик анкеты для отдела кадров, заполненной ею в сентябре 1948 года. Пункт №14 этого черновика не заполнен, очевидно, из-за серьёзных размышлений мамы, как безопаснее для семьи ответить на вопросы, поставленные в нём. Необходимо было сообщить, не находились ли автор или его родственники на временно оккупированных территориях в период отечественной войны, указав где, когда, сколько времени, чем занимались и как освободились.

Текст, предваряющий заполнение этого страшного документа, гласил: «Ответы на все вопросы анкеты должны даваться точные и подробные». Мучения мамы при заполнении анкеты становятся понятны в связи с моим пребыванием в оккупации, да ещё и за границей СССР!

Форма № 1417

ПРИМЕЧАНИЕ: Ответы на все вопросы анкеты должны даваться точные и подробные. Подчеркивания не допускаются.

АНКЕТНЫЙ ЛИСТ

1. Полное наименование и адрес учреждения Норильский ИД
и комбинат МВД СССР пос. Норильск Красноярск

2. Занимаемая должность Ст. инспектор контрольно-инспекторской группы

Место для фотокарточки (приложить)

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Фамилия, имя, отчество (псевдоним). При перемене фамилии или имени в отчестве указать старое и причины перемены.	<u>Копытская Тагэзна Иосифовна</u> <u>Копытская-Возунова тагэзна Иосифовна</u>
13. Служили ли вы и Ваши родственники в войсках или учреждениях белых правительств (белых армий), в каком чине (должности, где и когда)	<u>В войсках и учреждениях белых правительств ни я ни брат (1904 г. рождения) и сестра (1904 г. рождения) не служили.</u>
14. Были ли Вы или Ваши родственники на территории белых, где, сколько времени и чем занимались: а) находились ли в плену или на временно оккупированной землёй территории в период Отечественной войны, когда, где и сколько времени, чем занимались этот период. б) принимались ли оккупантами к работе и к какой. Как освободились.	
15. Служили ли в Красной Армии, когда, где и в какой должности (последняя должность)	<u>Нет.</u>

¹ Ташкентское суворовское училище МВД давало среднее образование и готовило к поступлению в высшие командные училища детей пограничников.

И как бы осторожно она не формулировала, факт этот, конечно, сообщила. Читая вопросы, можно хорошо представить себе степень «свободы» человека в то время...

Мама всё это очень переживала и всячески меня предостерегала от неосторожных «глупых» разговоров, она по-прежнему очень боялась, что меня укут в лагерь. Повальный страх принуждал в каждом видеть возможного доносчика. Молчали все – и взрослые, и дети, держа свои языки за крепко стиснутыми зубами. Но я была уже так обработана, что для меня этот режим был абсолютно своим, нормальным, я была предана комсомолу и делу партии, мама это очень поддерживала и анкету, естественно, не показала. То, что вокруг расположены концентрационные лагеря, и в них держат так много замечательных людей, особых вопросов у меня, с детства привыкшей к такому положению вещей, не вызывало.

Ежедневно, утром и вечером, огромные колонны по тысяче человек, измощённых замёрзших людей, проходили по улицам в сопровождении охраны – вохровцев с ружьями. Охрана шла по бокам, сзади и спереди колонны. Колонны бывали мужские и женские. Если шла колонна каторжан (так мы называли обитателей особо тяжёлых горных лагерей), то охрана была усилена собаками, а на одежде каждого заключённого были обозначены их личные номера. Заключённые работали на строительстве заводов и домов, которое велось очень интенсивно, а также на всех действующих предприятиях. Снегопады и жестокие морозы длились здесь бесконечно, частыми гостями наведывались сильные пурги, ветры бывали такой силы, что сбивали с ног. Вот как писал Давид Кугультинов, тогда заключённый горного лагеря, а в дальнейшем знаменитый советский калмыцкий поэт, о норильской пурге:

*Пурга, пурга!
Всю ночь, давясь от злобы,
Хвостами ста песцов мела пурга,
Сметая в ноздреватые сугробы
Пронзительно - холодные снега.*

Заключённые ежедневно очищали посёлок и все территории промплощадок от снега, в основном работали женщины, специальной снегоочистительной техники в Норильске тогда ещё не было. Школьникам даже старших классов при сильных ветрах и морозах объявляли отмену занятий (на местном жаргоне – «активировки»), студентам техникума – никогда. Достаточно тёплой одежды у меня по-прежнему не было, поэтому я мёрзла и частенько ещё обмороживалась, пока не научилась спасаться от полярного холода.

Новый учебный год не представлялся столь грустным, как первый год в техникуме, но мысли о школе не покидали меня, казалось, что там я бы получила больше разных знаний, которые мне хотелось приобрести.

В техникуме кроме учебных занятий начались бесконечные отчётно-перевыборные комсомольские собрания, где меня вновь хотели куда-то избирать, но я отбивалась, так как начала разочаровываться в методах работы комсомола. Мои впечатления того времени от комсомольских дел: «я убедилась на примере этого собрания, что кто хоть что-то делает того ругают, кто же совершенно ничего – хвалят». Будучи председателем окружкома профсоюзов М. Ф. Ерёмченко, желая помочь нашей семье, рекомендовал меня председателем профкома техникума. Это давало некоторое материальное добавление к стипендии, что для нас было важно, поэтому я не сопротивлялась. Столь высокую рекомендацию окружкома профсоюзов общественные организации техникума приняли с удовольствием, и в результате меня избрали председателем профкома.

Членов профсоюза в техникуме насчитывалось около тысячи человек, я начала принимать дела профкома, в которых был жуткий беспорядок, и поняла, что будет нелегко, ведь мне недавно исполнилось всего семнадцать лет! Основной состав избранных в профком – это были более взрослые студенты, ранее работавшие на предприятиях или служившие в армии. В те годы профком техни-

Группа студентов 2-го курса ЭМО Норильского техникума, март 1950 года. Во втором ряду у окна В.Вязунова.

кума занимался не только сбором профсоюзных взносов, но и должен был обеспечивать: «культурно-воспитательную» работу среди не комсомольцев, их тогда было большинство; следить за порядком в общежитиях; выявлять нуждающихся в материальной помощи и оказывать им эту помощь; распределять путевки в санатории, пионерские лагеря; оплачивать лекторов, руководителей кружков. Кроме этого еще много всякой практической работы, с которой мне пришлось столкнуться впервые. Объём работы оказался весьма внушительный, я была загружена полностью, но учебные занятия оставались для меня основным делом, да и самостоятельность не хотелось бросать. Судя по записям в дневнике, я довольно реалистично оценивала свои возможности. О работе в профкоме написала: *«...со всеми нужно уметь говорить, во все глубоко вникать и, главным образом, следить за всем, налаживать и исправлять все недоразумения, неполадки – ведь для всего этого нужно много глубокого мудрого ума, а где брать мне его?»*.

Несмотря на немалую нагрузку, я всё же находила время погрузиться о Москве, забыть её мне не давали мои друзья Тата, Вика, моя любимая тётя Маня. Все писали мне хорошие бодрые письма и ждали меня там. Я систематически отвечала, и эта переписка давала новые силы. До начала учебного года я планировала посещение вечерней школы, чтобы позаниматься анатомией и астрономией, которых не предусматривала программа техникума. Но вовремя поняла, что не потяну, учебная нагрузка на втором курсе увеличилась, кроме всех общеобразовательных предметов появились специальные, довольно сложные, типа теоретических основ электротехники (ТОЭ), в которых я совершенно не разбиралась. Выручали меня твёрдые знания математики и хорошая зрительная память, бесчисленные электротехнические формулы на экзаменах всплывали перед глазами, какими я их видела в учебниках. Поэтому я хорошо сдавала экзамены и получала повышенную стипендию все годы обучения в техникуме.

Несмотря на существенную занятость и большое внимание ко мне многих молодых людей из техникума, я чувствовала себя довольно одиноко, настоящей подружки или друга у меня не появилось. Начинавшийся «роман» с Валентином заглох в связи с его отъездом из Норильска. Я не была дружна с мамой, сказывалось наше пятилетнее разьединение, с братом Жекой – слишком большая разница в возрасте (он моложе меня на шесть лет). Ухаживаний со стороны ребят я не поощряла, хотя они бывали очень настойчивы, но удавалось держать их на расстоянии. В основном мои поклонники были значительно старше меня (на пять-восемь лет), общение с ними казалось интереснее, чем с ровесниками.

28

70-летие Сталина.1950-й год

В декабре 1949 года вся страна «стояла на ушах» по поводу семидесятилетия Сталина. Конечно, Норильский комбинат, в то время относящийся к МВД, не мог оставаться в стороне от такого события и взял «повышенные обязательства»: выдать черновую медь¹ на строящемся медеплавильном заводе к «знаменательной» дате. Не помню по чьей инициативе, то ли окружкома профсоюзов, то ли политотдела, нас, группу студентов, отправили в предпусковые дни на этот завод помогать. Хотя непонятно, какая могла быть от нас помощь, когда там работали несколько тысяч заключённых-каторжан из горного лагеря. Пуск был страшный, плавильный цех не был полностью закрыт, а на улице морозы ниже –40 градусов (Цельсия) с ветром, аварии с взрывами и пожарами сопровождали этот пуск. Черновую медь, конечно, получили, и вовремя доложили наверх, а сколько при этом покалечилось людей, никого не интересовало. Тогда об этом не только говорить, но даже думать нельзя было. Значительно позже, в девяностые годы у Тамары Петкевич, я прочла: *«...наше общество в середине XX века спасалось рабским лагерным трудом...»*. Мне до понимания всего этого ужаса было ещё далеко. Нам ежедневно и ежечасно внушали, что это трудности строительства социалистического государства из-за ужасного империалистического окружения!

В конце 1949 года профком развернул активную деятельность по организации встречи Нового года в техникуме. Я подготовила и твёрдой рукой провела в жизнь оформление и украшение всех аудиторий второго этажа по мотивам сказок. Сделать это, естественно, можно было только руками и умами студентов: купить необходимое в магазинах было невозможно. Концертный зал украсили

¹ До этих дней заводы Норильского комбината производили два металла: никель и кобальт. Черновая медь - это полуфабрикат меди, из которого в дальнейшем получают чистую медь после электролиза.

и установили настоящую ёлку. Встреча Нового года сопровождалась интересными концертными номерами. В маскараде я уже не имела сил участвовать, но самое обидное событие произошло в три часа ночи, когда началась традиционная драка между электриками и горняками. Таковы были методы выяснения отношений части студенчества. Ни руководство техникума, ни многочисленные представители комсомольской и профсоюзной организаций ничего сделать не могли. Я предложила директору техникума закрыть вечер и всех выгнать для охлаждения боевого пыла на мороз. Кое-как, организовав мирную часть студенчества, нам удалось выпроводить на улицу дерущихся парней, и закрыть здание техникума без помощи милиции. Я была очень огорчена таким финалом.

После зимней сессии и каникул учебная и общественная жизнь снова понеслась день за днём. Кроме драмкружка техникума я занималась в клубе профсоюзов с И. Русиновым художественным чтением, читала со сцены стихи в основном гражданского и патриотического направления, те, что подбирал и готовил со мной руководитель. Иногда вела большие концерты клуба профсоюзов, чему он меня умело и тщательно обучал. Помню его наставления: нужно так произнести название предлагаемого к исполнению произведения, чтобы зритель сразу почувствовал, что оно прекрасно и исполняется только для него.

Под руководством одного из артистов КВЧ мы начали в техникуме репетировать пьесу Л.Зорина¹ «Молодость», которая мне очень понравилась, так как

Сцена из спектакля «Молодость», первая справа В. Вязунова в роли Леры, 1950г.

¹ Зорин Леонид Генрихович – русский, советский драматург, прозаик, сценарист. Первая его пьеса «Молодость» поставлена на сцене московского Малого театра в 1949 году. Наиболее известные пьесы: «Варшавская мелодия», «Покровские ворота», «Царская охота». Родился в 1924 году.

там рассказывалось о жизни студентов-выпускников Московского университета, о котором я ещё продолжала думать. Большинство студентов, по пьесе, бывшие фронтовики. Мне поручили очень непростую отрицательную роль Леры – невестки одного из любимых студентами профессоров, муж которой погиб на фронте. Эта женщина недалёкая, но красивая, живущая «несоветской» жизнью. Она желает покорять сердца всех мужчин и кокетничает. Для меня роль оказалась, безусловно, сложной, не совсем понятной. Найти нужные краски этой уже взрослой женщины мне было очень трудно. Я таких женщин в жизни не знала, хотя были, конечно, литературные познания. Я перебрала в памяти всех встречавшихся мне красивых женщин, выискивая в их поведении кокетство. Наш руководитель взялся сделать из меня эту «львицу» и, очевидно, у него что-то получилось, так как после выпуска спектакля нас хвалили.

Кроме художественных и учебных дел из-за моего статуса председателя профкома техникума приходилось бывать на различных очень серьёзных политических совещаниях, собраниях, в которых принимал участие окружком профсоюзов. В связи с этим попадала в смешные ситуации. Зимой во время выборов в Верховный Совет СССР меня на каком-то ответственном собрании выдвинули доверенным лицом очень «высокого» кандидата в депутаты. Я, ничего в этих делах не понимавшая, начала изучать правовые документы по вопросам выборов и обнаружила, что доверенным лицом может быть человек, достигший восемнадцатилетнего возраста. О своём «открытии» я сказала

Каток на стадионе Норильска, конец 40-ых годов.

руководителям окружкома, они страшно удивились, что мне оказывается, нет ещё восемнадцати лет! Естественно, было выдвинуто другое доверенное лицо, но шума было много.

Вопреки моей серьёзной взрослой жизни, мне всё же хотелось оставаться юным существом. Однажды, когда выдался довольно редкий для Норильска тёплый вечер с температурой около десяти градусов мороза и без сильного ветра, я впервые в жизни пошла на каток, не умея кататься на коньках. Стадион располагался недалеко от дома и там выдавали напрокат коньки с ботинками. Ко мне подъезжали многие ребята, пытались учить меня. Я сама с Жекой кое-как с трудом двигалась по катку, но получалось у меня плохо, неуклюже. Мне было горько и обидно, что я не могу наслаждаться этим приятным движением под музыку. Тёплых вечеров в Норильске было немного, а свободных вечеров у меня ещё меньше, я так и не научилась кататься на коньках.

Долгая снежная холодная зима располагала к лыжным прогулкам, и мне очень хотелось побегать на лыжах, но не было ни лыж, ни соответствующей одежды. А вот участие студентов техникума в лыжных соревнованиях я, как председатель профкома через руководство окружкома профсоюзов, обеспечивала, находя для них и оснастку, и одежду, уговаривая ребят пробегать нужные дистанции. Думаю, тогда я начала приобретать элементы житейского практицизма, необходимого для дальнейшей непростой жизни.

29

Рабочая практика и первый отпуск

Вновь подкралась норильская весна с частыми пургой, морозами, таянием и новым замерзанием обильных снегов, удлиняющимися днями и приветливо засиявшим над горами солнцем. Экзаменационную сессию сдала хорошо. После второго курса предстояло пройти месячную ознакомительную практику: десять дней отводились на знакомство с энергохозяйством одного из предприятий энергосистемы комбината, остальные двадцать дней – работа на обмоточном участке ЭРЦ-а.

Знакомство с энергосистемой началось с небольшой старой электростанции ВЭС-2, которая до пуска в конце 1942 года ТЭЦ-1 являлась основным источником энергоснабжения комбината, посёлка и лагерей. К моменту прохождения нами практики ВЭС-2 пребывала в качестве резервной действующей электростанции, снабжая электроэнергией и теплом некоторые объекты посёлка. Всё это нам рассказал в техникуме преподаватель ТОО, не особенно заинтересовав. Я весьма слабо представляла, что такое электростанция, а уж как там работает оборудование, тем более. Всё это не казалось интересным и достойным внимания. Но с первого же момента пребывания на этой небольшой электростанции удивили строгий порядок и чистота: во-первых, нас распределили по сменам так, что в каждой находились не более двух студентов и мы не имели права без разрешения старшего по смене отлучаться с пульта управления станцией; во-вторых, руководитель смены провёл строжайший инструктаж по технике безопасности с обязательным ответом каждого студента на основные вопросы. Всё на электростанции казалось мне необычным и странным: в больших помещениях, наполненных до отказа различным оборудованием, под его громкий равномерный гул как-то незаметно происходила выработка энергии. Эта таинственная энергия позволяла работать предприятиям

и жить людям, и всё это без видимого вмешательства человека, ведь персонала на станции совсем немного! Находясь в смене дежурного инженера станции, выпускника нашего техникума, мы могли наблюдать за операциями, которые производил в это время персонал, в свободные часы они знакомили нас с устройством и характеристиками работы основного оборудования. Но понять что-либо в сложном процессе выработки тепла и электроэнергии я не могла: не обладала ни достаточными знаниями, ни стремлением к ним...

После ВЭС-2 мы снова попали в электроремонтный цех, но теперь на обмоточный участок, здесь всё казалось более осязаемым. Ремонт малых электрических машин и изготовление различных катушек для электрических аппаратов были видимыми и показались понятными! Ведущие рабочие этого участка, сплошь женщины, вручную изготавливали секции из медных, покрытых лаком или хлопчатобумажными нитками, проводов (проводники тока в электрических машинах). Заготовленные секции аккуратно укладывали в электродвигатели, затем собирали и паяли схему. Всё делалось вручную, и результат зависел исключительно от умения и добросовестности рабочего. Работали на участке и учили нас молодые женщины, которых во время войны девчонками привезли в Норильск из отдалённых мест Красноярского края. Здесь в комбинате они прошли обучение и стали опытными обмотчицами. Мне удалось под присмотром одной из них перемотать пару электродвигателей и изготовить несколько катушек для электроаппаратов, чем я очень гордилась. Отделением руководил очень яркий человек Александр Петрович Бронево́й, крупный молодой мужчина с большой полуседой бородой, говорили, что до лагеря он был военачальником. Он очень по-доброму и как-то по-отцовски относился к нам, студентам. Много грамотно и толково объяснял, в нем чувствовалась сила

Электростанция ВЭС-2, на которой я проходила практику в июне 1950 года.

и эрудиция. Уже в шестидесятые годы мама, находясь в Москве, выяснила, что знаменитый актер Бронево́й является его родственником.

Рядом с обмоточным участком располагалась небольшая лаборатория ЭРЦа, где высоким напряжением испытывалось трансформаторное масло. Эту операцию мы, конечно, должны были освоить. Операция показалась очень простой: в специальный сосуд наливаешь трансформаторное масло, поворотом ручки постепенно повышаешь подаваемое на него напряжение и в момент, когда происходит разряд, записываешь значение напряжения – оно и является характеристикой масла. После освоения этой работы инженер, допуская меня к испытаниям, попытался выяснить, как я представляю физику этого процесса и из ответов понял, что познания мои в электротехнике минимальны. Так я познакомилась и в дальнейшем очень сдружилась с Александром Арсентьевичем Прохоровым, бывшим инженером Московского завода «Динамо», прошедшим непростой путь от Москвы до ЭРЦ-а через стажировку в США, через Соловецкие и Норильские лагеря. Он руководил электрическими испытаниями оборудования, выпускаемого ЭРЦ-ем. Это был знающий инженер, очень начитанный человек, остроумный собеседник. В конце восьмидесятых годов он наряду с академиком Д.С. Лихачёвым¹ стал одним из героев фильма Марины Голдовской «Власть Соловецкая».

Александр Арсентьевич попытался заинтересовать меня высоковольтными испытаниями не только масла, но и трансформаторов, и электрических машин. Для чего он предложил прочесть несколько серьёзных технических инструкций, в которых я ничего не поняла, но обратила внимание на то, что автором многих инструкций был В.Н. Глазанов². Удивительно, насколько отечески-заинтересованными были тогда отношения к нам, не слишком образованным студентам,

¹ Лихачёв Дмитрий Сергеевич – знаменитый российский филолог, историк древнерусской литературы, литературовед, текстолог, публицист, общественный деятель, академик Российской Академии наук, 1906 – 1999 гг.

² Глазанов В.Н. – крупный инженер, ученый, защитивший первую диссертацию на норильском материале в 1943 году, когда ему помогли освободиться из лагеря досрочно. Будучи заключенным, организовал и руководил электротехнической лабораторией, ставшей электротехническим мозгом комбината. Его работы на многие годы определили высокий уровень эксплуатации и испытаний высоковольтного оборудования. Как учёный, положил начало многим работам, связанным с электротехническими направлениями в условиях вечной мерзлоты. Насколько важными являлись работы эка Глазанова для комбината подтверждают некоторые выдержки из его норильских писем жене «...большинство вопросов энергетики не обходится без моего участия..., сделал одну интересную научную работу и заслужил здесь большой технический авторитет» (из материалов Обнинского музея о В.Н. Глазанове). Свою деятельность электрофизика в пятидесятые годы продолжил в Физико-энергетическом институте города Обнинска заместителем директора по науке. Там же организовал и был первым директором филиала МИФИ. Я лично с Владимиром Николаевичем не встречалась, но в последующие годы находила ответы на некоторые электротехнические вопросы в его инструкциях и расчётах. В дальнейшем по рекомендациям Прохорова и Сусанны, я бывала в лаборатории, созданной усилиями Глазанова. Там я познакомилась ещё с одним ярким человеком, физиком С.Штейном, после реабилитации ставшим известным российским писателем С. Снеговым. В его «Норильских рассказах» есть эпизоды, связанные с А.А. Прохоровым, там же, имея в виду зеков, он утверждал: «...свобода терялась, совесть и убеждения сохранялись».

этих уже состоявшихся и немало повидавших инженеров. Прохоров¹, прощаясь, сказал мне: «Если захочешь быть электриком – будешь, но для этого нужно долго учиться». Я не думала тогда, что хочу быть электриком, но что для определения своего места в жизни предстоит ещё много и долго учиться, знала точно.

Несмотря на мою электротехническую «темноту» и тягу к гуманитарным знаниям, практика оказалась для меня интересной, я медленно и нерешительно продвигалась к желанию понимать работу очень непростого электротехнического хозяйства и к возможности в дальнейшем вести профессио-

¹ В моей дальнейшей профессиональной, и не только, жизни этот человек сыграл важную роль. Приведу некоторые выдержки о первых днях его работы в Заполярье из «Норильских рассказов» Сергея Снегова. Летом 1939 года (после массовых расстрелов заключённых 1938 года) Прохоров с автором были отправлены из Соловецкой тюрьмы в Норильск вместе с двумя тысячами других заключённых. О месте назначения никто ничего не знал, но один из эков «знал всё обо всём». Вот его представление о Норильске и реакция Прохорова: «Норильск это новый мировой центр драгоценных металлов. Жуткое Заполярье, вечные снега, морозы даже летом, в общем, и ворон туда не залетает, и раки там не зимуют. И Макар телят туда не гонял, это точно известно. А – золота и алмазов навалом. Наклоняйся, бери и суй в карман. – Вот же врёт, бестия! – восхищённо высказался мой новый приятель Саша Прохоров, московский энергетик, года два назад вернувшийся из командировки в Америку и без промедления арестованный, как шпион и враг народа. – И ведь сам знает, что врёт! Конечно, половина вранья – правда. По статистике, у каждого выдумщика вероятность, что в любой его выдумке половина – истина. Математический факт»

После соловецкого «отдыха» и тяжелейшего этапа ослабленных людей направили на общие работы (это ручные земляные работы – основные тогда на Норильской площадке). «УРО – Учётно-распределительный отдел – сформировал рабочие бригады. В УРО служили, мне кажется, шутники, они составляли рабочие бригады по образовательному цензу и званиям. .... Наша бригада называлась внушительно; «бригада инженеров». В ней и вправду были одни инженеры – человек сорок или пятьдесят. .... для такого большого строительства в Норильск в лето и осень 1939 года гнали и гнали многотысячные этапы заключённых. Наш соловецкий этап был не первым и даже не самым многочисленным. Зато он, это скоро выяснилось, был наименее работоспособным. .... сразу стало ясно, что из нас, инженеров, землекопы – как из хворостины оглобли. И не потому, что отлынивали, что не хватало усердия, что не обладали землекопным умением. Не было самого простого и самого нужного – физической силы. Мы четверо, я, Хандомиров, Прохоров и Анучин, лезли из кожи, выламывая из мёрзлой почвы небольшой валун и лишь после мучительных усилий, обливаясь потом под холодным ветром, все снова хватаясь за проклятый валун, кое-как вытаскивали его наружу. И ещё потратили час и столько же сил, чтобы приподнять валун, и взвалить на тележку, тащить его на носилках, как приказывали, никто и подумать не мог. .... В барак на отдых мы в этот день не шли, а еле плелись. .... В бараке нас ожидала горбушка хлеба и миска супа, но и того и другого было слишком мало, чтобы надёжно подготовиться к завтрашнему «вкальванию». На мои нары уселся Прохоров – он обитал на втором этаже, но так обессилел, что не торопился лезть наверх.

– Серёжа, дойдём, – сказал он. – Ситуация такая: нас хватит недели на две. А за две недели шоссе не выстроить. Наша пайка не восстанавливает силы, чую это каждой клеточкой.

К нам подсел Хандомиров и придал беседе иное направление.

– И такой пайки скоро не будет, – предсказал он. – Мы же не вытянули нормы, и завтра не вытянем, и послезавтра. И нас посадят на гарантию, никакой горбушки, никакой полной миски дважды в день! Триста граммов хлеба утром, триста вечером, а баланда – только утром. Полной пайки не хватает, а если половинная?

– Что же делать? – спросил я.

– Выход один – зарядить туфту! Туфту такую внушительную... Без туфты погибнем.

– Мысль хорошая, – одобрил Прохоров. – Одно плохо: не вижу, как реально зарядить туфту.»

нальные разговоры с повстречавшимися высокообразованными инженерами. Начинала чувствовать свою причастность к живой настоящей жизни, хотелось освободиться от страха и беспомощного ожидания удара, неизвестно откуда, которые меня ещё посещали.

На моё восемнадцатилетие, пришло несколько ребят из техникума, и в связи с моей «взрослостью» мама впервые достала для нас пару бутылок хорошего вина. Судя по записям в дневнике, мне было невесело: «...вот мне уже исполнилось 18 лет... обидно, что не было детства и юности – всё время взрослые заботы и дела...».

В июне мне поручили вести концертную программу клуба профсоюзов на выпускном вечере в школе №1. Этот вечер оказался для меня пыткой: я вновь пережила тягостные минуты, вспоминая о своей любимой московской школе, мне мучительно хотелось быть на месте этих вчерашних десятиклассников. Казалось, что с каждым выданным аттестатом зрелости уходит моя юность...

Завершив учебные и общественные дела, я собралась в Москву, мама решила, что мы можем себе позволить эту поездку. Она купила мне путёвку в дом отдыха под Москвой недели на три. И вот я, радостная, полная ожиданий, лечу. Тогда летали сначала до Красноярска – самолётами «полярной авиации», а от Красноярска до Москвы на самолёте «гражданской авиации». Самолёты везде одинаковые – ИЛ-14, посадок делали много: от Норильска до Красноярска – четыре и далее до Москвы – ещё четыре. Летала я тогда очень тяжело, меня жутко укачивало, и каждая посадка самолёта обходилась мне очень дорого. Окружающие, как могли, помогали, применяя разные методы, вплоть до принуждения выпить немного коньяка! К сожалению, всё это не помогало.

В Москве меня с радостью встретили Тата и тётя Маня. Моя верная подруга никуда не уехала на лето, мы бродили с нею по любимым местам, побывали в театрах, не уехавших

Август 1950 года, Кратово, Тата и Виктория.

на гастроли из города, не могли наговориться. Дом отдыха располагался в Кратово, куда почти каждый день приезжали ко мне то Тата, то тётя Маня. Там подобралась довольно большая группа молодёжи. Мы играли в волейбол, купались в большом красиво-заросшем пруду, танцевали.

Полтора месяца долгожданного отпуска быстро пролетели – и вот снова отъезд поездом до Красноярска. В Норильске в те времена не продавались свежие овощи, фрукты, яйца и еще много чего, необходимого для жизни. Из Москвы пришлось нагрузиться всякими «дефицитными» продуктами, в том числе я везла яички и нафталин, которые в конце путешествия оказались почему-то вместе, так что дома этим «деликатесом» – яйцами под нафталином – воспользоваться уже не пришлось...

30

Мои поклонники

В Красноярской гостинице «Север» я встретила девочку с четвёртого курса нашего отделения Настю Иванову, и мы решили дальше по Енисею плыть вместе. Пароходов в ближайшие дни не предвиделось, и поскольку в городе скопилось много студентов норильского техникума, руководство комбината дало команду погрузить нас на баржу, в которой обычно перевозили заключённых. На берегу ещё до посадки меня приняли в свою компанию ребята с её курса, среди них был и Виктор Володин, который до этого проявлял ко мне интерес очень осторожно и ненавязчиво.

Наши шустрые и предприимчивые парни ещё до общей посадки на баржу умудрились занять самые хорошие места в этом «комфортабельном» плавсредстве. Началось моё второе, на этот раз весёлое, путешествие по Енисею. Погода была на редкость тёплая и яркая, мы много времени проводили на палубе, любовались берегами, болтали, разыгрывали друг друга. Спали мы на третьем этаже нар (нары – сколоченная из грубых неошкуренных досок трёхэтажная кровать, протянувшаяся на всю площадь баржи под палубой), рядом парни и девушки. Парни не позволяли себе никакого грубого

На берегу Енисея в Красноярске,
А. Иванова, В.Вязунова, август 1950 г.

или пошлого слова, охраняли девчонок. Более подробное описание этого путешествия можно найти в записках В. А. Володина «Только правда, и ничего, кроме правды...».

Теперь мне кажется удивительным то состояние радостной беспечности, в котором мы тогда пребывали, расположившись на жёстких нарах, перевозивших до нас не одну сотню тысяч измученных бесправных заключённых! При этом многие из нас тогда понимали, что могут в любой момент оказаться среди этих людей: шёл 1950-й год! Но молодость, красота окружающей сибирской природы и могучей реки, желание просто жить не допускали в наши головы такие тяжёлые мысли.

Володин окружил меня такой заботой и обожанием, что никто сквозь эту стену прорваться уже не мог. Мне понравились его серьёзность, порядочность, трудолюбие и честность, которые были заметны даже в таком коротком путешествии, показалось, что в мою жизнь стучится добрый и внимательный человек. Вопреки вдалбливаемой в наши головы партийно-советской идеологии, я, кажется, начинала понимать, что простых человеческих чувств в нас больше, чем идеологии. Я пригласила Виктора бывать у нас дома, хотя предполагала, что:

*Всё будет смыто
Волною от ушедших барж.*

В. Гафт¹

По прибытии в Норильск Виктор проводил меня до дома, при этом потерял свой чемодан, его украли при разгрузке, пока он бегал к себе на работу, чтобы добыть для нас автомашину. С этого дня я постоянно чувствовала его расположение и интерес к себе.

Во время нашего плаванья на барже моё внимание привлёк ещё один молодой человек, который пытался ко мне приблизиться. Уже в Норильске выяснилось, что это сын наших знакомых Юля Беднов, ехавший из Москвы на каникулы к родителям. Мамины приятели Бедновы были очень простой и интересной семьёй: глава семьи, старший Беднов – бывший крупный комсомольский работник Украины. Во время гражданской войны его молодёжная организация очень пострадала от «белых», многих постреляли, но он остался жив, а в 1937 году получил свои десять лет и в тяжелейших условиях отбывал их. Его жена и двое сыновей прошли все этапы пути семей «врагов народа». Когда началась война их, конечно, не эвакуировали, и они остались в оккупированной Украине. Жена погибла, а сыновей, младшего Виктора, 1932 года рождения, старшего Юлия, 1925 года рождения, угнали в Германию. Мальчишкам удалось выжить, вернуться в СССР к отцу, который, осво-

бодившись из лагерей, связал свою судьбу с Е.Л. Мегрбян. У неё также был сын такого же возраста, как старший сын Беднова, Юля. В Норильске с ними жил и учился только младший сын Беднова, взрослые часто шутили, что уж из трёх сыновей я должна кого-то «выбрать». Двое старших учились в московских институтах. В связи с приездом на каникулы Юли, они сразу пригласили нас в гости и, когда я там появилась, то он был радостно удивлён, что я та девочка, которую он заметил на барже. Юля учился в Станкине, был очень начитан, неплохо разбирался в музыке, литературе и живописи и, несмотря на всё пережитое в детстве и юности, оказался общительным человеком. Из рассказов мамы я знала, что Юля и его брат Витя чудом выжили во время войны, находясь в концентрационном лагере. В конце войны влиятельным родственникам Е. Л. Мегрбян удалось найти и вытащить их оттуда, не дав переключиться в наш лагерь. Тогда не было принято расспрашивать о прошлой жизни, а сам Юля не распространялся. О его страшных переживаниях тех лет я узнала недавно из напечатанного фондом «Русский мир» рассказа «Расстрел» и кратких данных о его жизни.

Вот они: «Юлий Михайлович Беднов (23 июня 1925 – 17 января 1997) родился на Украине, в Днепропетровске. В 1942 году попал в концентрационный лагерь «Бухенвальд», где и находился до конца войны. В 1947-м экстерном окончил школу с золотой медалью и поступил в Московский станко-инструментальный институт. Работал начальником отдела в «Станкоимпорте».

Тогда, осенью 1950 года, я была ему интересна. Пробыл он в Норильске больше месяца и почти каждый день старался повидаться, хотя у меня уже начались не только занятия, но и общественные дела, да и в клуб профсоюзов я продолжала бегать. Юля вызывал и у меня интерес, поэтому я находила время для общения с ним. Ухаживания его были легки и красивы, он говорил много одобрительных и восхищённых слов в мой адрес, надеялся на продолжение наших встреч в Москве. У меня было ощущение, что в этом потоке красивых речей больше его самовыражения, чем искренних чувств ко мне, хотя называл он меня «самой хорошей девочкой на земле». В конце сентября Юля добился

Юля Беднов, 1950 год, Москва.

¹ Гафт Валентин Иосифович – актёр театра и кино, поэт, народный артист РСФСР, родился в 1935 году.

возможности уплыть на пароходе из Дудинки по морю. Ему это удалось, хотя никаких пассажиров на суда, идущие Северным морским путём, тогда не брали. С Юлей у меня началась годовая довольно интересная переписка, которая осенью 1951 года заглохла.

Ещё весной, кажется в апреле, за мной начал рьяно ухаживать Николай Саталкин, это также был уже взрослый самостоятельный человек, работал где-то диспетчером и занимался в драматической студии клуба профсоюзов. Он был утомительно настойчив в своих ухаживаниях, каким-то образом познакомился с мамой, пытался «подкупить» моего брата: без разрешения забирая его кататься на лыжах в тундру. Перезнакомился с моими сокурсницами, стараясь через них добиться моего расположения. С ним было интересно иногда поговорить, так как он много читал, сам писал стихи и прозу, мечтал стать литератором, а пока играл в спектаклях клуба главные мужские роли. Я не поощряла его ухаживаний, но он всё время старался быть возле меня. Когда я вернулась осенью из Москвы, он продолжал свои настойчивые преследования, хотя видел меня и с Юлей, и с Виктором. Писал огромные письма, стихи. Всё это было для меня тягостно и не интересно, о чём я ему неоднократно говорила. Я решила прекратить ухаживания Саталкина и попросила Витю по-мужски с ним поговорить, ведь мои уговоры оставить меня в покое на него не действовали. Виктор успешно выполнил это задание: Саталкин, наконец-то, понял, разразился письмом на сорок страниц (формата 4А) и перестал меня преследовать. Чтобы не встречаться с ним даже на сцене, я отказалась от роли Ларисы в пьесе «Бесприданнице» А.Н. Островского¹, которую начала репетировать, так как он должен был играть Паратова...

В 2012 году моя дочь нашла в интернете материалы о Николае Васильевиче Саталкине, недавно ушедшем из жизни. Он, по сведениям газеты «Курская правда» – писатель, поэт, член Союза российских писателей. Участвовал во второй мировой войне, был ранен, арестован прямо в госпитале в 1944 году за стихи, в которых усмотрели клевету на Сталина. Отбывал срок в Норильских лагерях, освобождён досрочно, после смерти вождя реабилитирован. Написал трилогию «Сквозь любовь и терпение» и несколько книг стихов. Если мне удастся найти его книги, прочту обязательно! Наверное, он изобразил меня в виде страшной «змеи», ведь я так оскорбила его мужское самолюбие! Пусть он простит меня, я была с ним честна.

Удивительно, но даже несмотря на загруженность разнообразными делами и увлечениями, число моих поклонников не уменьшалось. Не могу этого приписать своей особой женской привлекательности. Я была обыкновенная, наверное, хорошенькая девчонка с непривлекательной фигурой, одевавша-

я весьма скромно, насколько позволяли наши материальные возможности, а главное, я не очень-то и стремилась к «покорению» мужских сердец! Причём в мои «сети» попадали не только студенты техникума, предлагавшие свою дружбу, тогда это называлось так, но и довольно взрослые парни, окончившие техникум и работавшие уже металлургами, горняками, по-прежнему посещавшие наши вечера. Из-за выступлений со сцен клуба профсоюзов, ДИТРа со мной искали встреч и молодые специалисты-инженеры. Это происходило, очевидно, из-за преобладания в Норильске молодого мужского населения и моих многочисленных занятий, дававших возможность общения с большим количеством людей. И всё же я чувствовала какое-то «публичное одиночество»...

К восемнадцати годам у меня сформировалось определённое отношение к противоположному полу. Поскольку в семье мужчин не было, то реальных представлений о них было немного. Папу я видела последний раз в возрасте девяти лет, и ему в мыслях приписывала все лучшие качества известных мне литературных героев. Взрослые мужчины, которых я наблюдала вблизи за прошедшие годы, особых впечатлений не оставили. Из реальных встреч с молодыми людьми у меня сложилось по отношению к ним осторожное любопытство. Главное для меня было понять из разговоров, поступков, что за человек пытается ко мне приблизиться. Я свободно общалась с парнями в техникуме, в театре, в библиотеках, разрешала провожать себя домой, иногда могла сходить в кино с кем-то, но приглашать к себе домой и переходить к более близким отношениям избегала. В отличие от некоторых любвеобильных девчонок я не «влюблялась», таких слов не было в моём лексиконе, так как считала их высокими, неизменными. Если кто-то из молодых людей казался мне интересным, я старалась понять его личность, не очень обращая внимание на его внешность. Что касается секса, как известно «его в СССР не было», поэтому я, как и многие девушки тех лет, не очень интересовалась этими вопросами.

¹ Островский Александр Николаевич – русский писатель драматург, 1823 – 1886 гг.

31

Большие перемены

В техникуме третий курс принёс много работы, появились новые совершенно неведомые мне специальные электротехнические предметы. К сожалению, лучшие преподаватели из эков и бывших эков исчезли: их отправили в «вечные ссылки» или лагеря. Кстати, термин «эка» происходит от слов «заключённые каналаармейцы», совсем коротко – «з/к». Так Сталин распорядился при строительстве Беломорканала называть его каторжных созидателей. В «вечную ссылку» перестали отправлять в 1954 году, уже после смерти Сталина и тем, кто находился в ссылке, начали выдавать паспорта.

К сожалению, убрали и нашего замечательного руководителя электромеханического отделения Бориса Семёновича Медведовского¹, который должен был начать нам преподавать с этого года. К третьему курсу он уже хорошо знал каждого студента, внимательно наблюдая и анализируя наши учебные успехи или неудачи. Отправленных в глухие таёжные места Красноярского края опытных преподавателей заменили довольно молодые инженеры-электрики из энергосистемы и проектной конторы. Они старались соответствовать уровню отстранённых педагогов и дать нам всё, что сами знали. Лекций, домашних заданий, лабораторных работ, курсовых проектов обрушилось на наши головы множество. Несмотря на то, что я плохо знала производство, слабо разбиралась в физических процессах электротехники, сдавала я всё вовремя и хорошо, даже имела наглость, получив «4» по теоретическим основам электротехники, пересдавать этот предмет на «5». Не потому, что считала себя знающей электротехнику на «пять», просто для меня важна была повышенная стипендия!

¹ Медведовский Б.С. до ареста в 1938 году был начальником энергетического отделения Инженерного управления Красной Армии.

В клубе профсоюзов у меня появился новый педагог – Эда Юрьевна Урусова¹, великолепная актриса Московского театра имени Ермоловой из старинной княжеской семьи. В те годы она, освободившись из лагеря после второго ареста, отбывала ссылку и работала в Норильском театре, лишённая всех гражданских прав, но не утратившая своего интеллекта и таланта. Эда Юрьевна не только опытная талантливая актриса, переигравшая почти весь классический и современный репертуар главных и характерных героинь (в театре-студии имени М.Н. Ермоловой в Москве и в различных театрах КВЧ ГУЛАГа на строительстве БАМ²), но и сложившийся педагог. Она очень серьезно занималась со мною, готова к выступлениям со сцены, отшлифовывая речь, жесты, много времени уделяла этюдам. Учила, что чем проще и сдержаннее читаешь текст, тем эмоционально сильнее воздействие на слушателей «ударных мест». Мы подготовили с нею поэму «Зоя» Маргариты Алигер³, работали долго и напряжённо, я вкладывала в неё что-то своё, вспоминая личную встречу с матерью Зои Космодемьянской в школьные московские годы. И только, когда Эда Юрьевна сочла возможным, я начала читать её со сцены, вызывая иногда слёзы слушателей. После отъезда И. Русинова мне вновь очень повезло с мастером сцены, занятия были не просто увлекательные, они очень меня обогащали, заставляли думать о своей жизни, и взрослеть. Работа над различными этюдами из жизни, принуждала становиться более наблюдательной и внимательной к окружающим. Эда Юрьевна (по паспорту Евдокия) не рассказывала о своей жизни, но я знала, что она сослана в Норильск и интуитивно начинала понимать свою наставницу, которая с честью выдержала все испытания, выпавшие на её долю, сохранив при этом человеческое достоинство и душевную теплоту. Вот что писал в восьмидесятые годы прошлого столетия И. Смоктуновский⁴, работавший в Норильском театре с Урусовой «... я тогда просто восхищался талантом Урусовой-актрисы, её талантом настоящего большого человека, всегда готового прийти на помощь в любой беде».

Урусова Е.Ю.

¹ Урусова Е.Ю. – народная артистка РСФСР, 1908 – 1996 гг.

² БАМ – Байкало-Амурская магистраль. Железная дорога, которую в 30-е годы начали строить заключённые.

³ Алигер Маргарита Иосифовна – русская советская поэтесса, 1915 – 1992 гг.

⁴ Смоктуновский Иннокентий Михайлович – актёр театра и кино, народный артист СССР, удостоен всех высших наград страны, 1925 – 1994 гг.

К концу первого сезона занятий со мной она сказала, что я должна подумать над возможностью в дальнейшем связать свою судьбу с театром и при положительном решении готовиться к поступлению в театральное училище. Меня это сильно взбудоражило, и после этого разговора мысли о такой возможности стали посещать меня.

После реабилитации Урусова – вновь ведущая актриса своего любимого Московского театра, много играет, снимается в кино, на телевидении. Я каждый свой приезд в Москву отмечала походом в Ермоловский театр на спектакли с участием своего педагога, после чего мы обязательно обсуждали с нею новости театра, жизни, современной поэзии. До сих пор слышу её замечательный неповторимый голос в пьесе Эдуардо Де Филиппо¹ «Суббота, воскресенье, понедельник», где она великолепно играла роль экстравагантной тётушки Мене. Для меня она не народная артистка РСФСР, а близкий человек, помогавший мне, девочке, когда-то найти себя, женщина полная внутреннего достоинства, доброты, потрясающей эрудиции и невероятной работоспособности. Главное, чему она меня научила – «поклоняться искусству, только ему безраздельно, бесцельно» (В.Брюсов²).

Конечно, меня не оставляли в покое и общественные дела, профком с его далёкими от поэзии бесконечными проверками то столовой, то общежития, заседаниями, организацией вечеров и прочей муторной, часто весьма неинтересной, работой. Кроме того, меня ещё нагружали различными комсомольскими делами в техникуме.

К третьему курсу я привыкла к ребятам из своей группы, со многими установились хорошие дружеские отношения. Думаю, что я начала лучше разбираться в окружающих людях, меньше предаваться собственным переживаниям и грусти. Это позволило мне рассмотреть за внешней неуклюжестью, грубостью и невоспитанностью некоторых наших парней-сибиряков внутреннее уверенное спокойствие, здравый смысл, доброжелательность и желание работать. Помню, мы большой группой смотрели только что появившийся фильм Ивана Пырьева³ «Кубанские казаки», ребята заворожённо, с восторгом, наблюдали за происходящим на экране. После просмотра много спорили о фильме. Конечно, мы, особенно ребята из сибирских деревень и посёлков, понимали, что это сказка, не реальность. Нам так хотелось дожить, добраться, создать эту сказку и говорить о тяжёлой, а порой, страшной жизни совершенно не хотелось. Это, очевидно, и есть «подростковое сознание».

Поскольку в основном наши преподаватели были производственниками и много рассказывали об энергетике комбината, я начала больше интересо-

ваться реальными электрическими делами нашего промышленного района. В этом мне помогал Виктор, который, бывая у нас дома, много рассказывал о своих электрических приключениях. Он учился очень хорошо, работал на предприятии «Высоковольтные сети» в аварийной службе электромонтёром, в техникуме его выбрали комсоргом курса. Свободного времени у него не было совершенно, но он его где-то находил, чтобы забежать к нам поболтать вечером со мною, пофотографировать меня. Его «ухаживания» были ненавязчивы, очень чистые и прозрачные, я чувствовала за ними что-то очень глубокое и настоящее. Он не скрыл от меня, что его отец сидит по 58-ой статье с 1938 года, и от него нет никаких известий. О своём пребывании на фронте Виктор не распространялся, хотя я знала, что у него есть боевые награды. Ему оставалось сдать последнюю экзаменационную сессию и заняться дипломным проектом. В один из ноябрьских вечеров 1950 года, когда на улице мороз был ниже сорока градусов, и зимняя темнота рано надвинулась на наш посёлок, я занималась совершенно не романтичным делом – гладила. Витя пришёл к нам домой на Заводскую очень взволнованный и признался в своих чувствах ко мне. Меня, уже привыкшую к излияниям поклонников, озадачили слова, которые он нашёл для этого разговора. Очевидно что-то поняв, я сразу не отвергла его, но и ничего не обещала. Такая вот – весьма «независимая» девица.

Виктория Вязунова, Норильск, 1950 год.

Виктор Володин, Норильск, 1950 год.

¹ Эдуардо Де Филиппо – итальянский драматург, 1900 – 1984 гг.

² Брюсов Валерий Яковлевич – русский поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик и историк, 1873 – 1924 гг.

³ Пырьев Иван Александрович – советский кинорежиссёр, 1901– 1968 гг.

Первый семестр третьего курса промелькнул незаметно, так как работы было много. Мне пришлось вникать в совершенно незнакомые предметы, такие как электропривод, электрические сети, оборудование станций и подстанций, электрические машины. Электрические сети у нас читал грамотный инженер Корсак С.П.¹ Он не просто отчитывал нам свой предмет, но старался, чтобы мы знакомились с электрическими сетями нашего промрайона и знали их параметры для дальнейшего выполнения расчётов выбранных сетей в курсовых проектах. Станислав Петрович, будучи очень разносторонним увлекающимся новыми инженерными решениями человеком, пытался «зажечь» нас такими же устремлениями. Его напор и увлечённость очень воодушевили, курсовой проект по электрическим сетям с большим количеством расчётов я выполнила на одном дыхании и достаточно качественно. Заслужила похвалу учителя, что имело серьёзные последствия – он рекомендовал меня к моменту окончания техникума в отдел режимов энергоуправления инженером-расчётчиком.

Основные расчеты электрических станций и подстанций, выбор оборудования для них и его эксплуатацию преподавал нам руководитель отдела энергоуправления Н.А. Сеулин. Слушать этих инженеров было интересно. Они не просто объясняли теорию процессов, но связывали её с конкретными задачами по эксплуатации линий электропередач, станций (их тогда было две: ТЭЦ-1 и старая маленькая ВЭС-2) и подстанций Норильского промрайона. Особенно содержательными и поучительными для нас являлись разборы конкретных аварий в сетях, на электростанциях и подстанциях, которые происходили в эти дни на промышленных площадках Норильска.

Электрические машины нам преподавала молодой инженер, не имевшая опыта практической и педагогической работы. Она очень старалась донести до нас смысл этого предмета, но я не «вошла» в него, и, наверное, поэтому в дальнейшем серьёзно занялась электрическими машинами.

¹ Корсак С.П. - в то время руководитель энергоуправления в дальнейшем ставший директором ТЭЦ-1 и превративший эту электростанцию в современное чистое предприятие, хотя станция тогда работала только на угле. В 60-ые годы он стал заслуженным изобретателем РСФСР, имел десятки изобретений и выполненных работ по конструированию, расчёту, исследованиям и эксплуатации электродных котлов, электрических котельных и электротермических установок.

32

Решающий год

Эда Юрьевна серьёзно начала заниматься со мной появившейся поэмой молодого поэта Маргариты Агашиной¹ «Моё слово». Всех тогда охватил накал «холодной войны» между СССР и Западом, поэтому, когда какой-либо западный самолет нарушал нашу границу, поднимался страшный информационный шум. Одно из таких нарушений послужило поэтессе поводом для написания поэмы, как личных воспоминаний о прошедшей войне 1941 – 1945 годов. Там были строки очень близкие людям, перенесшим эту страшную войну, и обращение к западным женщинам:

*Я помню: самолёты ясным летом
к Советскому летели рубежу.
Мне очень трудно вспоминать об этом,
но я тебе об этом расскажу.*

Я с большим вниманием и интересом вникала в каждую строчку поэмы, вкладывая в неё свои воспоминания и представляя переживания мамы во время войны, не особенно распространяясь дома, над чем работаю. Мама не знала поэзии Агашиной и, когда мне впервые пришлось читать её на вечере чекистов (теперь уже я провела маму в ДИТР!), она была так потрясена ею, что разрыдалась прямо в зале. Эда Юрьевна настолько профессионально меня подготовила, что я не сорвалась и дочитала поэму до конца.

Витя не бывал на концертах и спектаклях, в которых я участвовала, так как всегда был очень загружен: его назначили на ответственную работу – мастера

¹ Агашина Маргарита Константиновна – известная русская поэтесса, поэма «Моё слово» её дипломная работа к окончанию литературного института в 1950 году, 1924 – 1999 гг.

высоковольтных подстанций, и он, по сравнению со мною, глубоко вникал в изучаемые предметы. Мой мастер сцены по-прежнему считала, что после окончания техникума я должна поступать в один из московских театральных ВУЗов... Мама при Вите сказала что-то об услышанной в моём исполнении поэме и о мнении Эды Юрьевны по поводу дальнейшей учёбы. Он попросил меня почитать поэму, я долго отнекивалась (она была подготовлена для чтения со сцены), но однажды прочла ему отрывки... Погрустнев, мой друг очень серьёзно сказал, что если я приму решение поступать в театральный ВУЗ, то он мне поможет. Я сострила, что там не нужно знать электротехнику.

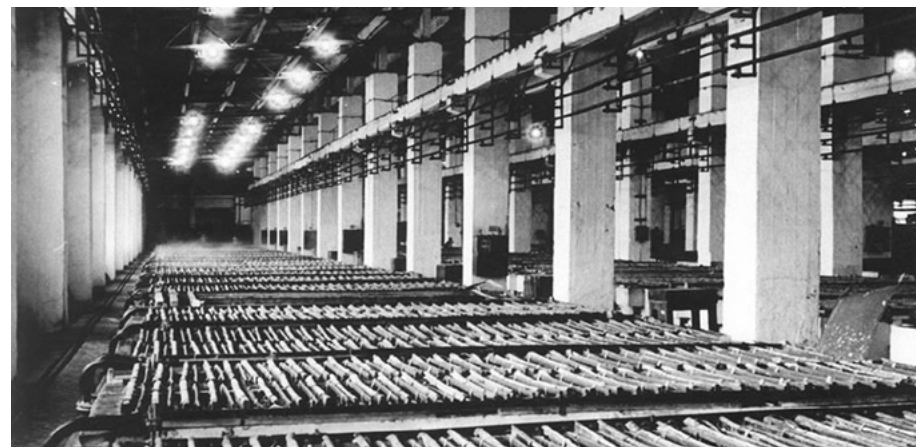
Новый 1951 год мы встречали с Виктором, сумевшим освободиться от работы. К этому времени я уже избавилась от обязанностей председателя профкома техникума, чему искренне радовалась. Мы пошли в большой спортзал Норильска, где установили огромную ёлку и играл хороший оркестр. С нами Новый год встречал Юра Качан – однокурсник и приятель Вити, который занимался гимнастикой и отлично танцевал. Мы много танцевали, я чувствовала себя весело и легко, а главное свободной от общественных и художественных обязанностей – это был вечер для работников управления комбината, а не техникумовский.

Очевидно, я очень перегрузилась и к весне 1951 года, плохо себя почувствовала, мама подключила лучших врачей Норильска, чтобы меня восстановить, и неожиданно они диагностировали диабет! По тем временам – страшный диагноз. В окружке профсоюзов начали «добывать» для меня путёвку на лето в специальный диабетический санаторий в Ессентуках. Меня посадили на диету, мама даже заготовила инсулин для ежедневных уколов. Весьма слабо разбираясь в медицинских делах, я не очень серьёзно отнеслась к диагнозу, сессию сдала хорошо и с удовольствием пошла на практику. После третьего курса практику полагалось проходить, знакомясь с электрическим оборудованием металлургического предприятия.

Меня направили в цех электролиза никеля Никелевого завода. Оформили на рабочую должность дежурного электромонтёра шестого разряда (наверное, такова была свободная единица в электрослужбе цеха!). Работать пришлось в бригаде по ремонту электрооборудования электрических мостовых кранов. Работа тяжёлая, вредная и опасная, на высоте, над электролизными ваннами, испаряющимися горячие пары серных кислот. Не знаю, как бы я справилась, если бы не бригадир – очень славный немолодой мужик, хорошо знающий дело и пользующийся уважением среди рабочих. Он строго следил, чтобы я не нарушала правил техники безопасности, а один раз просто спас меня: я поскользнулась и чуть не свалилась с крана (высота более десяти метров над уровнем пола), он схватил меня и удержал от падения. Кроме того, он сам, недавно освободившийся заключённый, прекрасно знал, какой контингент вокруг работает, а среди слесарей по ремонту механиче-

ской части кранов были настоящие бандиты из «друзей народа». Однажды, когда я работала на одном из кранов, там возникла драка между бандитами с применением холодного оружия, он сумел вывести меня оттуда до того, как они порезали друг друга. Таким образом, за месяц я не только практически ознакомилась с электрооборудованием и аппаратурой мостовых электрических кранов, но и почувствовала особые «взаимоотношения» в рабочей среде.

Работала я ежедневно по шесть часов, так как это был вредный цех, работала всегда днём. Времени у меня оставалось достаточно, и к окончанию практики я успела подготовить и курсовой проект по электроприводу и отчёт по практике. В это время Виктор заканчивал дипломный проект и готовился к его защите. Я, уже интересуясь своей будущей профессией, начала слушать защиту дипломных проектов электриков. Побывала и на защите Виктора. У него был отличный, очень объёмный проект. Он необыкновенно волновался, поэтому, когда председатель (главный энергетик комбината - Бронштейн) попросил его сформулировать закон Ома, он начал его выводить и объяснять так подробно и пространно, что комиссия уже не знала, как его остановить.

Цех электролиза никеля Норильского комбината.

Я получила зарплату на никелевом заводе за месяц работы, это были для нас ощутимые деньги, плюс повышенную стипендию за лето, да ещё мне выдали бесплатную санаторную путёвку в Ессентуки. Всё это позволило мне спокойно лететь в Москву тем же маршрутом Норильск-Красноярск-Москва и снова на самолётах ИЛ-14 с бесчисленным количеством выворачивающих «душу» посадок.

Провожал меня в аэропорту Норильска Витя, уж не знаю, как он вырвался с работы. Улетала я перед своим днём рождения, он пытался сделать подарок в виде денег на часы, купить их в Норильске в те времена было невозможно, я не приняла его: таковы были мои представления на этот счёт. День выдался очень мрачный, непрерывно шел крупными хлопьями мокрый снег. Он был очень грустен, очевидно, знал о моём диагнозе, но решительно сказал, что будет меня ждать и согласится с любым моим решением.

В Москве я закружилась в потоке дел и встреч. До отъезда на юг мне требовалось что-то пошить, что являлось тогда большой проблемой. В этих делах, конечно, помогала моя дорогая тётя Маня. Забавно пошили мне летнее платье: она где-то «достала» шарфики из модного тогда материала-штапеля в таком количестве, что хватило на пышное платье, её портниха быстро его сшила. Кроме того, она свела меня с настоящей, ещё дореволюционной, корсетницей. Таким образом, я «приоделась» вполне прилично.

С радостью и некоторой грустью побывала на выпускном вечере в родной школе, где меня тепло приняли выпускницы и преподаватели, и вновь очень захотелось вернуться в Москву и поступить в какой-нибудь ВУЗ. Мы с Татой повстречались с Марком за городом, но эта встреча меня уже совершенно не взволновала. За Татой тогда ухаживал приятель моего двоюродного брата Лёни – Гена, и мы вчетвером довольно весело провели несколько дней, посещая парки, концертные площадки и даже ипподром.

Виктория, Лёня, лето 1951 года, Москва, ипподром.

Несмотря на обилие интересных московских встреч, меня не оставляли мысли о дальнейшей учёбе и жизни. Через год я окончу техникум и что дальше? Урусова дала мне письмо к своим московским приятелям-актёрам, в котором просила прослушать меня и высказать своё мнение. Мысли всё время возвращались к этому мучительному вопросу: идти ли на прослушивание? Воспоминания о Вите также не давали мне покоя, я уже начинала понимать, что наши встречи должны завершиться либо чем-то серьёзным, либо прекратиться, так как «водить его за нос» нехорошо. Мне казалось, что время моего горького стремления просто выжить и устоять, прошло, и передо мной встают другие, не менее сложные задачи.

Я решила позвонить по данному Эдой Юрьевной телефону и передала письмо. Мне назначили время и место для прослушивания, которое должно было состояться в одном из арбатских переулков недалеко от дома тётки Мани, где я всегда останавливалась, когда приезжала в Москву. В назначенное время я пришла туда, увидела типичную старинную московскую квартиру, за столом сидели человек пять-шесть артистов. Когда я их увидела, у меня всё «поплыло» перед глазами, так что сейчас я уже не припомню, кто там сидел, настолько все лица показались знакомыми. По-моему среди них был М. Яншин¹ и эти «небожители» театральной Москвы непринуждённо играли в карты! Попросили рассказать о себе, а затем почитать. Я всё это выполнила, совершенно одурев от страха и восхищения этими людьми. Потом в моём присутствии они обсуждали меня, помню только заключение: «Можешь поступать на следующий год», и назвали несколько лучших московских театральных училищ. Вышла я оттуда оглушённая и удивлённо-беспомощная, долго бродила по арбатским переулкам, приближаясь то к театру Вахтангова, то к училищу. Странно, но я не испытывала радости от заключения этих театральных «столпов», меня мучали сомнения и неуверенность: смогу ли я «жить и умереть в театре?». Главное, мне предстояло в ближайшее время принять решение о своей дальнейшей жизни. Я не стала распространяться об этом заключении, но тётке Мане намекнула, что возможно приеду учиться дальше на следующий год, она обрадовалась «будешь жить у меня», хотя не думаю, что она хотела, чтобы я стала актрисой.

В таком состоянии душевного «раздрая» я уехала в Ессентуки, где меня ждал диабетический санаторий и полная неизвестность о дальнейшем состоянии здоровья. Главный врач санатория, осмотрев меня, выразил сомнение в диагнозе, который сразу же начали проверять самыми на тот момент современными методами. Дня через три-четыре после огромного количества всевозможных анализов и осмотров врач сказал, что никакого диабета у меня нет... Растерявшись, я спросила: «Что же теперь делать?». Он посмеялся и говорит: «Отдыхай до конца действия путёвки, никаких диет, гуляй, посещай экскурсии».

¹ Яншин Михаил Михайлович – народный артист СССР, 1902 – 1976 гг.

Пустившись в «разгул», я объездила и облазила все окрестности Пятигорска, Кисловодска и Ессентуков. Лермонтовские места, гора Машук вновь вернули к Лермонтову¹, который был мне близок ещё со школьных лет. Вновь зачитываясь его строчками, здесь прочувствовала особо близкую мне поэму «Мцыри», находя в ней какие-то новые смыслы для себя. Эти стихи направляли мысли к тому, что ещё мне предстоит:

*Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.*

В диабетическом санатории.

В санатории оказалась неплохая библиотека, что давало возможность наслаждаться и чтением. Удивило, что на лечении находились больные диабетом молодые люди, в возрасте двадцати пяти – двадцати семи лет, все участники прошедшей войны. Вокруг закрутились «диабетические поклонники», особенно запомнила одного симпатичного и умного парня, сидевшего на постоянных уколах, он не мог участвовать даже в городских экскурсиях, настолько тяжёлым было его состояние. Я его жалела, и после экскурсий всё подробно рассказывала, и даже дала свой норильский адрес, он написал мне несколько писем, а потом замолк, наверное, умер.

Из Ессентуков перебралась в Бердянск на Азовское море, где меня ждала тётя Маня, и пробыла там еще пару недель, наслаждаясь морем, теплом, её вниманием и расположением. Она очень хотела, чтобы я вернулась в Москву, и с удовольствием строила планы нашей дальнейшей жизни: я оканчиваю техникум, попадаю в пять процентов отличников; Лёня после окончания института уезжает работать в другой город; я поступаю в институт, и мы живем с нею вдвоём (пять процентов отличников техникумов в то время имели право на поступление в ВУЗы без экзаменов, как и медалисты школ). Что Лёню отправят из Москвы, известно было заранее: выпускников его специальности в столице не оставляли. Таковы были её мечты, она была идеалисткой и, вопреки всему пережитому,

верила в Советскую власть и ничего не хотела слышать о мандатных комиссиях, которые продолжали исправно действовать во всех институтах...

Несмотря на удачно сложившееся для меня лето, я часто возвращалась мыслями в Норильск с его жёсткой природой и страшными лагерями, от которых меня последний год защищал плотной оболочкой своей любви Виктор. Время было страшное: шла борьба с космополитизмом, лагеря неимоверно разрастались от постоянно прибывающего количества жертв 58-ой статьи. К сожалению, я знала то, чего людям знать не нужно, поэтому хорошо понимала, что могу пополнить их ряды, хотя никакой вины за собой не чувствовала. Характерное происшествие случилось со мной в Норильске: меня неожиданно вызвали в первый отдел (так тогда называли в Норильске оперативные службы МВД), который располагался на Горной улице и считался самым страшным органом города. Народ называл это учреждение «хитрый дом». Я шла туда ни жива, ни мертва, в полной уверенности, что посадят. В указанном кабинете, сидящий за столом офицер начал допрашивать меня по всей форме, заглядывая в какую-то папку. Я отвечала осторожно, продумывая каждое слово. Допрос длился целый час, наконец, он говорит: «А где Ваш паспорт?». И тут я понимаю, что паспорт потерян. Оказалось, я действительно потеряла документ в ДИТРе, куда заходила после получения стипендии, кто-то его подобрал и, очевидно, передал в «хитрый дом». Офицер начинает рассказывать, какое это преступление, ведь мой паспорт мог быть использован заключёнными, намекая, что я чуть ли не сама передала его в их руки! Понимая, что он пытается «пришить» мне дело, сама начинаю «наступать», разыгрываю оскорблённую комсомолку и требую тут же позвонить в комитет комсомола техникума или председателю окружкома профсоюзов. Офицер слегка оседает под моим напором, потом выходит куда-то и через некоторое время, вернувшись, возвращает мне паспорт. После этой встречи я поинтересовалась у названных адресатов, звонили ли им насчет меня, они распространяться не стали, но стало понятно, что они в курсе паспортной истории. Думаю, что просто эмвэдэшное начальство посчитало, что им невыгодно раздувать такое дело. А может быть, не было «разнарядки» сверху?

После прекрасно проведённого лета, я вернулась в Норильск отдохнувшая, поздоровевшая, но полная мучительных сомнений о своей дальнейшей жизни. Витя встретил меня радостно и настороженно, ведь мы не виделись и не переписывались два месяца. Он ничего не знал о моих настроениях и планах. Узнав, что я приехала, примчался сразу, хотя точно знал, как яотреагирую на его разбитую физиономию. За несколько дней до моего возвращения какой-то мужик из «друзей народа» самым подлым образом разбил у него на лице кружку с пивом, которое он пил в ДИТРе. Он сначала пытался рассказывать мне «сказки» о каком-то упавшем кабеле, в которые я не поверила. Пришлось честно во всём признаться. Я, конечно, возмутилась фактом распития пива

¹ Лермонтов Михаил Юрьевич – русский поэт, прозаик, драматург, 1814 – 1841 гг.

в каких-то «забегаловках», хотя столовая ДИТРа считалась вполне пристойным местом, ведь ресторанов в Норильске тогда ещё не было. Витя пообещал мне, что никогда не будет пить пиво или другие напитки в таких условиях. Это своё слово он держал... в течение следующих шестидесяти лет!

В тёмные осенние вечера 1951 года, вновь часто встречаясь с Витей, я ясно ощутила, что, несмотря на свою насыщенную людьми и событиями жизнь прошедшего лета, мне не хватало его внимания и теплоты.

Занятия в техникуме проходили в прежнем, весьма насыщенном, режиме. Предметы уже преподавали сугубо производственные и вели их инженеры-практики. Самым трудным теоретическим предметом оказалась техника высоких напряжений, она требовала от изучающих её хороших знаний высшей математики и теоретических основ электротехники. Преподносил нам эту теоретическую головоломку главный инженер высоковольтных сетей, грамотный специалист. Но преподавать он не умел совершенно! С помощью Вити и огромного количества лабораторных занятий я одолела и этот предмет. Наш курс к концу учёбы сплотился, отношения между студентами стали более человечными. Мы вместе ходили на просмотры новых кинофильмов, устраивали смешные соревнования. В одном из таких состязаний я участвовала и даже выиграла его, проспав во время экзаменационной сессии больше других участников, одновременно почти двадцать три часа! Меня вновь избрали комсоргом курса. Одна девочка с нашего курса успела выйти замуж не очень удачно, и к моменту выхода на дипломное проектирование разошлась с мужем и собиралась рожать ребёнка. Я пыталась ей всячески помогать, и эта помощь в дальнейшем растянулась на несколько десятилетий, и окончилась черной неблагодарностью с её стороны по отношению ко мне. Два парня с нашего курса по-прежнему активно за мной ухаживали, очевидно, не видя в Володине достойного соперника.

В январе 1952 года мы должны были сдать все необходимые по программе экзамены и приступить к преддипломной практике и дипломному проектированию. Я продолжала заниматься с Эдой Юрьевой, готовила новые программы, часто вела концерты. Бывая в Норильском драматическом театре на всех премьерах, посещая концерты КВЧ и приезжих знаменитостей, читая жизнеописания выдающихся актёров, я пыталась понять, могу ли я занять место среди таких талантливых людей? «Проклятый вопрос», который с прошедшего лета преследовал постоянно. Я мучилась, ища свою «жемчужину-суть» и никто мне в этом помочь не мог! Да я ни с кем и не делилась своими мучительными сомнениями.

Хлопоты мамы по получению более приличной квартиры с удобствами увенчались успехом. Нам выделили двухкомнатную квартиру в двухэтажном

доме на улице Октябрьской. В этих домах жили тогда в основном руководящие инженерно-технические работники комбината. Многие уже переехали в Горстрой, где были выстроены несколько отличных кирпичных многоэтажных домов с современными квартирами со всеми удобствами. Мы с мамой решили до переезда в выделенную квартиру привести её в порядок. Начали всё там мыть, чистить, что-то ремонтировать. Когда наша работа подходила к концу, маму вызвали и сказали, что мы её не получим, а выдали ордер на получение двух комнат в трехкомнатной квартире нового дома в Горстрое. Как впоследствии выяснилось, квартиру отобрали для срочно присланных двух немецких профессоров, которые должны были помочь нашим специалистам наладить выпуск «тяжёлой воды»¹, необходимой для атомной энергетики. Для этих целей рядом с электростанцией на холме построили страшно засекреченный завод, который у населения получил название «макаронной фабрики». Через несколько лет это бессмысленное и дорогое для Норильска производство закрыли.

¹ Тяжёлая вода – тяжёловодородная вода (оксид дейтерия) использовалась в ядерных реакторах. Ду-маю, инициатором возведения завода был А.П.Завенягин – один из руководителей атомного проекта СССР. Завенягин очень верил в норильских специалистов, зная их по работе в конце тридцатых годов, кроме того, в Норильске тогда были достаточные энергетические мощности для этого производства.

33

Окончания и начала

Учебные, личные и домашние дела не могли меня оторвать от неизменных театральных устремлений. К встрече Нового 1952 года художественный совет клуба профсоюзов решил подготовить обширную программу, представление которой для руководства комбината намечалось в ДИТРе 31-го декабря. Меня привлекли к участию в этой программе в роли молодого Нового 1952 года, который, прорывая оболочку земного шара, вырывается на свободу. «Старый 1951 год», представлял крупный седобородый артист Норильского театра Горин. Он передавал бразды правления Новому году, то есть мне. Сцену передачи полномочий режиссёр задумал весьма динамичной с привлечением множества световых и игровых эффектов. Нам с Гориним пришлось много потрудиться на репетициях, чтобы во время представления все прошло в нужном темпе и гладко. Меня одели и загримировали под мальчишку. В этой роли я чувствовала себя естественно и непринуждённо, мне было весело и легко на сцене, текст был настолько близок и понятен, что сам слетал с языка. Роль была «моя» и я не мучилась с нею, как с ролями страстной Земфиры и легкомысленной Леры. После довольно остроумного диалога на местные производственные темы по передаче обязанностей года в заключении я читала новогодние стихи С. Щипачева¹. И, хотя я знала немало стихов этого поэта о любви, выбрали, конечно, идеологически верные, и пришлось призывать поднять бокалы:

*...за новые турбины, за новые дороги на заре,
За встречи новые, за труд любимый,
Что мы откроем в атомном ядре...*

Дальше шло перечисление предстоящих трудовых свершений, но заканчивалось стихотворение несколько необычно:

*В одном лишь должен отклониться я –
Я пью за старую любовь, друзья!*

Это утверждение вызвало аплодисменты и смех в зале, так как мой облик тогда совершенно не соответствовал «старой любви». Наверное, я произносила стихи очень искренне, вкладывая в слова что-то очень личное.

К полуночи я успела прибежать домой, где мы встретили 1952 год вчетвером я, мама, Жека и Витя. В это время Витя много и напряжённо работал: принял у строителей самую большую в Норильске подстанцию, поступил в ВЗПИ. Несмотря на такую занятость, всегда находил время, чтобы повидаться со мной. Наши свидания сопровождали не только поцелуи и рассуждения о любви, но главным образом разговоры обо всём на свете, которые помогали мне жить, чего-то добиваться и принимать решения. Витя тактично и мягко, но довольно настойчиво, добивался от меня ответа на вопрос: когда я стану его женой? Я пообещала дать ответ после экзаменов, сама ещё ясно не представляя, каково будет моё решение.

Последнюю зимнюю экзаменационную сессию я сдала хорошо. Для прохождения преддипломной практики была принята на должность исполняющего обязанности инженера-электрика в отдел режимов энергоуправления, где моим начальником и руководителем дипломного проекта стал наш преподаватель Н.А. Сеулин. Получила тему своего дипломного проекта: «Расширение ТЭЦ». В проекте предстояло выполнить расчеты токов короткого замыкания в связи с вводом еще одного турбогенератора; выбрать оборудование и выполнить несколько листов схем и чертежей размещения электрооборудования. Проект показался сложным, но интересным.

После нового 1952 года мы начали «приближать к жилому виду» нашу новую квартиру в Горстрое. Переезжать туда было невозможно – сейчас даже трудно представить, что тогда сдавали в эксплуатацию под названием «новый дом»! Стены просто грубо оштукатурены, деревянные полы не покрашены и бугрятся, окна, двери не подогнаны, ванны нет. Ко всему этому – страшная сырость, так как строили и сдавали в эксплуатацию дом при сильнейших морозах и отсутствии отопления.

Нам предстояло сделать квартиру пригодной для проживания, и тут очень помог Витя. Он раздобыл воздушную подушку, используя свои связи, подключил её, и месяц мы по очереди дежурили там, осушая комнаты. При установке этого мощного нагревательного агрегата Вите помогал его коллега, отсидевший

¹ Щипачёв Степан Петрович – советский поэт, 1898 – 1980 гг.

десять лет по 58-й статье. Витя познакомил его со мной, и когда они закончили подключение воздухоудвки, этот немолодой уже человек сказал: «Мне нравится эта девочка, и вообще все замечательно, но номер квартиры 58-й!!!!» и он изобразил неподдельный ужас на лице – типичная шутка 1952 года.

Я сдержала данное Вите слово и после экзаменов сказала, что согласна начать совместную жизнь, но с мамой пусть он разговаривает сам. Я боялась не выдержать маминого гнева и отказа. Для мамы наше решение о соединении было неожиданным и болезненным. Она неплохо относилась к Вите, но видеть его мужем своей дочери ей было тяжело, наверное, она хорошо себе представляла его будущее, как сына «врага народа». Много сил она потратила на то, чтобы отговорить меня от этого «неразумного шага». Срочно и очень искренне мне написала тётя Маня, вновь соблазняя перспективой дальнейшей учёбы в московском ВУЗе. И всё же решительного и однозначного «нет» мама не сказала, и, как всегда в трудный момент, взялась за дело – подготовку к свадьбе...

Я довольно спокойно относилась ко всем формальным процедурам – регистрации и свадьбе; для меня всё это не имело принципиального значения. Но в этом вопросе мама объединилась с Витей. Они настояли, чтобы все необходимые формальности выполнить и задуманное наметили на 12 апреля 1952 года. Жених, пытаясь направить моё внимание на серьёзность принятого нами решения, принёс книжечку основных законов о семье и браке, но я, вздорная девчонка, не захотела знакомиться с законами. Он робко предложил мне поменять фамилию при регистрации, на что я весьма дерзко заявила: «Вот ещё, может быть, я двадцать раз выйду замуж и что, каждый раз менять фамилию! Я всегда буду носить только фамилию папы!». Виктору, как всегда, хватило ума, выдержки и доброты, чтобы превратить моё эпатажное высказывание в шутку.

Маме, подключив все свои связи, удалось сделать для того времени очень многое: сшить мне белое крепдешинное платье; заказать на деревообрабатывающем заводе несколько предметов мебели; подготовить квартиру к свадьбе и дальнейшей жизни; договориться с соседями об освобождении их комнаты на несколько дней; добыть необходимые продукты и приготовить всё к приёму гостей. Всё это потребовало немалых материальных затрат, которые наши даже весьма приличные по тем временам заработки (зарплата + повышенная стипендия), естественно, не покрывали. Поэтому Витя и мама получили денежную компенсацию за неиспользованный отпуск и мы, конечно, влезли в долги.

Несмотря на принятое мною серьёзное решение, предполагавшее значительное изменение моей жизни с 12 апреля, я еще не чувствовала себя достаточно взрослым и самостоятельным человеком. В начале февраля я приступила к работе (она же и преддипломная практика), которая связала меня с Норильским электрохозяйством на тридцать пять лет. Энергоуправление, где я начала

работать, размещалось тогда в административной части здания ТЭЦ, в то время единственной в Норильском промышленном районе. Добираться туда можно было только пешком, никакого транспорта не было. Начались мои утренние и вечерние путешествия при любой погоде. Обгоняя колонны эзков, я пробегала это расстояние минут за тридцать. В управлении работали, в основном, взрослые вольнонаёмные люди, как мне тогда казалось «старики». На самой же электростанции, во все цехи которой я имела доступ, уже работало много молодежи, в том числе и Сусанна, в релейной службе станции. Она быстро познакомилась со своими коллегами, всё было интересно – и новые люди, и новое ощущение работы. Я начала понимать, что в работе энергетика главную роль играет хорошо соображающая голова, насыщенная достаточным количеством необходимых знаний, хотя и руки также должны уметь немало. Я с удовольствием погрузилась в выполнение электрических расчетов разных режимов работы энергосистемы, причем все это делалось вручную – с помощью логарифмической линейки и без понимания сути сложных процессов. Вокруг было много грамотных инженеров, которые приходили на помощь, когда мне не хватало знаний и умения.

Вечерами я усиленно занималась своим дипломным проектом, почти ежедневно имела возможность консультироваться со своим руководителем, ведь мы работали в одном кабинете. Витя по-прежнему ухитрялся почти каждый вечер забегать к нам и, кроме «созерцания» невесты, интересовался ходом работы над дипломным проектом. Он обещал маме, что не будет мешать мне хорошо закончить техникум. На работе у него сложилась непростая обстановка: его назначили начальником района электрических сетей и подстанций с огромным количеством персонала. Только дежуривших на подстанциях женщин насчитывалось около ста человек! Нужно было не только руководить, но и учить. Ремонтный персонал – в основном мужчины-заключённые. Аварийность высокая, редкая неделя обходилась без ночных вызовов. Но он не жаловался, был доволен и работал самозабвенно, ещё и меня подбадривал, объясняя часто ускользающие от меня смыслы электротехнических явлений.

Энергетики сразу же вовлекли меня в различные молодёжные дела, используя мои знания в организации и проведении концертов, в выпуске газет и даже приглашали участвовать в комсомольских собраниях. Одно из таких собраний запомнилось надолго. Исключали из комсомола Тамару, молодого специалиста, старше меня по возрасту. Она окончила Московский электротехнический техникум, в Норильск попала по распределению и работала в ЭРЦ. Там познакомилась с освобождённым «врагом народа» Владимиром, лет на пятнадцать старше её. У них завязался бурный роман, в результате которого он ушёл из семьи, где были дети. Меня поразило, что в ходе собрания никто и не вспомнил, что остались без отца дети, а главным обвинением было то, что она, комсомолка, посмела «свя-

заться» с человеком, осуждённым по 58-й статье! Представители политотдела и госбезопасности (такой человек появился во всех управлениях) «надавили» на молодежь и Тамару, конечно, исключили из комсомола.

После собрания я пришла домой подавленная, с сумбуром в голове. Как потом выяснилось, мама хорошо знала Владимира как грамотного инженера, а также жену, приехавшую после его освобождения из лагеря и родившую за это время двух сыновей. Естественно, мы не одобрили его поведения, но девушку было жаль. Её не только исключили из комсомола, но и выдворили из Норильска. Вернуться обратно ей удалось в 1953 году, Владимир развёлся с женой, и они благополучно соединились с пострадавшей девушкой. Эта история имела продолжение. Через несколько лет, когда я уже работала в ЭРЦ, и наступили «вегетарианские» времена, там же работала Тамара. К тому времени её муж Владимир был назначен главным инженером высоковольтных сетей, но молодёжь в лице бывших выпускников техникума, считая его отношение к брошенной семье недостойным, создали ему нетерпимую обстановку на работе. В результате, после того, как его реабилитировали, им пришлось уехать из Норильска в Ленинград. Прошло ещё 10 лет, Владимир умер, и Витю попросили помочь Тамаре вернуться в Норильск, что он и сделал (тогда он имел возможность делать вызовы бывшим норильчанам). Вернувшись, она снова работала со мной и мы сдружились. Тамара до конца своих дней хранила верность Владимиру, помогала его детям. Мы увидели эту историю уже совсем с другой стороны и поняли, что наши суждения начала пятидесятых годов были чрезмерно максималистскими и, возможно, не бесспорными...

Норильск тех лет часто давал возможность понять правильность заключения, сделанного Т. Петкевич: *«Творчество личности чаще и убедительнее проявляется в личной жизни»*. В концертах, проходивших в ДИТРе, я была очарована душевным тёплым исполнением песен Людой Поповой. Эта молоденькая женщина была очень хороша и излучала радость. Когда она пела песни о любви, меня не покидало ощущение, что любовь – это блеск её глаз, неуловимые движения рук, лица и всей фигуры. Эта женщина знала, что такое любовь: будучи ещё совсем девчонкой, влюбилась в заключённого Павла Буре, бывшего известного пловца. Связала с ним свою жизнь, перенесла все тяготы, выпадавшие на долю этих отторгаемых от нормальной жизни людей, построила настоящую семью. Сегодня многие знают знаменитого хоккеиста Павла Буре – это её внук!

Участвуя в концертах энергетиков, я познакомилась с отличным аккордеонистом, работавшим в цехе связи – Борисом Гилельсом. Тогда не принято было расспрашивать о семейных связях, и я просто воспринимала его как способного музыканта, дружелюбного человека, остроумного и доброго, хорошего товарища, умевшего подставить своё плечо в непростых концертных обстоятель-

ствах. Все предполагали, что знаменитый пианист Эмиль Гилельс, прилетавший в Норильск с концертом, скорее всего его родственник, поэтому мы имели удовольствие слушать его игру в нашем заполярном «захолустье». Как стало известно в дальнейшем, Борис приехал в Норильск к отцу, который отсидев свой срок – освободился. Яков Григорьевич Гилельс, отец Бориса действительно был братом знаменитого пианиста... Подобных случаев появления в Норильске известных исполнителей в пятидесятые-шестидесятые годы было немало. Хорошо помню великолепные концерты Зары Долухановой – певицы с редким голосом и необыкновенным обаянием, приезжавшей сюда неоднократно.

Не ощущая себя «невестой», я продолжала «свободную» жизнь. Витя ни в чём меня не ограничивал. Вокруг меня начали крутиться новые молодые люди, но он продолжал так же нежно и бережно ко мне относиться, никогда не показывая даже признаков ревности. Будучи мудрее, он хорошо понимал мою ещё не совсем сформировавшуюся женскую сущность и «девчачьи заскоки», и этим, думаю, сохранил наш союз на всю оставшуюся жизнь.

Через несколько лет Витин начальник того времени И. М. Абрамицкий рассказывал, как в начале 1952 года к нему пришел Володин с заявлением о выделении ему квартиры в связи с тем, что он собирается жениться на В.В.Вязуновой. Иосиф Миронович знал маму и видел меня в управлении, где бывал по служебным делам. Будучи человеком непосредственным и взрывным, он завопил: «Пока ты вкалываешь на своей промплощадке, у тебя уведут девчонку! Там на ТЭЦ вокруг неё вертятся вполне достойные ребята». Мне об этом разговоре Витя, конечно, ничего не сказал.

Испытания на порядочность происходили и по другим направлениям. В энергоуправлении официально работал представитель госбезопасности, говорили, что он приехал из Ленинграда и был в звании полковника. Человек внешне весьма привлекательный, с хорошим языком, с определённой культурой поведения. Как называлась занимаемая им должность, не помню. Он старался быть в курсе дел молодёжи и по своему служебному положению имел право вызывать к себе в кабинет любого работника управления и электростанции. Вызвал однажды и меня. Начал светскую беседу – о концертах, о прочитанных мною книгах, о занятиях в техникуме, нутром почувствовав фальшь разговора, я настояжилась. В результате он предложил мне «сотрудничество» – сообщать о подзрительных разговорах среди молодёжи и взрослого состава. Аргументировал он это предложение ужасным «антисоветским» окружением в Норильске и тем, что я человек сознательный, комсомолка. Что такое «стукач»¹ я отлично понимала. И поэтому повела с ним игру, достойную моего педагога Урусовой, прикинувшись легкомысленной дурочкой, неспособной удержать в себе малейшую тайну.

¹ Стукач – неодобрительное жаргонное слово в значении доносчик, стучать – в переносном смысле доносить.

Закончила свои «пассажи» тем, что должна немедленно рассказать о его предложении человеку, за которого я вскоре выхожу замуж. Мне, очевидно, удалось заморочить ему голову, он отпустил меня, предварительно получив обещание, что о его предложении я никому не расскажу. Своё обещание я выполнила, но ещё долго опасалась неприятных последствий этой беседы.

Кроме тягостных сторон той жизни мне довелось наблюдать проявления необыкновенной преданности, мужества и высоких человеческих чувств у совершенно незнакомых людей. На той грязной и раздолбанной дороге, по которой я бегала каждый день, с постоянно обгоняющими машинами и колоннами бредущих эков, почти ежедневно – утром и вечером – я встречала пару молодых людей, идущих тем же маршрутом. Мужчина вел женщину так бережно и нежно, как будто нес драгоценную жидкость в хрупком сосуде. Они всегда о чём-то разговаривали и смотрели друг на друга влюблёнными глазами, ничего не замечая вокруг. Иногда летними вечерами, ожидая её возле вахты, он держал распустившиеся веточки зелени или цветы из тундры. Когда бывала плохая погода – пурга или сильный мороз, или то и другое вместе, он старался прикрыть её своим телом, а вернее – всем своим существом. Создавалось впечатление, что он становился значительно крупнее себя самого! Одежды не по погоде, слишком легко для норильских холодов, они шли не торопясь, наслаждаясь близостью друг к другу. Больше года я наблюдала за этой удивительной парой. Мне не хотелось ничего о них узнавать, так они были прекрасны в своих нерастраченных за годы страшных испытаний чувствах. Тогда, мне кажется, я начала понимать строчки С. Щипачёва:

*Блажен, когда такую ты найдёшь,
С которой, сединою убеждённый,
До старости до самой доживёшь,
До грани дней, как юноша влюблённый.*

Потом мне рассказали историю этой пары, очень характерную для Норильска тех лет. Он, «враг народа», испил полную чашу тюремно-лагерных испытаний; она, оставаясь на свободе, прошла свой нелёгкий путь. Сразу же после его освобождения приехала в Норильск. Жить было негде, их кто-то пригласил в балке (балок – самодельный небольшой дом, построенный из подручных материалов) возле Горстроя, она устроилась работать в ТЭЦСтрое. Он – чтобы быть к ней поближе – ушёл из проектной конторы на какую-то неинтересную работу на хлебозавод, находившийся вблизи ТЭЦ. Это давало ему возможность встречать и провожать её ежедневно. Сами того не зная, эти люди заставили меня задуматься о настоящих взаимоотношениях мужчины и женщины. И мне

очень захотелось, чтобы через много лет Витя смотрел на меня так же, как этот незнакомый человек смотрел на свою женщину.

Воистину, даже в эти годы, весьма трудные для выживания порядочных людей на просторах нашей необъятной Родины, везде можно было наблюдать по выражению поэта «Сожительство добра и зла»...

Три месяца до свадьбы пролетели быстро в работе, занятиях, ежедневных встречах с Витей, в подготовительных делах к свадьбе. Я не очень задумывалась о дальнейшей жизни, не помню, чтобы мы с ним строили какие-то конкретные планы своего будущего, чтобы мечтали о каком-либо увеличении благосостояния. Было два главных желания той жизни – чтобы не было войны и чтобы нас не посадили в лагерь. Это и абсолютная уверенность в необходимости продолжения учёбы не только в выбранной профессии, но и приближение к тем высокообразованным интеллигентным людям, с которыми нас свела жизнь в Норильске, очень нас сближали. И если я ещё витала в своём воображении в красивых «художественных облаках», то Витя уже был самостоятельным взрослым мужчиной и лучше понимал, что нам предстоит обыкновенная советская жизнь.

В связи с предполагаемыми изменениями жизни я вновь должна была принимать решения, согласовывая их с Витей. Думая о лестном и заманчивом для меня предложении 1951 года поступать в театральный ВУЗ, много читала и расспрашивала Эду Юрьевну о театре, внимательно наблюдала вблизи театральную жизнь Норильска. Реально оценив свои способности и существовавшие возможности, решила оставить эту романтическую мечту. Виктору, сформулировав это так: «...если не смогу жить без театра, буду работать электриком в нём, а играть всегда можно в самодеятельных спектаклях...». Такому решению способствовали мои значительно расширившиеся знания окружающей жизни, а также наличие мандатных комиссий и в театральных ВУЗах. За годы, проведённые в Норильске, я познакомилась с организацией работы заключённых и поняла, что для сохранения собственной жизни в случае попадания в лагерь (в то время никто не исключал такой возможности), лучше иметь востребованную специальность ЭЛЕКТРИКА!

У нас с мамой были две комнаты в трёхкомнатной квартире, причём одна из них – проходная. Вите обещали однокомнатную квартиру в конце года, но он не был уверен, что я соглашусь туда переехать. Мама, будучи недовольной культурным уровнем Вити, считала необходимым постоянно его воспитывать, поправлять каждое из неправильно произнесённых им слов. Он же никогда – ни в те дни, ни в дальнейшем, а мы прожили с мамой одной семьёй восемь лет – не раздражался этим, всегда превращая нападки тёщи в шутку. В последующие годы мама не просто привыкла к Вите, а очень его уважала, он же всегда относился к ней искренне почтительно и тепло, высоко ценя её доброту и мужество.

12 апреля 1952 года, пос. Норильск, регистрация брака В. Володина и В. Вязуновой.

Регистрация и свадьба состоялись в яркий солнечный день. Это был один из тех редких весенних дней в Норильске, когда снег немного тает, звенит капель и с крыш свисают сверкающие на солнце сосульки. Мама договорилась, и за нами прислали автомашину «Победа», на которой мы подкатили к помещению поселкового ЗАГСа¹. Это учреждение располагалось в очень неприглядном здании барачного типа, в пыльной комнате. Здесь регистрировались не только браки, но и смерти, и рождения детей... Мы ввалились туда со своими свидетелями Юрой Егоровым и Лилей Сидоренко. Нам было весело, мы шутили и смеялись. Сначала довольно молодая сотрудница сделала нам замечание: «ЗАГС не место для шуток». Окончательно она вывела нас из равновесия, а особенно Юру, когда производила запись. Взяв мой паспорт перед тем, как поставить в нём печать о регистрации брака, сказала мне: «И охота Вам пачкать свой паспорт!». Если бы на её месте был мужчина, то Юра дал бы ему по физиономии – он просто бушевал от гнева! Витя едва его успокоил, сведя все к шутке.

Вернувшись домой, они уложили меня спать, чтобы я не «путалась под ногами». Мама с Витей заканчивали приготовления к приходу гостей. В последний момент Витя сбежал в магазин и купил полный рюмок таз – чтобы гостям было что бить «на счастье!». Рюмок было так много, что несколько сохранилось до сих пор.

¹ ЗАГС – название отделов записей актов гражданского состояния в СССР, регистрирующих факты рождения, смерти, заключения и расторжения браков.

Народу на свадьбе было немало – более тридцати человек. Витины сокурсники по техникуму пришли все, кого он приглашал, мои – не пришли, объявили бойкот. Для многих тогда наш брак оказался неожиданностью – почему-то считали, что я должна была выбрать себе в спутники более значительного и блестящего человека. Витя же был, по их мнению, обыкновенный минусинский парень, не совсем отвыкший от фронтовых шоферских манер. Почему я приняла его предложение? Объяснить это с позиций сегодняшней логики трудно. Ведь я решительно отрезала себе путь в Москву, в мир театра и замечательной студенческой жизни. Это решение не было результатом глубоко продуманных размышлений, а каким-то непонятным толчком и озарением. Я вдруг поняла, что этот человек должен быть рядом всегда. Прошло шесть десятков лет, и я никогда не пожалела о принятом в 1952-м году решении. Что такое любовь, я не знаю (об этом написано так много, что не мне давать определение!). Может быть, это она и есть...

Супруги – В. Вязунова и В. Володин,
12 апреля 1952 года, Норильск.

Вечер прошел весело и непринуждённо. А ведь собрались два разных поколения: молодежь «военная» и «послевоенная», и родители. Ребята танцевали с солидными норильскими дамами и даже увлекали их в весёлую беготню по морозным вечерним улицам. Почти у всех молодых людей были фотоаппараты, и они активно ими щёлкали. Свой фотоаппарат Витя отдал приятелю Володе, сам же не отходил от меня ни на минуту. Но фотографии получились почему-то только у Галины Владимировны Зенгер, да и те не очень качественные. Галина Владимировна и Николай Николаевич единственные из гостей, кто знал меня с детства, они хорошо помнили папу. Поэтому их присутствие и одобрение моего выбора в тот вечер были для меня особенно важны и дороги. Руководитель моего дипломного проекта Н.А.Сеулин торжественно заверил маму, что основная часть проекта у меня сделана, осталась только гра-

фика. Больше всех от застолья пострадал мой брат Жека. Хотя ему было почти четырнадцать лет, он не выдержал того количества крепких напитков, что ему подносили взрослые ребята, пользуясь нашей с мамой занятостью. Что испытывала я в тот вечер? Общее веселье, приподнятость и суета, конечно, не позволяли предаваться серьёзным размышлениям. Всё происходящее иногда казалось какой-то игрой, не относящейся ко мне. Но ощущение постоянного присутствия рядом и счастливое выражение лица Вити, ни на минуту не покидавшее его, возвращали меня к реальности. Он пытался заполнить все пространство вокруг меня своим полем, и я почувствовала, что этот человек решил быть рядом всегда.

12 апреля 1952 года, Норильск, свадьба,
Виктория с Николаем Николаевичем Зенгер.

34

Заключение

Обычно все повествования заканчиваются на свадьбе героев, но мы далеко не герои, и записки эти не литературное произведение. Это просто описание некоторых незабываемых событий и ощущений самой обыкновенной жизни.

Что было потом? А потом была долгая счастливая жизнь...

В 1952 году я окончила техникум и связала свою профессиональную жизнь с энергетикой Норильского горнометаллургического комбината. В 1953 году у нас родилась дочь Валерия и то, что мы стали родителями, сделало нас особенно чуткими (понятливыми) к валом надвигающейся волне новых репрессий (расстрельный приговор членам еврейского антифашистского комитета; дело «врачей – убийц»). Когда умер И. В. Сталин мы, подобно многим людям вокруг, решили, что сразу же начнутся аресты, как после смерти Кирова¹. Стало понятно, что подошла наша очередь. Держа крошечную дочь на руках, и наблюдая траурный митинг на площади из окна, я – 20-летняя мама судорожно обдумывала: как спасти ребёнка в случае нашего ареста! Вечером того же дня мы с Витей разработали реальный план спасения, который был обеспечен необходимыми документами и деньгами. Летом 1953 года мы стали свидетелями страшного подавления восстания заключённых Норильских лагерей, также не сулившего ослабления репрессий. И только наступивший «реабилитанс» 1954 года позволил нам «перевести дух». Постоянное ожидание ареста начало проходить у нас только после 1956 года.

Непростые обстоятельства окружающей жизни, семейные заботы, постоянно увеличивающиеся нагрузки и ответственность на работе не похоронили нашего

¹ Киров С.М. – российский революционер, советский государственный и политический деятель. Его убийство послужило поводом для начала массовых репрессий в СССР, 1886 – 1934 гг.

желания учиться. К сожалению, более десяти лет мы (я и Витя) серьёзно болели, и это отодвинуло окончание Всесоюзного заочного политехнического института на шестидесятые годы.

Мама и брат с 1960 года окончательно переселились в Москву, а я решила туда не возвращаться. Мы выбрали «свободу Норильска»...

Летом 1956 года к взаимной радости мы встретились в Одессе с Гонсиаровскими. Мария Романовна после принятия амнистии для эмигрантов вернулась из Румынии в родной город. Иосиф Людвигович после освобождения из лагеря жил и работал в Мелитополе. Мы провели несколько незабываемых дней вместе, встречаясь со знакомыми Гонсиаровских, которые помнили меня по 1943-44 годам. Тетя Маша, к сожалению, скончалась в 1945 году.

Наступившая в стране «оттепель» очень нас воодушевила. Мы с удовольствием работали, открывали и читали недоступных ранее авторов. По появляющимся в СССР журналам «стран народной демократии» пытались узнавать что-то о жизни Европы и даже США (была разрешена ограниченная подписка на часть неполитических журналов Чехословакии, Венгрии, Югославии, Польши). На работе и дома мы часто встречались и общались с интереснейшими и образованнейшими людьми старшего поколения, которых начали реабилитировать после многолетних «отсидок» и ссылок. К счастью, у людей, с которыми мы сблизились, не произошло «распада личности» (выражение В. Шаламова¹). Они одаривали нас своим расположением и дружбой, щедро делясь бесценными знаниями и опытом, научили жить и работать с удовольствием, не впадая в отчаяние от окружающих глупостей и несправедливостей. Под их влиянием и нажимом мы оба вступили в партию (КПСС), надеясь через неё сделать что-то разумное и полезное в жизни. Нас захватывала и покоряла безмерная вера в лучшие идеи коммунизма этих, не сломленных тяжелейшими испытаниями ГУЛАГа, людей. К началу семидесятых годов все они уехали из Норильска, оставив в наших сердцах чувства глубокой признательности и восхищения их многолетним мужеством, умением работать и жить, вопреки любым обстоятельствам.

Большие надежды вызвало у нас провозглашение реформ в экономике 1964-65 годов, тем более что Норильский комбинат из МВД передал мирному министерству цветной металлургии. Действительно, несколько лет чувствовалось техническое оживление в промышленности. В эти годы удавалось внедрять больше новых технологий, техники, автоматизировать производственные процессы, нам меньше стали «связывать руки» вышестоящие организации.

В семидесятые годы стало понятно, что реформы свёрнуты и опошлены. В Норильске начал изменяться состав работающих за счёт прибывающих

¹ Шаламов Варлам Тихонович – русский советский прозаик и поэт, прошедший в лагерях ГУЛАГа около двадцати лет, 1907 – 1982 гг.

с «материка» рабочих и инженеров. Наш энтузиазм в работе на их фоне выглядел довольно странно, я бы сказала – смешно, но то, что в нас заложили бывшие эки, оказалось трудно выкорчевать. Тогда ещё казалось, что если бы осуществлялись «Ленинские идеи», от которых не отказались наши старшие друзья, перенесшие нечеловеческие страдания, то жизнь страны пошла бы совершенно иным, более разумным и совершенным путём. О нас можно сказать словами поэта – Дона Аминадо¹:

*Сколько раз свои сердца,
Не спасая от контузий,
Мы шатались без конца
По республикам иллюзий.*

В восьмидесятые годы мы начали понимать, что система государства, в котором мы живем, нуждается в капитальной реорганизации. Диссидентами мы не были, но своё мнение, отличное от «линии партии», часто имели.

Мы прожили в Норильске почти 40 лет, всласть работая и наслаждаясь замечательной северной природой Таймыра. Много путешествовали по стране (за границы которой нас практически не выпускали, исключение – пара туристических поездок в страны «Соцлагеря» в 80-ые годы), используя наши более длительные отпуска и материальные возможности.

Наша дочь выросла самостоятельным и образованным человеком, окончила Новосибирский университет, воспитала двух детей и сейчас радуется четвёрке внуков.

В 1987 году мы переехали в Обнинск, где приобрели небольшую кооперативную квартиру. Здесь муж проработал ещё тринадцать лет в институте атомной теплоэнергетики, я уже не работала.

В конце восьмидесятых и начале девяностых годов нас очень воодушевили и вселили надежды демократические преобразования в стране и мы, по мере своих сил, их поддерживали. К сожалению, коренных, необратимых изменений не получилось: наше поколение, очевидно, обессилило в предыдущей жизни, а наши дети не получили от нас необходимых сил для жёсткой борьбы за удержание этих преобразований. Сейчас я не могу гордиться своей страной, но всё-таки не хотелось бы присоединять свой голос к хору побеждённых...

Думаю, что родители передали нам достаточно воли, жизненных сил и мужества, которые помогли одолеть такую длинную и непростую жизнь.

¹ Дон Аминадо – русский поэт-сатирик, мемуарист, не принял октябрьского переворота большевиков, эмигрировал в 1920 году в Париж, 1888 – 1957 гг.

*Семья отца:
Вязуновы*

Вязунов Степан Корнеевич

Степан Корнеевич – первый представитель фамилии¹, о котором что-то известно. Легенда гласит, что он будучи крепостным крестьянином (то ли в Курской губернии, то ли на Украине) был сослан в Сибирь за убийство помещика. В ссылку с ним поехала его невеста. Скорее всего, легенда содержит некоторые преувеличения. Наверняка за убийство была бы не ссылка, а каторга, и надолго. Кроме того, если бы это происходило при крепостном праве, то вряд ли невеста смогла бы поехать за женихом. Хотя, судя по всему, он обладал крутым нравом, преступление, вероятно, было не таким тяжёлым и произошло это уже после 3 марта 1861 года (манифест об отмене крепостного права). Впрочем, поскольку он принадлежал крестьянскому сословию, то до отмены крепостного права он и его родители, наверное, были крепостными. История об избиении помещика (как будто он проявлял nepазволительное внимание к невесте), скорее всего, является романтической и политической (жертва крепостного права) версией. Существует и более прозаическая трактовка. Иннокентий, внук Степана, смеясь, говорил, что деда сослали за ограбление церковной кассы. С другой стороны, все Вязуновы, обладая большим чувством юмора, очень любили «приземлять» всё возвышенное и пафосное. Так что версия Иннокентия тоже может содержать некоторые преувеличения.

¹ По одной из версий фамилия Вязунов происходит от слова вязун (вид вяленой рыбы в южной России). Фамилия Вязун часто встречается в Крыму и на Северном Кавказе.

Как бы то ни было, в 1870 году он проживал в Сибири, где и родился его сын Тимофей. Поначалу Степан был ямщиком, в дальнейшем владел ямским двором в Усолье-Сибирском. Анатолий¹ говорил, что дом при ямском дворе в советское время естественно был национализирован, и в нём находилось какое-то учреждение. Кроме того, он считал, что своё состояние Степан нажил, не брезгуя разбоем, когда был ямщиком...

У Степана Корнеевича было три сына: Николай, Егор и Тимофей. Были ли у него дочери неизвестно, так же как ничего неизвестно о Николае и Егоре, кроме того, что они оба вроде бы служили в гвардии, и один из них очень любил читать.

Умер Степан Корнеевич в начале двадцатого века – утонул в проруби. Интересно, что первым заведующим публичной библиотекой в Усолье – Сибирском был учитель Ф. Вязунов (вполне возможно – родственник Степана Корнеевича). Анатолий в своих рассказах упоминал также фамилию Шустовых, как каких-то родственников.

Из истории Первой публичной библиотеки

Мысль об устройстве в Усолье – народной бесплатной библиотеки возникла впервые по инициативе учителя Матова, осуществить которую ему, однако, не удалось ввиду своего выезда из Усо́лья. Продолжателем начатого дела явился учитель Вязунов, который вскоре нашел сочувствие в лице Пономарева, готового оказать делу материальную поддержку. Ими тогда же послано было прошение о желании открыть в Усолье библиотеку. Почти через два года получено было разрешение на открытие библиотеки.

1 октября 1898 года было совершено молебствие и освящение библиотеки, а 4 октября началась выдача книг. В первый же день открытия библиотеки в ней было 80 посетителей.

Библиотека размещалась на частной квартире Погодаева. Заведующим был назначен учитель Ф. Вязунов. С 1903 по 1910 годы библиотека находилась в здании солеваренного завода. Книги выдавались один раз в неделю по воскресеньям.

С 1910 по 1915 годы библиотека не работала. В 1916 году библиотеку возродило торгово-кооперативное общество, организованное в Усолье. С 1916 по 1920 годы библиотеку возглавляла Александра Ивановна Шустова, воспитывавшаяся у бабушки Вязуновой Е.И., которая помогла ей окончить Иркутскую гимназию и получить педагогическое образование². Александра Ивановна стала первым библиотекарем и старейшим учителем Усо́лья.

¹ Старший сын Иннокентия Тимофеевича Вязунова

² Неясно, имели ли Е. И. Вязунова и учитель Ф. Вязунов какое-нибудь отношение к Степану Корнеевичу Вязунову. Никаких сведений об этом в рассказах Вязуновых не было.

Вместе со своими учениками занималась пополнением фондов библиотеки. «Собирали с населения, ставили спектакли, проводили лотереи, а собранные от этих мероприятий деньги шли на покупку книг» – вспоминала А.И. Шустова.

Источник: Усольская городская централизованная библиотечная система.

Фрагмент карты Иркутской области.

Вязунов Тимофей Степанович

1870-1919 гг.

Тимофей Степанович родился, вероятно всего, в Усолье-Сибирском. Семейное предание гласит, что он был отправлен в Иркутск на заработки и устроился на работу в учительскую семинарию. Там был кем-то из начальства замечен и рекомендован к поступлению на учёбу. Семинарию он окончил и стал законоучителем, то есть учителем закона Божьего. В это время он женился на еврейке по фамилии Верберг, которая при крещении получила имя Валентина Александровна. Об истории их знакомства нет даже никаких легенд. Говорили только, что её семья уехала в Китай. Однако по рассказам Анатолия, когда в пятидесятые годы, он и его брат Леонард учились в институте в Иркутске, они часто бывали у тёти Добы (вероятно полное имя Дебора), сестры Валентины Александровны, которая их подкармливала. Впрочем, не исключено, что Дебора вернулась из Китая, как и многие другие, в это время. Валентина родила восемь детей, двое из которых умерли в младенчестве. Умерла она вскоре после рождения младшего сына Валериана.

В 1892 году по окончании семинарии Тимофей Степанович был назначен учителем Торского (Тарского) инородческого училища в нынешней Бурятии¹. Там у них с Валентиной родился первенец Иннокентий. В 1900 году Тимофей был рукоположен в священники Баеровской (Байроновской) Михайло-Архангельской церкви и всю жизнь служил в школах и приходах Иркутской губернии.

Наряду со сведениями о благодарностях и наградах архивные документы содержат и нелестную оценку: «вследствие нетрезвости не всегда исправен». И это подтверждается словами его старшего сына Иннокентия. Вообще, судя по всему, отец Тимофей унаследовал взрывной характер своего отца, был своенравен и не сдержан.

Что касается «полезной деятельности на ниве народного просвещения», то, судя по сохранившимся письмам (красивый почерк, абсолютная грамотность) его младшего сына Валериана Тимофеевича, отец Тимофей действительно был хорошим учителем, и очень многие крестьянские дети, наверное, обязаны ему своим начальным образованием.

Все его дети были очень музыкальны, и он заставлял их петь в церковном хоре. Конечно, дети при этом часто озорничали, и отец Тимофей вставлял в текст песнопений слова: «Кешка, негодий, придём домой, я тебе уши оторву» или что-то подобное. Судя по рассказам, Вязуновы были безбожниками и посмеивались над церковными обычаями, да и отец Тимофей дома не был набожным.

Заслуживает внимания следующий эпизод. Какое-то время, видимо, во время первой мировой войны, в семье жил известный в будущем поэт Иосиф Уткин, тогда мальчишка (1903 г.р.), не отличавшийся спокойным характером. После какого-нибудь очередного дерзкого озорства прихожане говорили: «Отец Тимофей, уйми своего жидёнка».

В июне 1919 года отец Тимофей перешёл в заштатные священники и, очевидно, преподавал в церковно-приходской школе села Падун². Все дети его к этому времени разъехались и жили самостоятельно. В окрестностях уже начинали хозяйничать «красные партизаны».

«Священники не давали людям превращаться в зверей. Их убивали первыми» – так считает сотрудник Братского музея Андреева Л.В., которой удалось по старым выступлениям краеведов восстановить картину гибели отца Тимофея. Они считали, что он не признавал появившихся в волости «красных партизан» отряда Бурлова и якобы призывал прихожан не вступать в их ряды. Тимофея Степановича обманом (под предлогом необходимости выполнения обязанностей священника), а затем и насильем привезли в другое село, где

в одной из изб, оставили лежать связанным на соломе. Когда охранники отошли, он поджёг солому и бежал, на лодке переплыл реку Ангару. «Партизаны» его преследовали, тогда священник сбросил верхнюю одежду и бросился в воду. Но преследователи не отстали, они бросали камни, один из которых повредил ему руку. Отец Тимофей вынужден был выйти на берег, его схватили и увезли в село Кобяково, где 19 сентября 1919 года и убили.

Кому-то из членов семьи в более поздние годы очевидцы рассказывали, что когда Тимофей пытался уйти вплавь от погони, селяне с берега кричали ему: «Отец Тимофей, вернись».

Дети Тимофея Степановича и Валентины Александровны Вязуновых в порядке старшинства: Иннокентий (1893 г.р.), Павел (1894 г.р.), Вера (1896 г.р.), Анна (1898 г.р.), Евгений (1902 г.р.), Валериан (1905 г.р.).

Вязунов Иннокентий Тимофеевич

1893-1969 гг.

Иннокентий Тимофеевич – единственный из четырёх братьев, который умер своей смертью.

В 1913 году он обучался в Иркутском горном училище. Когда началась первая мировая война, был мобилизован, служил в действующей армии, побывал в Румынии во время Брусиловского прорыва, о чём вспоминал, когда приходилось есть кукурузу (в Румынии солдат кормили мамалыгой).

В 1918 году Иннокентий женился на 19-летней учительнице Падунской одно-классной школы Зинаиде Леонардовне Грошковой, дочери ссыльного поляка и бурятки.

В эти годы он занимался самыми разными делами, в том числе, был учителем танцев, в 1919 году служил в Иркутской городской милиции. По-видимому, это была криминальная милиция, не занимавшаяся политическими делами, потому что, когда красные взяли город (декабрь 1919 г.) его и других милиционеров оставили служить. В пересказе Анатолия это выглядело так. Однажды кто-то из милиционеров прибежал с новостью, что красные уже в Усолье. Посовещавшись, решили встретить их с красными флагами. Так и сделали. Когда их спросили, кто

Иркутск, июнь 1927 год,
Вязуновы Иннокентий Тимофеевич, Валериан Тимофеевич и Зинаида Леонардовна.

они такие, честно во всём признались. Им сказали: «Ну ладно, продолжайте служить, теперь на Советскую власть». Так Иннокентий стал помощником инспектора губмилиции. Однако уже 25.05.20 его арестовали по обвинению в совершении «контрреволюционного преступления». К счастью на этот раз дело было прекращено по амнистии, реабилитирован по этому делу он был только в декабре 1998 года. После этого всю оставшуюся жизнь Иннокентий учительствовал в разных, в том числе сельских школах.

В тридцатые годы все оставшиеся Вязуновы собрались в Незаметном (Якутия): Иннокентий, Павел, Валериан, сестра Вера, муж которой работал председателем райисполкома. Наверное, это было счастливое для них время: они были все вместе, любимая работа, относительный достаток, у всех подрастали дети, вокруг неисчерпаемые возможности рыбалки и охоты, чем вся мужская часть Вязуновых очень увлекалась. Когда начались массовые репрессии, Иннокентий и Павел уехали оттуда, что, впрочем, их не спасло.

Во второй раз Иннокентий был арестован 02.12.1937. В то время он работал директором Тайшетской средней школы. Постановлением тройки УНКВД Иркутской области от 27.12.1937 был приговорён к 10 годам лишения свободы по статье 58-10 часть 1. Историю этого ареста Анатолий Иннокентьевич излагал так. Следователем оказался его бывший сослуживец по Иркутской губмилиции. Он сказал: «Ничем не могу тебе помочь, могу только посоветовать – во всём признавайся и всё подписывай, а дальше видно будет». Действительно, его скоро выпустили и даже реабилитировали постановлением УНКВД Иркутской области от 29.08.1940.

Вот данные «Мемориала» по второму аресту Иннокентия Тимофеевича:

ВЯЗУНОВ ИННОКЕНТИЙ ТИМОФЕЕВИЧ

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 1893

СВЕДЕНИЯ

1893 г. р., урож. с. Тары Тункинского аймака БМАССР, проживал в пос. Тайшет Иркутской области, работал директором Тайшетской средней школы, б/п, русский, арестован 02.12.37 г., постановлением тройки УНКВД Иркутской области от 27.12.37 г. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР подвергнут 10 годам лишения свободы, реабилитирован постановлением УНКВД Иркутской области от 29.08.40 г. Номер архивного дела: 11846.

Дети Иннокентия Тимофеевича и Зинаиды Леонардовны Вязуновых:

Анатолий – 1921 – 1989 гг.

Тамара – умерла в юности от перитонита.

Леонард – 1929 – 1972 гг.

Вязунов Павел Тимофеевич

1894-1938 гг.

Павел Тимофеевич также был учителем, главным образом в сельских школах. Отличался спокойным, уравновешенным характером, был очень немногословен. Павел Тимофеевич был женат на Ольге Ивановне Роговой. Она была простой, не очень грамотной, но очень душевной женщиной. Свои письма она обычно заканчивала примерно так: «я, конечно, не шибко грамотная, но зато пишу обо всём, а другие (Вязуновы) не пишут».

Про Павла Тимофеевича рассказывали такой случай. В двадцатые годы в школе, где он работал, находился кооперативный магазин. Однажды ночью явилась банда Развозжаева и потребовала пустить их в магазин. Павел отказался и стал отстреливаться. При этом он ранил главаря (выбил глаз) и бандиты отступили.

По возвращению из Якутии он работал учителем в Тайшетской железнодорожной школе (так написано в документе «Мемориала»), однако, скорее всего, это та же Тайшетская средняя школа, директором которой был Иннокентий Тимофеевич. Павла арестовали 11 февраля 1938 года, он ничего не подписывал, и уже 27 февраля 1938 г. его приговорили к расстрелу.

Этим нелюдям хватило шестнадцати дней, чтобы «доказать» его вину в измене Родине, в терроризме, в призывах к свержению власти и в другой антисоветской деятельности. Четыре дня потребовалось для доставки приговорённых в Иркутск и казни там. Везли его и товарищей по несчастью, конечно, не курьерским поездом. Наверняка в Алзатае, Нижнеудинске, Тулуне, Зиме, Черемхове и на других станциях этого неблизкого пути (662 км) местные НКВДэшники загружали в этот поезд «свой улов» – настоящий конвейер смерти.

Вот лишь несколько фамилий расстрелянных в Иркутске в этот же период жителей Нижнеудинска.

Монастырский Василий Васильевич (1901, Иркутская обл., Нижнеудинск – 1938.09.13) русский, б/п, Без определенных занятий, житель: Иркутская обл., Нижнеудинска Арест: 1938.07.16 Осужд. 1938.09.08 тройка при УНКВД Иркутской обл. Обв. по ст. 58-10, -11 УК РСФСР Расстр. 1938.09.13. Место расстрела: г. Иркутск Реаб. 1971.04.19 президиумом Иркутского областного суда, основание: реабилитирован

Монастырский Никифор Петрович (1878, Иркутская обл., Нижнеудинск – 1938.01.13) русский, образование: неграмотный, б/п, житель: по-ления Арест: 1937.11.13 Осужд. 1937.12.10 УНКВД Иркутской обл. Обв. по ст. 19, -10, -11 УК РСФСР Расстр. 1938.01.13. Место расстрела: г. Иркутск Реаб. 1959.04.28 Военным трибуналом ЗаБВО, основание: реабилитирован

Саввин-Пучкин Семен Яковлевич родился в 1886 г., с. Холстовка Барановского р-на Куйбышевской обл.; мордвин; малограмотный; б/п; сторож склада «Заготзерно» при станции Нижнеудинск. Проживал: г. Нижнеудинск Иркутской обл. Арестован 23 октября 1937 г. Приговорен: Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР 21 января 1938 г., обв.: по ст. 58-6, 10.. Приговор: ВМН Расстрелян 15 февраля 1938 г. Реабилитирован 13 июня 1989 г.

Источник: Книга памяти Иркутской обл.

Рассматривая и другие материалы «Мемориала» видно, что приведение в исполнение приговора занимало и меньше времени, иногда производилось и в этот же день. Неграмотные, малограмотные, сторожа, кучера, бухгалтеры, техники, сельские учителя – все шли в эту адскую топку. Сколько же они собирали по всей дороге от Тайшета до Иркутска? А по всей, не самой многонаселённой области?

Из поезда Павел Тимофеевич сумел выбросить записку о том, что его везут в Иркутск, и добрые люди доставили её по назначению. Такие случаи в Сибири были не единичны.

Семья Павла Тимофеевича получила извещение о том, что он отправлен в дальние лагеря без права переписки, а спустя годы – что он умер в лагере в 1942 году – стандартное вранье властей того времени, они даже не трудились обозначать разные годы разным адресатам. Реабилитации пришлось ждать 30 или 60 лет. В приведенном документе «Мемориала» дата реабилитации указана явно ошибочно: совпадает с днём приговора. Скорее всего, это было в 1968 год.

ВЯЗУНОВ ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВИЧ (1894 - 03.03.38)

СВЕДЕНИЯ

1894 г. р., урож. г. Усолья Иркутской области, проживал в пос. Тайшет Иркутской области, работал учителем Тайшетской железнодорожной школы, б/п, русский, арестован 11.02.38 г., постановлением тройки УНКВД Иркутской области от 27.02.38 г. по ст. ст. 58-1 «а», 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР подвергнут расстрелу (исполнено 03.03.38 г. в г. Иркутске), реабилитирован определением Военного трибунала ЗаБВО от 27.02.38 г. Номер архивного дела: 3580.

Дети Павла Тимофеевича и Ольги Ивановны Вязуновых: Лина; Нина (по мужу – Манжелей)

Верхний ряд: вторая слева Копытман-Вязунова Татьяна Иосифовна, первый справа Вязунов Павел Тимофеевич. Нижний ряд: Рогова Екатерина Ивановна (сестра Ольги Ивановны Вязуновой), Вязунова Ольга Ивановна, Вязунова Зинаида Леонардовна (на руках Виктория Вязунова), Вязунов Иннокентий Тимофеевич, Вязунов Валериан Тимофеевич. 12 апреля 1936 г. «Якутстрой».

Вязунова Вера Тимофеевна

1896-1990 гг.

Старшая из сестёр Вера после смерти Валентины Александровны, по-видимому, в какой-то мере для младших заменяла мать. Поэтому она была очень близка с самым младшим братом Валерианом.

Вера Тимофеевна также обладала взрывным характером и большим чувством юмора, даже в очень почтенном возрасте.

Она вышла замуж в 1918 году за бывшего политического ссыльного, Литвинова Владимира Ильича (1886 –1921)¹. Впрочем, по словам Татьяны Иосифовны Копытман-Вязуновой Вера Тимофеевна говорила, что на самом деле Литвинов выкрал её из дома значительно раньше и изнасиловал. Насколько эта история правдива, судить трудно.

В эти годы у неё собиралась довольно странная компания – наряду с братьями и сестрой Анной бывали бывшие политкаторжане, чешские офицеры и офицеры армии Колчака. Иногда споры доходили до того, что хватались за оружие.

После прихода красных (19 декабря 1919 года) Литвинов стал членом военно-революционного губернского комитета² по финансам, поэтому в семье его называли «министром финансов». Говорили, что до революции он много лет просидел в одиночном заключении и был, скорее всего, психически больным человеком. Будучи на десять лет старше жены, он её страшно ревновал. Уходя на работу, оставлял её с маленьким сыном взаперти, часто избивал. Приходили старшие братья и били ревнивца. Он плакал, божился, что очень любит Верочку и больше такого никогда не будет. Однако это периодически повторялось. Вера Тимофеевна рассказывала, что когда ей в 1921 году сообщили о том, что Литвинов умер, она испытала только огромное облегчение.

Вскоре она вышла замуж за помощника и преемника Литвинова – Владимира Петровича Левченко³. Он был полной противоположностью Литвинова – очень мягкий и добрый человек. Вера Тимофеевна считала его слабохарактерным «размазнёй» и, бывало, говорила: «Литвинов, хоть и извергом был, но мужик!».

В середине двадцатых годов В.П. Левченко перевели в Харьков на советскую работу. В начале тридцатых он с семьёй перебрался в Якутию (в 1933 году он уже был председателем Алданского райисполкома).

¹ Одна из улиц в Иркутске названа именем В.И. Литвинова.

² Литвинов Владимир Ильич, заведующий финансовым отделом Иркутского губернского революционного комитета, затем – исполнительного комитета Иркутского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с 13.05.20 по 15.09.21 гг.

³ Левченко Владимир Петрович, Заведующий финансовым отделом исполнительного комитета Иркутского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в период с 16.09.21 по 07.08.23 гг.

Валериан Тимофеевич и Вера Тимофеевна Вязуновы. Харьков, сентябрь 1927 года.

По данным «Мемориала» Владимира Петровича, когда он работал в Алдане, арестовали, но приговор был очень «мягким», «всего» пять лет.

Левченко Владимир Петрович. Родился в 1889 г., г. Глинск (?) Кировоградской обл.; украинец; председатель Алданского районного исполкома. Проживал: на пришке Незаметный Алданского района ЯАССР.

Арестован 12 марта 1939 г. Алданским сектором НКВД ЯАССР

Приговорен: Постановлением Особого совещания при МВД СССР 11 июня 1940 г., обв.: по ст.ст. 58-2, 58-11 УК РСФСР.

Приговор: к 5 годам ИТЛ. Реабилитирован 9 апреля 1957 г. Постановлением президиума Верховного суда ЯАССР дело прекращено за отсутствием состава преступления.

У Веры Тимофеевны было трое детей: Олег Литвинов (от первого брака), Игорь и Лена Левченко.

Дочь Лена, очень красивая девушка, вышла замуж за офицера МВД по фамилии Тонгалюк. Видимо, офицер был так влюблён, что очевидные последствия этого поступка его не остановили (её очевидно – тоже). И действительно, служебная карьера была совершенно погублена. Впрочем, последствия в те времена могли быть гораздо хуже.

Сын Олег увлекался фотографией, многие семейные снимки сделаны им. Он стал архитектором.

Интересна судьба среднего сына – Игоря Левченко. Когда в 1941 году началась война, братья жили в Харькове, старшего Олега призвали в армию, а Игорь (ему было лет 15-16) остался на попечении жены Олега. Во время

немецкой оккупации Харькова его угнали на работы в Германию. Там в какой-то момент он решил бежать, был пойман и отправлен работать на шахту. Очень скоро стало понятно, что выжить там невозможно, хотя горный мастер его немного подкармливал. Тогда Игорь пошёл в комендатуру и сказал, что «осознал свою вину и готов работать на великую Германию». Его отдали в работники к пекарю, который тоже относился к нему неплохо. Со временем он связался с интернациональной компанией каких-то авантюристов, которые даже в условиях гитлеровского режима ухитрялись заниматься контрабандой в Швейцарию и обратно (золото, валюта и т.п.). Игорь хорошо рисовал, и они использовали его способности для подделки документов. В конце войны компания распалась: часть двинулась на запад, а часть навстречу Красной Армии, чуть ли не с оружием в руках и с флагами. Их, конечно, встретили должным образом. Можно предположить, что сделали с большинством из них. Но Игорю повезло, видимо попался приличному оперу. Ему уже было больше 18 лет, и его забрали в армию, оставив служить в Германии. Году в 1949 он демобилизовался и приехал в Тайшет к родителям, где работал на строительстве железной дороги, женился, у него родилась дочь Ольга. Однако скоро Игорь заболел туберкулёзом (видимо, последствия его работы в шахте) и рано умер. Считается, что Леонард (сын Иннокентия Тимофеевича) заразился от него: они были дружны и часто ночевали вместе, где-то на сеновале.

Вязунова Анна Тимофеевна

1898-1971 гг.

Об Анне Тимофеевне известно мало. В 1918-1919 она жила в Иркутске, выступала в каком-то заведении типа кабаре. Познакомилась с офицером Чешского корпуса, вышла за него замуж и уехала с ним. Чех был довольно состоятельным человеком, имел шоколадную фабрику. В двадцатые годы от неё иногда приходили весточки, а потом переписка естественно прекратилась.

Объявилась она в 1970 году, написала Вере Тимофеевне. Выяснилось, что со своим чехом она давно рассталась, по-видимому, ещё до войны, оказалась не то в Аргентине, не то в Австралии (а может, побывала и там, и там) и, в конце концов, вышла замуж за какого-то американца и жила в США. Судя по всему, абсолютно ничего не имела и целиком зависела от мужа. Характерна её просьба после многолетней разлуки, прислать черёмуху (в Сибири высушенные ягоды черёмухи перемалывали вместе с косточками и из этой муки пекли пироги).

Вязунов Евгений Тимофеевич

1902-1925 гг.

Характер Евгений, судя по всему, имел вязуновский. Анатолий рассказывал, что он с кем-то из старших братьев фактически ограбил мужа Анны Тимофеевны, украв полковую кассу. Было ему в то время не более 17 лет. Бедного чеха чуть не расстреляли.

Евгений также был сельским учителем и женился на дочери зажиточного крестьянина по имени Васса. Впрочем, в тех местах все крестьяне, наверное, были зажиточные. Считалось, что его убили «кулаки», а именно банда уже упоминавшегося Развозжаева. В Иркутском краеведческом музее в советское время был стенд с его портретом, и говорилось, что он был убит как комсомолец. В семье считали, что это была чисто семейная разборка. Он не ладил с отцом своей жены, и дело доходило до рукоприкладства со стороны Евгения.

История его гибели по рассказу Зинаиды Леонардовны (жены Иннокентия Тимофеевича) выглядела следующим образом. Евгений с женой жили в каком-то селе в доме отца Вассы. Судя по месту захоронения, это недалеко от станции Тыреть, километров 30 от районного центра Залари. Зинаида Леонардовна с Иннокентием Тимофеевичем приехали навестить Евгения. Под вечер Евгений в очередной раз поссорился с тестем и сказал, чтобы брат с женой ехали (верхом на лошадях) сами, а он приедет позже. Неподалёку от села их остановила группа вооружённых всадников, спрашивают: «Кто такие?». Иннокентий Тимофеевич представился. Главарь угрожающе говорит: «Ты-то нам и нужен!». В этот момент Зинаида Леонардовна поняла, в чём дело, и закричала: «Это не тот, не тот, кто вам нужен!». Бандиты проверили документы и велели ехать дальше, не оглядываясь. Доскавав до какого-то пункта, где были представители власти, Иннокентий и Зинаида долго доказывали, что они не провокаторы, и не заманивают в ловушку. Когда, наконец, собрали какой-то отряд и добрались до места, то обнаружили Евгения, исколотым штыками и уже мёртвым.

У Евгения Тимофеевича остался один сын – Валериан 1924 года рождения, по фамилии Дьячков (по отчиму). Валериан (Евгеньевич) в молодости перепробовал много разных профессий, был даже артистом. Потом окончил медицинский институт и стал хирургом.

Когда Евгений и Валериан (Тимофеевичи) были подростками, они обещали друг другу назвать своих сыновей Валерианом и Евгением соответственно. Они успели это сделать.

Фотографии Евгения Тимофеевича не сохранилось, есть только фото его похорон с приведенной ниже надписью.

Родной.
Вязунов Евгений И.
Разотбеселен в командой
Развозжаева " в июле 1925,
См. же. отец сг. Тимощев
" братская помощь "

Вязунов Валериан Тимофеевич

1905-1941 гг.

Валериан Тимофеевич родился 16 января 1905 года в Баероновке (ныне станция Байроновка). Последняя архивная запись, где указано, что Валериан находится при отце, относится к 1914 г. Где находился Валериан, когда отца Тимофея убили (сентябрь 1919 г), неизвестно; очевидно, в Иркутске со старшей сестрой Верой.

Первый слева, Валериан Тимофеевич. Иркутск. Первый курс рабфака, 1923 г.

Начальное образование он получил, скорее всего, в школе, где преподавал отец Тимофей. Судя по одной датированной фотографии, в 1924 году он учился на втором курсе рабфака в Иркутске. Поскольку срок обучения на рабфаках был три года, то закончил его он, наверное, в 1925 году. Удивительно, что при таком неблагоприятном социальном происхождении удалось поступить в это заведение, предназначенное исключительно для молодых людей рабоче-крестьянского происхождения¹. Вернее, удивительно то, что этот факт удалось

¹ Законодательное оформление системы рабфаков завершает декрет СНК РСФСР «О рабочих факультетах» от 17 сентября 1920 года. На рабочие факультеты принимались «рабочие и крестьяне в возрасте от 18 лет, делегированные производственными союзами, фабрично-заводскими комитетами, партийными отделами работы в деревне, волосными, уездными и губернскими исполкомами». Обучение на дневном отделении рабочего факультета было приравнено к работе на производстве; слушатели обеспечивались государственными стипендиями. В 1921/22 учебном году на дневных рабфаках был установлен трёхлетний срок обучения, на вечерних - четырёхлетний.

скрыть. Наверное, большевики не были непримиримо принципиальны, и свою роль сыграли родственные связи (муж Веры Тимофеевны). Позже Валериан даже вступил в комсомол, но это было уже на Украине, и там скрыть свое истинное происхождение было легче. На Украине он оказался, очевидно, потому, что старшая сестра Вера с семьёй жила в то время в Харькове. Там он учился в разных учебных заведениях. По имеющимся на фотографиях надписям в 1925 году он – в одесском техникуме сильных токов, в 1926 году – в институте народного хозяйства на технико-математическом отделении. Есть ещё одна фотография без даты и указания учебного заведения. Наверное, это был одесский техникум землеустройства и мелиорации, который 1 октября 1926 года волился в Одесский сельскохозяйственный институт. В конце концов, в 1930 году он оканчивает гидромелиоративный факультет этого института. Был ли это осознанный выбор, или просто пришло время остепениться, неясно.

Судя по разным фотографиям с трогательными надписями, Валериан Тимофеевич пользовался немалым успехом у женщин. Однако и здесь к 1930 году время исканий закончилось. Осенью 1928 года он женится на Татьяне Иосифовне Копытман, студентке Еврейского педагогического техникума.

Валериан Тимофеевич и Татьяна Иосифовна. Могилёв, июль 1929 г.

В 1930 году в Киеве у молодожёнов родилась дочь Виктория, которая умерла от дизентерии на втором году жизни.

К окончанию института Валериан Тимофеевич уже имел неплохой опыт практической работы. Окончив институт, он работал в Днепропетровской и Донецкой областях, на строительстве разных гидротехнических сооружений.

Поработал он также и в проектно-институте. В 1934 году он уже был инженером с немалым опытом практической работы, что подтверждает его подлинный трудовой лист.

В 1932 году в Харькове у Валериана Тимофеевича и Татьяны Иосифовны родилась дочь, которую также называли Викторией.

В 1934 году они решили перебраться в Якутию. Валериан Тимофеевич работал на стройках, а Татьяна Иосифовна сначала секретарём на строительстве, потом – учительницей. В середине 1936 года, по-видимому, уже начались аресты, старшие братья уехали. Валериан Тимофеевич летом 1937 года приехал в Москву, где уже находились Татьяна Иосифовна с Викторией. Осенью они вернулись в Незаметный.

Трудовой лист Валериана Тимофеевича

1	19.05.1928-0.09.1928	Десятник по дорожному строительству отдела коммунального хозяйства при Криворожском Окрисполкоме
2	06.03.1929-25.09.1929	Начальник изыскательской партии при Могилевском Окргремделе
3	25.10.1930-24.03.1931	Помощник прораба Вой Стройконтры Укрводстроя
4	04.08.1931-22.12.1931	Производитель работ Строительства плотины Клепан-Бык ¹
5	23.12.1931-	Технорук 7ой Стройконтры Укрводстрой. Строительство плотины «Лугань»
6	03.05.1932	По распоряжению треста Укрводстрой откомандирован в его распоряжение
7	15.05.1932-27.08.1932	В/О Заготскот. Инженер управления Базового хозяйства
8	28.08.1932-26.09.1932	Очередной отпуск за 1932г
9	14.09.1932	Инженер гидротехнического отдела Укрдпировод ²
10	20.06.1933	Старший производитель работ 3го участка Криворожстроя
11	???.1933-21.06.1933??	Начальник производственно-технического отдела Управления Карачуновского Ст-ва Союзводстроя ³
12	22.06.1934-23.07.1934	Тарифный отпуск за 1933 год, после которого уволить по собственному желанию
13	01.08.1934-26.06.1936	Старший инженер управления строительством Якутской центральной тепловой ЭНК

¹ Город в Донецкой области, Украина.

² Вероятно, это организация в Харькове, в которой по воспоминаниям жены Валериана Тимофеевича он участвовал в проектировании канала Волга – Дон.

³ Украина, Днепропетровская область.

Там произошло то, что и должно было произойти. Всё руководство треста «Якутзолото», во главе с А. С. Куприяновым, где Валериан Тимофеевич к тому времени работал заместителем главного инженера, было арестовано 24 декабря 1937 года.

**По данным «Мемориала»
Куприянов Александр Семенович**

Родился в 1895 г., Казахстан, Павлодарская обл., Павлодарский р-н, ст. Черноричская; русский; управляющий трестом «Якутзолото». Проживал: ЯАССР, Алданский р-н, прииск Незаметный. Арестован 24 декабря 1937 г. Приговорен: Верховный суд ЯАССР 14 июля 1938 г., обв.: ст.ст.58-7, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН Реабилитирован 12 октября 1956 г. Пленум Верховного Суда СССР

Источник: Книга памяти Республики Саха (Якутия)

Куприянов Александр Семенович

Родился в 1895 г., Казахстан; русский; Проживал: Незаметный., обв.: 58. Расстрелян 9 октября 1942 г. Реабилитирован в июле 1956 г.

Источник: Книга памяти Магаданской обл.

В то время как Валериан Тимофеевич «сидел» в ожидании суда, Татьяна Иосифовна родила сына, которого, как и было оговорено за много лет до этого, назвали Евгением.

Состоявшийся летом 1938 года суд приговорил Валериана Тимофеевича к пятнадцати годам лагерей строгого режима, а А.С. Куприянова – к ВМН (высшей мере наказания). Высшей инстанцией приговор Куприянову был смягчён (25 лет заключения). Как видно из приведенных данных «Мемориала», палачи всё-таки завершили свою работу и расстреляли Александра Семёновича в магаданских лагерях в 1942 году, когда там происходили массовые расстрелы заключённых.

На свидании после суда Валериану Тимофеевичу удалось передать жене свои комментарии по делу на множестве крошечных лоскутов бумаги, исписанных бисерным почерком. Позднее он рассказывал, что писал их, прячась под нарами, а сокамерники сидели на этих нарах, прикрывая его. Наверное, камеры были переполнены, и сделать это было нетрудно. К сожалению, эти записки не сохранились, как и тюремная фотография с табличкой на груди. Эту фотографию «опер» подарил Валериану Тимофеевичу при освобождении из лагеря.

Татьяна Иосифовна с детьми после суда уехала в Москву, где рассчитывала жить в квартире на Извозной улице¹. Однако брат Татьяны Иосифовны, как только узнал об аресте Валериана Тимофеевича, выписал её оттуда. Он опасался, что появление одинокой, женщины с детьми, без мужа, который был за год до этого, привлечёт ненужное внимание и толки.

После того, как усилиями адвоката и Татьяны Иосифовны обвинение было переквалифицировано на «бытовую» (хозяйственные или служебные преступления) статью, срок сократили до трёх лет. Кроме всего прочего, это означало, что, не будучи «социально опасным», заключённый мог рассчитывать на так называемые зачёты¹. В результате в конце 1940 года Валериан Тимофеевич был освобождён.

Начало войны застало Татьяну Иосифовну на пути в Сочи, а Викторину – в Одессе. Валериан Тимофеевич с сыном оставались в Мончегорске, откуда были эвакуированы в Норильск. Перед эвакуацией Валериан Тимофеевич работал на строительстве аэродрома. Его отправили в первую очередь либо как отца одиночку на тот момент или по другой причине.

Татьяна Иосифовна догнала мужа и сына в Красноярске. В Норильск они прибыли 13 августа 1941 года, Валериан Тимофеевич получил назначение на работу, а 16 августа пришла повестка о призыве в армию. Как потом выяснилось, почти все прибывшие в этой партии получили такие повестки, хотя все они имели бронь² ещё в Мончегорске. Военкомат среагировал быстрее, чем управление комбината, которое должно было передать эту бронь в военкомат. Судя по всему, Валериан Тимофеевич был в очень подавленном состоянии, прежде всего из-за тревожной неопределённости с Викторией. Он ничего не стал предпринимать, как сделали все остальные, и даже не попрощавшись с женой, оставил ей доверенность на получение корреспонденции³, собрал вещи, пошёл в военкомат и сразу же был отправлен в Дудинку. Татьяне Иосифовне удалось попрощаться с мужем. Во время этого свидания, когда она начала что-то говорить о том, что и как будет после его возвращения, он коротко ответил «оттуда не возвращаются». Если вспомнить, сколько людей потеряла страна в этой войне, то понятно, что Валериан Тимофеевич оказался прав.

Первое письмо от Валериана Тимофеевича, датированное 13 сентября 1941 года, привёз какой-то незнакомый человек из Канска, где формировалось подразделение младшего лейтенанта Пожигайло. В нём он в частности пишет: «наверное, скоро выедем (на фронт). Хотелось бы скорее, а то надоело валяться в грязи. Эти дни занимаемся изучением устава и маршировкой. Не знаю, успеют ли ознакомить с винтовкой, очевидно, будут доучивать на фронте». В следующей открытке от 15 сентября: «я приступаю к боевой подготовке». 27 сентября он проезжает Свердловск. Последняя открытка от 30 сентября – из Муром (268 км до Москвы по железной дороге), в ней: «подъезжаю к событиям». 5 октября из Мурома же пришла телеграмма: «ЗДОРОВ В ПУТИ ЦЕЛЮЮ ВАЛЯ». Больше никаких сообщений не было.

¹ Зачёты – заключённому один рабочий день отработанный с перевыполнением установленной нормы на 15% засчитывается за 1,5, 2 (или больше) дня его срока заключения.

² Документ, подтверждающий, что данный человек в военное время не подлежит призыву в армию.

³ Он ожидал получения из Алдана своего диплома о высшем образовании, который он запросил 2 августа 1941 года. Будь у него диплом, даже в армии, судьба его могла сложиться иначе.

Судя по всему, полной и достоверной информации о положении на фронте у командования часто не было. Как говорили очевидцы, прибывающие пополнения (маршевые роты) тут же, как в топку, бросали на трещащий по всем швам фронт, зачастую без всякого оружия. Эти роты могли попасть на территорию, уже оставленную частями Красной армии, и сразу попасть под артиллерийский налёт или бомбёжку. В этом случае погибшие не могли быть учтены и считались пропавшими без вести. Кто-то мог сразу попасть в плен. Татьяна Иосифовна всегда и, не без основания, считала, что, если бы Валериан Тимофеевич остался жив, он бы нашёл способ сообщить о себе. Ещё много лет после войны, когда время от времени некоторые люди возвращались из плена, она всё ждала чуда. С другой стороны, нельзя исключать и того, что, оказавшись в плену, и, прекрасно зная царившие в стране порядки, Валериан Тимофеевич решил, что лучше ему считаться пропавшим без вести, чем опять попасть в лагерь и обречь свою семью на участь ЧСИР (члены семьи изменника Родины). Как бы то ни было, на многократные запросы Татьяна Иосифовна получала неизменный ответ: «пропал без вести в декабре 1941 года».

Невозможно определить, куда бросили подразделение младшего лейтенанта Пожигайло, в котором служил Валериан Тимофеевич Единственно, что можно утверждать – это было где-то под Москвой.

Теперь, благодаря созданной «Мемориалом» объединённой базе данных, видно, что командир подразделения, младший лейтенант Павел Александрович Пожигайло тоже пропал без вести в это же время. Это, скорее всего, значит, что погибло или попало в плен всё подразделение.

Вот данные «Мемориала»:

53000704

Информация из донесения о безвозвратных потерях

Вязунов Валериан Тимофеевич

1905 года рождения, с. Байроновка Иркутской обл.

Воинское звание - красноармеец

Причина выбытия: пропал без вести Дата выбытия: _12.1941

Название источника информации: ЦАМО

№ фонда источника информации: 58

№ описи источника информации: 18001

№ дела источника информации: 283

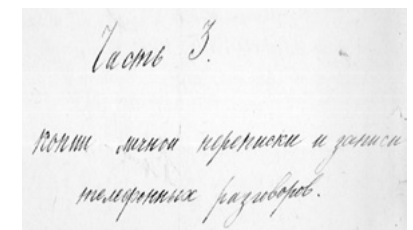
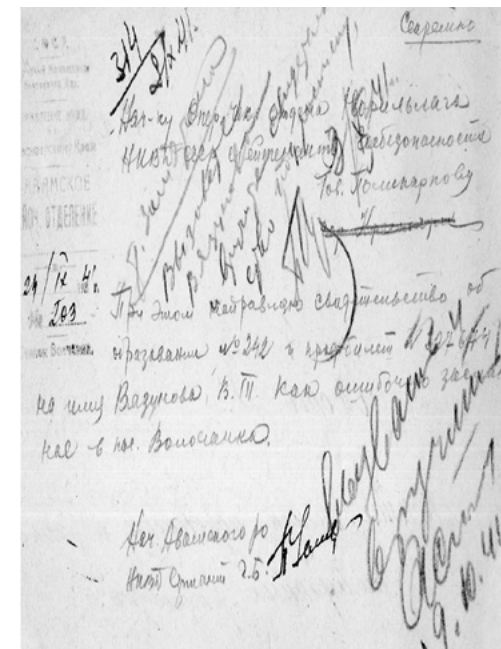
Диплом, который Валериан Тимофеевич 2 августа запросил у Алданского отделения НКВД, ошибочно попал в посёлок Волочанка, а оттуда начальником местного отдела НКВД секретным письмом переправлен в Норильск 24 сентября 1941 года. Удивительно, что почта в такое время доставлялась значительно быстрее, чем сейчас.

Вероятно, из-за дефицита бумаги сержант государственной безопасности пишет письмо на обратной стороне заготовленного бланка для «копии личной переписки и записи телефонных разговоров».

Волочанка – старинный посёлок у реки Хеты, когда-то – районный центр ныне несуществующего Авамского района, километров 300 на северо-восток от Норильска. В настоящее время в этом посёлке 710 жителей, из них представителей коренных народов Таймыра 611 человек: долган – 305; нганасан – 304; ненцев – 2.

Такие, подлинные на первый взгляд невзрачные, документы просто потрясают! Идёт страшная война, на которой уже погибли миллионы граждан страны, а здесь в крошечном посёлке за полярным кругом функционирует полицейский отдел. И пусть здесь нет в юртах телефонов и местное население в основном неграмотное, государственная машина снабжена необходимыми бумагами по слежке за телефонными переговорами и личной перепиской. Вот один из способов государственного контроля за социальной, экономической и политической жизнью каждого человека, демонстрирующий полную незащищённость отдельного человека...

Дети Валериана Тимофеевича и Татьяны Иосифовны: Виктория – 1932 г.р., Евгений – 1938 г.р.

Обратная сторона сообщения, 24.09.41 г.

Сообщение о направлении диплома и профбилета Вязунова В.Т. Подписано сержантом государственной безопасности начальником Авамского районного отдела НКВД.

*Семья матери:
Копытман*

Роза Межеричер

Первый человек из семейства Копытман, о котором нам что-то известно – это Роза Межеричер (бабушка Роза). Она была единственной дочерью в большой еврейской семье из местечка Махновка¹. Кроме неё, в семье выросли семь сыновей, у каждого из которых также было много детей. Некоторые из них были довольно состоятельными для тех мест и того времени людьми (кузнецы, мясники). При Советской власти многие стали профессиональными военными.

Фамилия Межеричер происходит, очевидно, от названия населённого пункта. Только на Украине есть четыре населённых пункта с названиями Межерич и Межеричи. Известны местечки с похожими названиями в Молдавии, Белоруссии и даже на территории Запорожской сечи. Неподдалёку, в Липовецком районе Винницкой области (по нынешнему административному делению) было местечко Вахновка, в котором жила другая семья Межеричер. Интересно, что в этой семье также было семь сыновей и одна дочь. Соответственно семьи назывались «вахновскими» и «махновскими». Главы семейств были братьями.

Дочь Розу выдали замуж за Марка Копытман, появившегося в местечке откуда-то из Бессарабии². Это произошло, по-видимому, около 1870 года, поскольку младший сын Иосиф у неё родился в 1877 году. Марк как будто окончил гимназию, что маловероятно для России шестидесятых годов девятнадцатого века. Вскоре он исчез и периодически появлялся лишь несколько раз. В результате Роза родила двух дочерей и сына. После чего Марк Копытман исчез окончательно, уйдя куда-то с чумаками³. Вполне возможно, что он был дальним родственником махновских или вахновских Межеричер. В результате Розе пришлось «поднимать» трёх детей самостоятельно, зарабатывая тяжёлым физическим трудом, фактически батрача⁴ на более состоятельных поселян. Странно, что такая большая семья, по всей видимости, не помогала ей. Обе дочери Розы выкрестились и вышли замуж за украинских парней. Одна из них Ганна (Анна) Присяжнюк, назвала своего сына Осипом в честь своего брата Иосифа.

¹ Махновка в 1935 году переименована в село Комсомольское Казатинского района Винницкой области.

² Копытманы встречались в Молдавии (ранее Бессарабии) и в советское время. Наиболее известный из них, композитор Копытман Марк Рувимович (6.12.1929 – 16.12.2011), родился в Каменец-Подольске в семье врача.

³ Чумаки – крестьяне, занимавшиеся перевозкой и продажей соли, рыбы и других товаров. Обычно они отправлялись на волах в Крым или в Приазовье.

⁴ Батрак – наемный сельскохозяйственный рабочий.

Иосиф Маркович Копытман

1877-1932 гг.

Иосиф Маркович, по словам его сына Якова (Акима), окончил еврейский учительский институт в Житомире. По данным Б. Дубмана¹ этот институт в октябре 1885 года был закрыт, и поступить в институт даже в год его закрытия (в восьмилетнем возрасте) Иосиф никак не мог. С другой стороны, согласно тому же источнику 2 марта 1887 года в том же здании было открыто двухклассное еврейское начальное училище. Вполне возможно, Иосиф учился в этом училище (в 1887 году ему 10 лет), а после его окончания уже в городе Вильно (ныне Вильнюс) поступил в Виленский еврейский учительский институт². Так или иначе, он стал народным учителем. Не исключено, что он каким-то образом завершил своё образование в Одессе, где женился на Фаине Уманской.

С 1905 года Иосиф Маркович – член профессионального союза работников просвещения (в советских терминах). Следовательно, его трудовая деятельность на ниве народного образования началась не позднее 1905 года.

Копытман Иосиф Маркович (в форме народного учителя) и его жена Фаина.

¹ www.proza.ru/2001/07/14/805

² Выпускниками этого института были учителя всех городских еврейских школ Российской империи. Новым предметом, который стали, в соответствии с учебной программой, преподавать в институте, стал русский язык. В целом это имело позитивное значение для выпускников, так как облегчало им возможность интегрироваться в ряды интеллигенции России, претендовать – при наличии возможностей – на дальнейший карьерный рост. В еврейских училищах, школах и других заведениях, работавших под эгидой Министерства народного просвещения, образование было светским. Помимо русского языка, изучались естественные науки. Важнейшим для будущих учителей был, конечно, комплексный курс иудаики, в который входило изучение древнееврейского языка. И Танах, и труды еврейских мудрецов при этом изучались с позиций естественнонаучных, а не религиозных.

Большую часть жизни Иосиф Маркович работал в школах еврейских колоний¹, которые располагались на юге России. В Екатеринославской губернии (территории нынешних Запорожской и Донецкой областей) еврейские колонии, где учительствовал Иосиф Маркович, начали создаваться в 1840-х годах. Последние годы (до гражданской войны) он работал в школе колонии Графской.

Карта еврейских земледельческих колоний Екатеринославской губернии.

¹ В начале XIX века императором Александром для заселения малонаселённой Новороссии законом в Российской империи была закреплена сословная группа евреев земледельцев. Евреям, желающим стать земледельцами, был предоставлен статус колонистов. Им выделялись казённые земли (не в собственность) размером 40 десятин на семью, началось тяжёлое и мучительное переселение евреев из Западных губерний. Те, кто преодолел испытания дальнего пути, начали строить жилища, обзаводиться сельскохозяйственным инвентарём, обучаться земледелию. К 40-м годам часть колоний получали приличные урожаи, расширяли посевы, экономическое состояние их улучшалось. После 1844 года переселение колонистов стало возможно только на собственные средства, а с 1866 года было прекращено. К началу XX века еврейские колонии превратились в аграрно-промышленные торговые поселения со значительным населением, с эффективно действовавшим местным самоуправлением, с обязательным серьёзным обучением детей в школах. Советская власть для привлечения симпатий еврейского населения после Гражданской войны поддерживала колонии, материально ничего в них не вкладывая. Помощь в восстановлении колоний в основном осуществляли еврейские зарубежные организации и фонды. Благодаря этой помощи были организованы тракторные колонны, созданы перерабатывающие предприятия, введены новые сельхозкультуры. Всё это позволило быстро восстановить хозяйство еврейских колоний. На фоне успехов и значительного расширения количества колоний властями были организованы еврейские национально-административные образования: еврейские сельсоветы и районы. Появились еврейские общеобразовательные школы, техникумы на еврейском языке («идиш»). К середине 1930-х годов, упрочив своё положение, правящий режим отбросил политику коренизации и перешёл к ассимиляции национальных меньшинств. В 1937 году были ликвидированы национальные районы и сельсоветы и по ним прокатилась волна репрессий, как и по всему Советскому Союзу.

Еврейская земледельческая колония Графская была основана переселенцами из Витебской и Могилевской губерний в 1848 году. К концу XIX века в колонии 351 житель (67 семей), 604 десятины земли засеваются в основном ячменем и яровой пшеницей. Евреям принадлежали 113 лошадей, 83 коровы, в усадьбах колонистов имелось 2606 деревьев, существовал прекрасный парк, работала мельница. Был выращен питомник площадью 9 десятин снабжавший молодыми деревьями и кустарниками все еврейские колонии губернии. В колонии Графской все работы выполнялись без привлечения наёмного труда христиан. Кроме школы имелись синагога, баня и общественный магазин. Советская власть в колонии была установлена в январе 1918 года. В годы Гражданской войны колония подвергалась нападениям махновцев, белогвардейцев и крестьян окрестных деревень. Были убитые, раненые и изнасилованные. Кроме того, уничтожено ряд домов, лавок, кузниц, школа и кредитное общество. Население колонии значительно сократилось. Старорежимное название колонии было заменено на чисто советское – село Пролетарское, которое превращалось то в колхоз, то в совхоз. Во время второй мировой войны в 1941 году часть евреев Пролетарского эвакуировались в восточные районы страны, оставшиеся евреи, были расстреляны. На фронтах Великой Отечественной войны сражались 62 местных жителя.

Общий вид здания школы колонии Графская; на переднем плане - колонисты, 1904 год.

По воспоминаниям Татьяны Иосифовны (младшей дочери Иосифа Марковича), когда они жили в колонии Графской (до революции и гражданской войны) – это была двухклассная школы, оба класса занимались в одном помещении. Дом учителя с участком земли был при школе, в которой работали два учителя. Первой задачей учителей было научить детей говорить на русском языке. Татьяна вспоминала, как перед началом занятий она помогала бабушке Розе приносить в класс разные предметы (посуду и прочую утварь), чтобы учитель, указывая на эти предметы, называл их по-русски. Многие из бывших колонистов, впоследствии продолжившие образование, с благодарностью вспоминали своего первого учителя, давшего им «путёвку в жизнь».

Двор Берела Комисарука в колонии Графская, 1906 г.

Иосиф Маркович был очень трудолюбивым и исключительно упорным в достижении цели человеком. Два эпизода, подтверждающих эту характеристику.

В какой-то момент Еврейское Колонизационное Общество, курировавшее еврейские земледельческие колонии, решило, что учителя всех колоний должны сдать экзамен по древнееврейскому языку. Надо сказать, что Иосиф Маркович и Фаина не были религиозны, и лишь иногда, уступая настойчивым просьбам бабушки Розы, посещали синагогу (там Фаина, сидя на хорах, читала романы). Поэтому древнееврейский язык Иосиф Маркович знал не очень. Тем не менее, он засел за книги и упорно работал. К назначенному сроку он явился на дачу на Большом Фонтане в Одессе к известному еврейскому писателю Менделе Мойхер-Сфориму для сдачи экзамена. Поначалу Мойхер-Сфорим встретил его неприветливо. Видимо ему не понравилась учительская форма, напоминавшая офицерский мундир. В конце концов, он остался удовлетворённым, и Иосиф Маркович прошёл испытание успешно.

Старшую дочь Марию Иосиф Маркович готовил к поступлению в гимназию. Наряду с другими предметами при поступлении в гимназию нужно было сдать экзамен по французскому языку. Французского Иосиф Маркович, конечно, не знал, но это его не остановило. Он выписал самоучитель и другую литературу и засел вместе с дочерью за изучение языка. В результате Мария успешно сдала вступительные экзамены и поступила в Мариупольскую гимназию. Правда, экзаменаторы были очень удивлены тем, что при отлично выполненной письменной работе по французскому языку она продемонстрировала ужасное произношение.

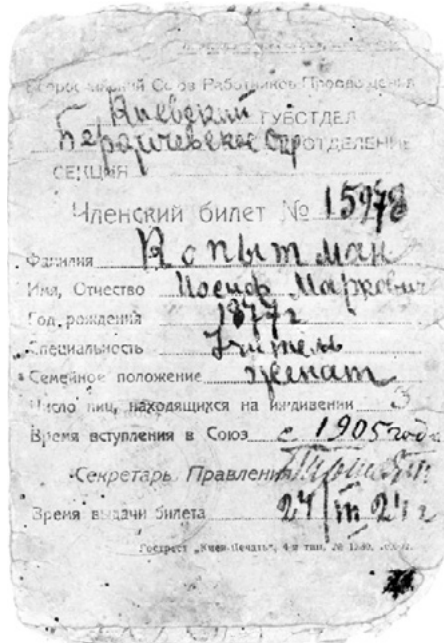
Гражданская война сломала устоявшийся относительно благополучный быт семьи: ушла из жизни бабушка Роза, начались погромы, болезни, голод. Всё это погнало в 1921 году семью на родину в Махновку, но облегчения от этого не последовало. Там умерла от тифа или от «испанки»¹ Фаина и двухлетняя дочь – Роза. Дочь Татьяна покалечила ногу, когда пришлось бежать от очередных погромщиков. Сын Яков (Аким) «мotalся» по ближайшим (и не очень) населённым пунктам, обменивая разные вещи на продукты питания. Единственный источник дохода, учительское жалование, Иосифу Марковичу, по-видимому, перестали платить. В одной из поездок Яков потерял ногу.

При переселении в Махновку не обошлось без неприятностей. По дороге их ограбили красноармейцы из частей, перебрасываемых из Крыма на польский фронт. Правда, этих мародёров быстро нашли и расстреляли, старшая дочь Мария принимала участие в их опознании. Удалось ли что-нибудь вернуть из их жалкого скарба, неизвестно (дочь Татьяна вспоминала, что особенно горевали об утрате сепаратора для молока).

В Махновке родственники вскоре женили Иосифа Марковича на женщине из этого местечка. Дети от первого брака не признали новый брак отца и начали самостоятельную жизнь. Во втором браке у него появились трое детей: два сына и дочь. Какое-то время он ещё учительствовал, о чём свидетельствует профсоюзный билет, выданный 24.07.1924 г. Бердичевским отделением Киевского ГУБОТДЕЛА профсоюза работников просвещения. Однако катастрофически плохое зрение Иосифа Марковича ухудшалось, и он практически ослеп. В результате он не мог больше работать. Получая небольшую пенсию и иногда посылки от некоторых эмигрировавших в Америку родственников, Иосиф Маркович находился в очень подавленном состоянии из-за того, что не мог содержать новую семью и из-за чувства вины перед детьми от первого брака. В таком состоянии в 1932 году он покончил с собой, бросившись под поезд на станции Казатин, где получал эти самые посылки.

Трагическая судьба детей от второго брака. Долгие годы предполагалось, что все они погибли во время немецкой оккупации. Однако в 1970 году Татьяна

¹ Вид гриппа. Пандемия испанки унесла жизни миллионов людей в 1918 – 1920 гг.

Профсоюзный билет Иосифа Марковича.

Иосифовна разыскала его младшего сына Наума. Произошло это так. Во время очередного государственного антисемитского приступа Татьяна Иосифовна прочла в газете, что в Биробиджанском техникуме состоялось собрание, на котором среди прочих выступила студентка Копытман с «гневным осуждением израильской военщины». Татьяна Иосифовна тут же написала этой студентке, чтобы выяснить, не дочь ли она Иосифа Марковича. Вскоре пришёл ответ, в нём студентка уверяла, что она – не дочь, но получила аналогичный запрос от некоего Наума Марковича Копытман из села Бродецкое Казатинского района (рядом с селом Комсомольское – бывшим местечком Махновка).

История Наума такова. Вскоре после гибели Иосифа Марковича умерла и мать Наума. Старшие сестра и брат были уже достаточно большими, а Наума отдали в еврейский (были и такие в то время) детский дом в городке Немирове Винницкой области. Когда началась война, персонал детского дома разбежался, и дети вынуждены были сами как-то добывать пропитание. Они бегали на железнодорожную станцию, которую непрерывно бомбили, но там можно было что-то раздобыть. Однажды начальник санитарного поезда обратил внимание на побивавшихся мальчишек и, выяснив кто

они, взял с собой несколько человек. Это был, конечно, ПОСТУПОК, ведь брать посторонних в военные эшелоны категорически запрещалось. С этим эшелоном Наум добрался до Краснодарского края. Там, наверное, его определили в детский дом, который уже в организованном порядке эвакуировали в Кузбасс.

После войны он вернулся в Краснодарский край, потому что эти места ему казались земным раем: много разной еды и почти даром. Почему-то он не получил никакого профессионального образования и фактически батрачил за питание. Со временем его всё-таки потянуло на родину, где он также надеялся что-нибудь узнать о старших сестре и брате, и он уехал в Винницкую область. Там устроился работать на сахарном заводе в селе Бродецкое, неподалёку от Махновки. О сестре и брате ничего узнать не удалось. Скорее всего, они, всё-таки, погибли во время оккупации.

Интересна также судьба Сони, жены Наума. Во время оккупации Соня, с сестрой Раей и их матерью остались в Махновке. В первые дни оккупации начали сгонять евреев для последующей экзекуции. Один из полицаяв, который пришёл за ними, не выполнил свою обязанность и велел им где-нибудь спрятаться. Так они и прятались всё время, то в лесу, то у знакомых. Однажды мать с девочками решила куда-то поехать на поезде. На станции Казатин их увидел полицай и говорит своему напарнику «Петро, дывись, жидивки, отведи их в комендатуру». Петро повёл их и по дороге отпустил. Так дважды всеми ненавидимые полицаи спасли их от неминуемой гибели. Конечно, надо помнить и о простых людях, которые их прятали, очень сильно рискуя: в лучшем случае им грозил концлагерь.

Первая жена Иосифа Марковича Фаина родила пять детей. Двое из них умерли в детстве. Остальные дети в порядке старшинства:

Мария: 1904-1988 гг.; Яков: 1906-1976 гг.; Татьяна: 1908-1990 гг.

Копытман Мария Осиповна

1904-1988 гг.

Старшая дочь Мария росла книжной девочкой, не любила бегать и играть с младшими ребятами. Будучи способной и хорошо подготовленной отцом, очень рано поступила в Мариупольскую женскую гимназию. Хорошо училась, хотя была младшей по возрасту в классе. Приезжая на каникулы домой, не увлекалась деревенскими развлечениями, не помогала бабушке и маме в хозяйственных делах, а проводила все время за книгами. Предполагалось, что она закончит дополнительный (восьмой) педагогический класс гимназии, дававший право заниматься педагогическим делом в городских и сельских училищах. Одержавшие победу в гражданской войне большевики ликвидировали гимназии, но Мария была уже в старших классах и успела получить неплохое образование за исключением педагогического класса.

После распада семьи начала самостоятельную жизнь – получила какой-то документ, позволяющий ей учительствовать, увлеклась марксистско-ленинскими идеями, вступила в комсомол и стала активной комсомолкой. К началу учебного 1924 года Мария уже учитель школы еврейской колонии в Равнополе, где когда-то учительствовал её отец. В школе познакомилась с Марком Бирманом препода-

вавшим историю и бывшим активным пропагандистом идей большевизма. Эти замечательные многообещающие идеи светлого будущего их сблизили и молодые люди поженились. В 1929 году у них появился сын Лёня. Желание учиться дальше не покидает её. В начале тридцатых годов они переезжают в Москву, где Мария, продолжая преподавать, оканчивает педагогический институт в 1935 году по специальности – «математика». Марк с увлечением работает в издательствах, оба они уже члены партии ВКП(б). В середине тридцатых годов после образования Еврейской автономной области Марка, как активного проводника идей партии, направляют в столицу этой области Биробиджан. Хорошо знавший литературный идиш Бирман, занимается организацией издательской деятельности на этом языке. Побывавшая в Биробиджане с ознакомительной целью Мария не нашла там интересного дела для себя. В это время в Москве ей предложили работу преподавателя математики в промакадемии (в 30-х годах эта академия считалась ВУЗом для крупных управляющих и директоров советских предприятий и фактически давала образование в объёме средней школы). В 1937 году Марка Бирмана осуждают по 58-ой статье как «японского шпиона», к 1941 году ему удаётся вырваться из ГУЛАГа, в первые дни войны он добровольно уходит в московское ополчение и погибает во время войны.

Успешно проработав несколько лет в промакадемии, Мария переходит в военно-воздушную академию им. Н.Е. Жуковского, продолжая преподавать математику. В этих академиях пользуется уважением студентов, которые часто посещают её неказистое полуподвальное жилище. В связи с антисемитскими послевоенными гонениями, по собственному желанию, уходит из военно-воздушной академии преподавателем в более скромный Московский Станко-инструментальный институт. В 1954 году пятидесятилетняя Мария Осиповна выходит замуж за овдовевшего и только что освободившегося из ГУЛАГа соседа Самуила Борисовича Богина, уезжает к нему в Магадан, где до конца 50-ых годов преподаёт математику в учебно-консультационном пункте заочного политехнического института. Нелёгкая жизнь не ожесточила и не заставила отказаться Марию Осиповну от веры в систему социализма, при этом ей хватало мужества и стойкости оказывать реальную помощь людям, пострадавшим от этой системы. Она не жаловалась на прошедшую жизнь, всегда была подтянута, хорошо одета для своего времени, расположена к людям.

После возвращения из Магадана они с мужем наконец-то получили небольшую квартирку на проспекте Вернадского. Здесь они счастливо в любви и согласии прожили ещё более двадцати лет, привечая и согревая своим теплом многочисленных племянников и их детей. Сын Марии Осиповны – Леонид Маркович Бирман, 1929 – 2012 гг.

Копытман Аким Осипович

1906-1976 гг.

Яков (в дальнейшем переименованный в Акима) рос очень шустрым сообразительным шаловливым и непокорным ребёнком. Постоянно спорил со старшими, даже не признавал авторитета своего отца – учителя, когда тот учил его в первых классах школы. В школах колоний были большие, с хорошо подобранным набором книг, библиотеки. Мальчик много читал, любовь к книгам сопровождала его всю жизнь. Страшные годы гражданской войны, развал семьи после смерти матери, потеря ноги и «свободолюбивый» характер подтолкнули его к поискам лучшей жизни. Он несколько лет мотался по разным городам и весям Украины, где работал, учился, был активным проводником идей большевизма. Окончил какие-то ускоренные курсы прокуроров и в конце двадцатых годов даже служил прокурором на Северном Кавказе. Очевидно, в этих скитаниях по Украине Яков где-то сталкивался по работе или учёбе с Н. С. Хрущёвым, уже тогда занимавшимся партийной работой. В начале тридцатых годов он закрепляется в Москве и работает в административной части Московского комитета ВКП(б), где руководителем является Н.С. Хрущёв. В 1937 году знакомится с молоденькой девушкой Ниной Ребровой, которая

со всем пылом комсомольской юности увлекалась тогда парашютным спортом. Они поженились и прожили всю жизнь вместе, воспитав четверых детей. В конце тридцатых годов Яков начинает работать в наркомате тяжёлой промышленности и выдвигается в заместители руководителя Главугля. В 1940 году он учится в промакадемии. Во время войны Яков с семьёй эвакуировался на восток страны, где успешно начал работать в Карагандинском угольном бассейне с будущими министрами угольной промышленности СССР – А.Ф. Засядько, А. Н. Задемидко. Природные способности, необыкновенное упорство в расширении своих знаний позволяют ему освоить новое дело – добычу угля. В пятидесятые годы продолжает работать на угольных шахтах Воркуты. Вернувшись в Москву, он с удовольствием работал проректором по общим вопросам в академии угольной промышленности. Имея огромный опыт практической работы в угольной промышленности Аким Осипович (его официальное имя и отчество) с упорством и настойчивостью прошел теоретический курс горного инженера, хотя был человеком уже не молодым и не очень здоровым. В начале шестидесятых годов он был заместителем председателя Карагандинского совнархоза¹.

Дети Акима Осиповича и Нины Ивановны: Лаура – 1938 г.р., Александр 1939 – 1992гг., Светлана – 1944 г.р., Виктория – 1949 г.р.

¹ Совнархоз – совет народного хозяйства - государственный орган территориального управления народным хозяйством, в СССР 1957 – 1965гг.

Копытман Татьяна Иосифовна

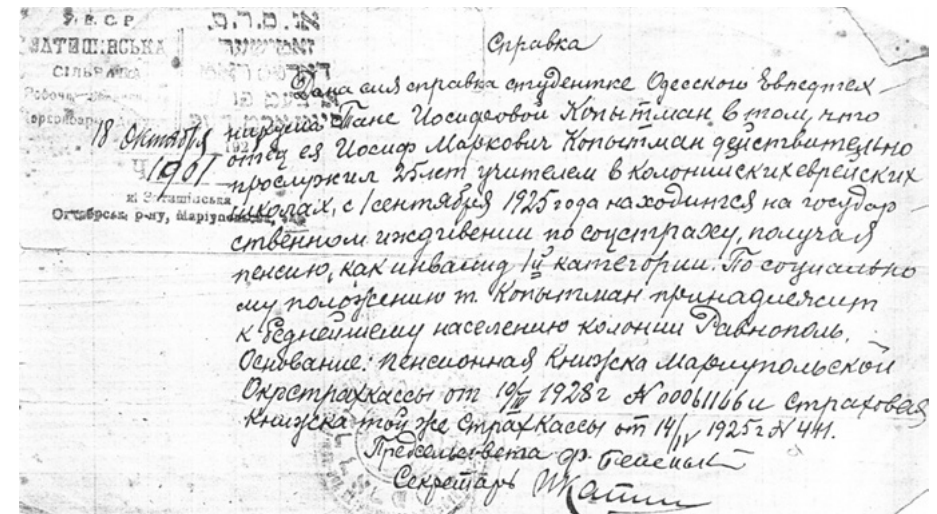
1908-1990 гг.

Раннее детство Татьяны, младшей дочери Иосифа Марковича прошло в хороших условиях, семья жила в добротных домах при школах в еврейских колониях, где преподавал отец. Особенно близка была бабушке Розе младшая внучка Таня – шустрая домашняя и ласковая девочка, которую бабушка учила хозяйничать и даже доить корову. Корова была необходима, так как одной зарплаты учителя народной школы для содержания большой семьи, конечно, не хватало. В основном уходом за коровой занималась бабушка. Возле дома был хороший сад с фруктовыми деревьями, где Таня не только любила играть, но и помогала собирать и обрабатывать фрукты. Отца девочка побаивалась, он был строгим, да к тому же учителем в школе, куда ей хотелось поскорей пойти учиться. Старшая сестра, приезжавшая из гимназии только на лето, постоянно читала и не хотела играть и бегать с младшими. Брат, большой проказник, постоянно убегал подальше от дома, поэтому Таня много времени проводила с бабушкой.

С началом гражданской войны благополучие семьи рухнуло. Умерла любимая бабушка, некоторые хозяйственные заботы легли на Таню. Ведь её мама боялась даже подходить к корове и не умела её доить, поэтому десятилетней девочке приходилось этим заниматься, ведь нужно было как-то кормиться. Появилась маленькая сестричка Розочка, к которой Таня очень привязалась. Голод, разруха, погромы погнали семью в Махновку. После смерти мамы двухлетняя малышка оказалась на руках Тани, но голод и болезни забрали жизнь этого ребёнка. Эти смерти, тяжёлая жизнь, больная нога и распад семьи очень подкосили жизнерадостность девочки и заставили окунуться во взрослую жизнь, зарабатывать на пропитание. Пришлось работать: на свекловичных плантациях, в домах зажиточных поселян домработницей.

Осенью 1924 года Таня перебралась в колонию Зеленополье, где её старшая сестра Мария начала работать учителем в школе. Здесь она учится в школе крестьянской молодёжи, навёрстывая упущенное, вступает в комсомол, очень веря в светлое будущее идей коммунизма. Поступить в школу и продолжить в дальнейшем своё образование ей позволило то, что её официально признали принадлежащей к «беднейшему населению колонии» о чём говорится в справке Равнопольского сельсовета.

В 1925 году окружной комитет комсомола рекомендовал её на подготовительное отделение Харьковского еврейского педагогического техникума, в 1926 году техникум переводят в Одессу, куда, естественно, переезжает и Таня.

Учёба в техникуме велась на идиш, которого она не знала, ведь в семье говорили и учили только русский язык. Пришлось осваивать этот язык, училась девочка с удовольствием, с энтузиазмом отдаваясь комсомольским делам, в каникулы ездила с ребятами в Крым, в Сочи. В общежитии познакомилась со студентом мелиоративного института Валерианом Вязуновым, влюбилась и в 1928 году вышла за него замуж. В 1929 году она окончила техникум, и пока муж завершал учёбу, работала под Одессой в еврейской колонии учительницей и даже заведующей начальной школой. После окончания Валерианом института несколько лет они с мужем мотались по различным стройкам Украины. В эти годы умерла в годовалом возрасте их первая дочь, а в 1932 году в Харькове во время страшного голода рождается вторая дочь – Виктория. Во время переездов Татьяна один год пыталась учиться в Криворожском горном институте, выбыла (автоматически) из комсомола, в душе оставаясь комсомолкой до конца своих дней. После переезда в 1934 году в Якутию она продолжала учительствовать, с наслаждением окунувшись в жизнь большой семьи Вязуновых, которые собрались там. Ей кажется, что впереди всех ждёт замечательная жизнь, но наступает 1937 год и в одночасье всё рушится.

И вот эта красивая легкоранимая, уже немало пережившая в юности молодая женщина проявила такие нестигаемую стойкость и мужество, какие нечасто встречаются в жизни. За три года (до начала войны) Татьяна пережила арест и фантастические обвинения мужа, родила сына, помогла мужу избавиться от страшной 58-ой статьи, вытянула двух детей без жилья, без «хлебной» специальности, без какой-либо материальной поддержки со стороны. После тяжёлой вынужденной работы учителем в рязанской сельской школе в 1938/39 учебном году стало ясно, что работать учителем с детьми в её физическом состоянии просто невозможно. Были опасения о возможных преследованиях по профессиональным направлениям после постановления ЦК ВКП(б) 1936 года «О педологических извращениях». Она же получила педагогическое образование в период, когда педология (наука о развитии ребёнка, об особенностях детского возраста...) признавалась прогрессивной наукой. Носителей этих знаний в те годы начали преследовать, даже знаменитого учителя Макаренко убрали за «несоветскую систему воспитания». При ежедневной вероятности самой попасть за решётку, она прошла путь куда более тяжёлый и страшный, чем воспетые поэтами жёны декабристов в XIX веке. В конце 1940 года муж освобождается из лагеря благодаря пересмотру его «дела», казалось, жизнь налаживается.

Но...1941 год – война! И снова лавина испытаний: потеря дочери, мужа, отсутствие жилья, материального достатка. И снова отчаянная борьба за жизнь детей, ни на день не прекращающиеся усилия по розыску дочери и мужа. И всё

это при активнейшей работе в Норильском комбинате и в московском министерстве. При этом Татьяна никогда не отказывалась от нового для неё дела, добросовестно относясь к заданиям любой сложности, постоянно самостоятельно обучаясь новым специальностям. За двадцать с лишним лет (после 1937 года) она освоила и успешно выполняла разные работы: специалиста по подготовке кадров, экономиста, инспектора отдела кадров и управления делами огромного комбината, специалиста по контролю за исполнением всей распорядительной документации руководства этого комбината и даже лаборанта в цехе КИПиА. Несмотря на рабочую и домашнюю нагрузки, тяжёлые семейные переживания она не позволяла себе опускаться, всегда была аккуратна, подтянута, доброжелательна к окружающим, обрела новых друзей. Можно только удивляться, откуда черпала силы эта женщина. Многолетние тяжёлые невзгоды и переживания, конечно, подорвали её здоровье и расшатали нервную систему, но не поколебали доброты, стремления к общению с людьми, веры в светлые идеалы коммунизма. Одна из часто напеваемых ею песен детям: «Наш паровоз, вперёд лети, в Коммуне остановка. Другого нет у нас пути – в руках у нас винтовка!». На всю жизнь она сумела сохранить юношеский максимализм, из-за которого бывала несправедлива в суждениях о происходящих событиях и окружающих людях.

После выхода на пенсию в 1960-ом году Татьяна вернулась в Москву без права проживания в ней и без жилья. И вновь начинает упорную долгую борьбу за восстановление права на проживание в столице для себя и сына, закончившего к этому времени институт. Её энергия, настойчивость и трудолюбие побеждают. Они купили кооперативную квартиру, которую она обустраивает, продолжая ежедневно заботиться о сыне и семье дочери, находящейся в Норильске. Все эти годы она тяжело переживала своё одиночество и считала, что уход детей в свою личную жизнь – это предательство по отношению к родителям. И всё же в пенсионные годы вела активную жизнь: встречалась с друзьями, занималась общественными делами, всегда тепло принимала друзей и знакомых своих детей, много читала и до последних дней училась. О её способности и желании познавать свидетельствует выполненный ею в эти годы самодельный словарь непонятных слов и выражений, умело используемый для расшифровки довольно сложных кроссвордов.

Приложение

Глоссарий советского новояза

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодёжи.

ВМН – высшая мера наказания (расстрел) – смертная казнь была предусмотрена уголовными кодексами всех республик СССР.

Вольнонаёмный – человек, работающий по найму

ВУЗ – высшее учебное заведение (институт).

ГУЛАГ – главное управление лагерей и мест заключения НКВД, МВД СССР с 1930 по 1960 годы.

Заключённый (зк, зэка, зэк) – человек лишённый свободы по приговору суда или «тройки».

Комсомол – коммунистический союз молодёжи, сокращённое название ВЛКСМ.

Коммунальная квартира – жилое помещение, в котором проживает несколько нанимателей. Большая часть населения СССР проживала в государственном жилье, где самой распространённой формой были такие много-населённые квартиры.

Красная армия – полное наименование Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА), так называлась армия СССР до 1946года.

Красноармеец (боец) – воинское звание рядового состава РККА.

КПСС – коммунистическая партия Советского Союза – так с 1952 по 1991 год называлась правящая политическая партия страны, ранее ВКП(б).

Ленин Владимир Ильич – Один из руководителей октябрьского переворота 1917 года в России, политический и государственный деятель, основатель коммунистической партии и советского государства, 1870-1924 гг.

МВД – министерство внутренних дел, до 1946 года – НКВД народный комиссариат (наркомат).

МГБ – министерство государственной безопасности.

Минцветмет – министерство цветной металлургии.

Ордер – документ, устанавливающий или закрепляющий определённый порядок, в СССР часто употреблялся в судебной практике (ордер на арест), при получении жилья (ордер на квартиру), при карточном распределении товаров (ордер на одежду или обувь).

Пионер – начальное значение первопроходец, начинатель. В СССР пионерская организация создавалась по примеру скаутских организаций, но основная её задача состояла в воспитании преданности коммунистической партии.

Политотделы ГУЛАГа НКВД руководили партийно-политической работой всех принадлежащих системе подразделений, в том числе предприятий Норильского комбината.

Расконвоировать – освободить заключённого от конвоя (охраны).

Революция – радикальное, коренное, глубокое качественное изменение, скачок в развитии природы, общества или познания, сопряжённый с открытым разрывом с предыдущим состоянием. В русской разговорной речи подразумевается октябрьская революция (или пролетарская, или большевистский переворот) 1917 года.

Репатриация – возвращение на родину, в страну гражданства или происхождения лиц, оказавшихся в силу различных обстоятельств на территории другого государства. Репатрианты – люди, возвращающиеся на родину.

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, одна из крупнейших республик в составе СССР.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик государство, просуществовавшее с 1922 по 1991 год.

Сталин Иосиф Виссарионович – революционер, советский политический государственный партийный деятель, с 30-х годов XX века единоличный правитель СССР. Организовал и руководил истреблением народов страны, 1878-1953 гг.

ТЭЦ – теплоэлектроцентраль, электростанция вырабатывающая тепло и электроэнергию.

ЧСИР – члены семей изменников родины, формулировка статьи 58-8 УК РСФСР.

Содержание статьи 58 уголовного кодекса РСФСР

58-1. Определение контрреволюционной деятельности.

«Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и ... правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.»

• 58-1а. Измена Родине: расстрел с конфискацией имущества, или 10 лет с конфискацией имущества.

• 58-1б. Измена со стороны военного персонала: расстрел с конфискацией имущества

• 58-1в. В случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются – лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет.

• 58-1г. Недонесение о военных изменниках: лишение свободы на 10 лет. Недонесение на других граждан (не военнослужащих) преследуется согласно ст.58-12.

58-2. Вооруженное восстание или вторжение с целью захватить власть: расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

58-3. Контакты с иностранным государством в «контрреволюционных целях» или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады караются по статье 58-2.

58-4. Оказание помощи «международной буржуазии», которая не признаёт равноправия коммунистической системы, стремясь свергнуть её, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против СССР деятельности: наказание аналогично статье 58-2

58-5. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества, разрыву дипломатических отношений и другим агрессивным действиям против СССР: наказание аналогично статье 58-2

58-6. Шпионаж: наказание аналогично статье 58-2.

58-7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций то есть промышленный саботаж: наказание аналогично статье 58-2

58-8. Террористические акты, направленные против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций: наказание аналогично статье 58-2

58-9. Причинение ущерба системе транспорта, водоснабжения, связи и иных сооружений или государственного и общественного имущества в контрреволюционных целях: наказание аналогично статье 58-2

58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.58-2 – 58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении: наказание аналогично статье 58-2.

58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется уголовным кодексом по соответствующим статьям.

58-12. Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении: от 6 месяцев лишения свободы.

58-13. Активная борьба против революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или контрреволюционных правительствах в период гражданской войны: наказание аналогично статье 58-2

58-14. (добавлено 6 июня 1937 г.) Контрреволюционный саботаж, то есть сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до расстрела с конфискацией.